

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

С Т А Т Ъ И И М А Т Е Р I A L Y
П О Б О Л Г А Р С К О Й
Д И А Л Е К Т О Л О Г И И
С С С Р

Выпуск 6

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М о с к в а — 1 9 5 4

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

С Т А Т Ъ И М А Т Е Р И А Л Ы
П О Б О Л Г А Р С К О Й
Д И А Л Е К Т О Л О Г И И
С С С Р

Выпуск 6

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М о с к в а 1 9 5 4

О Т В Е Т С Т В Е Н Н Ы Й Р Е Д А К Т О Р
проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

Е. В. ЧЕШКО

ПРЕДЛОГИ ЛОКАЛЬНОГО И ВРЕМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ В БОЛГАРСКОМ ГОВОРЕ СЕЛА СУВОРОВА

В болгарском языке исключительно велика роль предлогов в выражении синтаксических отношений имени. Между тем вопросы предложного употребления имен очень мало изучены в болгарском литературном языке и совсем не исследованы на материале говоров. В отдельных статьях и разделах грамматик, посвященных предлогам, большое место занимают вопросы нормализации употребления предлогов. Впервые остро поставленные Л. Милетичем в 90-х годах прошлого века¹, вопросы эти остаются актуальными и в современной грамматике. Так, П. Калканджиев в своей грамматике пишет: „Неумение правильно ими (предлогами). — Е. Ч.) пользоваться и дословные переводы с чужих языков создали значительные синтаксические неправильности и наводнили не только книжный, но и разговорный язык синтаксическими варваризмами“². Он дает подробный перечень случаев неправильного употребления одних предлогов вместо других. Вопросы эти поднимаются также в других грамматиках (например, А. Теодоровым-Баланом и Л. Андрейчиным).

¹ Л. Милетич. Рецензия на кн. И. Пеева-Плачкова „Идеологическа класификация на българските предлоzi“. Пловдив, 1890; Синтактични неправилности в книжовния ни език („Училищен преглед“, год X, кн. 6, 1904). Един важен недостатък в нашия книжовен стил („Български преглед“, ч. 1, кн. 2, 1894).

² П. Калканджиев. Българска граматика. Пловдив—София, 1936, стр. 485.

Болгарские ученые справедливо отмечали важность изучения предлогов в народных говорах. Так, Л. Милетич в своей рецензии на книгу Пеева-Плачкова писал: „Более чем желательно установить правила употребления предлогов в болгарском литературном языке на основе народного языка, с тем, чтобы прекратить постоянные колебания, чтобы не думали, что вместо всякого *на* можно сказать *от* или *за* и обратно“¹.

Другой болгарский лингвист Д. Цвятков отмечает: „Чтобы знать, когда и где употребляется тот или иной болгарский предлог, нужно проследить различные употребления каждого предлога в живых болгарских говорах, чтобы понять психологическую основу этого употребления“². Научную основу нормализации употребления предлогов в болгарском языке может дать лишь раскрытие внутренних закономерностей в смысловой системе предлогов. Для решения этой задачи большое значение имеет учет всех основных случаев синтаксического употребления каждого предлога в болгарских говорах.

Изучение предлогов и их взаимодействия с падежными формами на материале говоров чрезвычайно важно для уяснения трудной и сложной проблемы истории болгарского языка — вопроса о том, как и почему произошла утрата старых падежных флексий и каким путем шло вытеснение беспредложных падежей предложными оборотами. В местных говорах могут быть представлены разные стадии этого процесса, поэтому изучение говоров является важным условием успешного исследования данной проблемы.

К сожалению, работы по описанию предлогов в болгарской диалектологии отсутствуют. Даже Милетич, который неоднократно писал о важности исследования предлогов в болгарских говорах, ничего практически в этой области не

¹ Ук. рецензия (отд. оттиск), стр. 7.

² Д. Цвятков. Синтактична употреба на предловите *из* и *низ* в новобългарския език („Училищен преглед“, 1903, стр. 79).

предпринял. Наша статья представляет собой одну из первых попыток подобного исследования.

При использовании наших диалектологических материалов необходимо учитывать специфические условия, в которых находятся болгарские говоры Советского Союза. Более столетия эти говоры развиваются обособленно, в отрыве от болгарского национального языка, в условиях иноязычного окружения. Правда, влияние родственных и неродственных языков затронуло только лексический состав и почти не коснулось фонетического и грамматического строя говоров. Так, например, то обстоятельство, что болгары села Суворова владеют русским языком, не оказalo никакого влияния на судьбу падежных флексий в говоре. Полностью утрачены флексии падежей имени существительного. Сохраняется частично лишь звательная форма. В полных местоимениях сохраняется только форма винительного падежа, который употребляется либо с предлогами, либо в сочетании с краткой формой местоимения, но почти не встречается в самостоятельном употреблении.

Предлоги являются служебными словами, стоящими на грани грамматики и лексики. Этим объясняется относительная трудность проникновения в эту область иноязычных заимствований. Однако у носителей суворовского говора встречаются иногда русские предлоги в болгарской речи. Например, предлог *через* при отсутствии болгарского *чрез*: *Л'ён'ата вид'á, чи лайдинио маш приміна чýрис границата* (Леня видел, что лидин муж пересек границу). В ряде случаев можно предположить заимствование из русского языка того или иного значения, не свойственного соответствующему болгарскому предлогу (например, *под новата гудина* наряду с болгарским *ср'áшту новата гудина*). Возможность подобных семантических заимствований следует иметь в виду при использовании данного материала. Это тем более важно, что пометы о заимствованиях мы даем только предположительно, так как для полного решения этого вопроса не располагаем достаточными данными.

Болгарские говоры Советского Союза хорошо сохранили свои диалектные особенности. Однако очень часто здесь приходится сталкиваться со смешанными говорами, никогда нет гарантии, что тот или иной говор, на первый взгляд, представляющийся единым, не содержит в себе разнодиалектных элементов. Так обстоит дело и с говором села Суворова. Указанные обстоятельства необходимо учитывать при изучении системы предлогов.

Изучение предлогов суворовского говора проводилось нами в двух направлениях: в плане выяснения смысловых соотношений между близкими по функциям предлогами и в плане раскрытия системы значений отдельных многозначных предлогов. Необходимость разных типов исследования применительно к разным предлогам объясняется различиями в характере самих предлогов и в характере их смысловых соотношений.

Некоторые отношения передаются только одним предлогом (например, генетивные), для выражения других используется несколько разных предлогов (например, причинные, целевые и другие отношения). Кроме того, некоторые предлоги служат для выражения ограниченного круга отношений (например, только пространственных и временных), другие предлоги многозначны. Это-то и делает исследование материала в двух планах не только оправданным, но и необходимым. Эти два плана нашего исследования постоянно перекрещиваются, но за основу берется один из них в зависимости от специфики изучаемого материала.

В настоящей статье дается описание предлогов локального и временного значения. Естественно, в центре внимания будут стоять вопросы выяснения смысловых отношений между близкими по функциям предлогами.

Предлоги, выражающие в говоре отношения места и времени, представляют наиболее многочисленную и богатую синонимами группу. Задача данной работы — описать употребление этих предлогов, по возможности определив различия в значении близких по смыслу предлогов.

Работа написана на основании записей и наблюдений, проведенных в течение двух диалектологических экспедиций, работавших в селе Суворове в 1951 и 1952 гг.

Собирая материал, мы почти не прибегали к искусственным методам (например, переводы с русского), все примеры взяты из непосредственной речи болгар или выписаны из связных текстов (расписано более 600 страниц текста). Этим объясняется неравномерное количество материала по разным предлогам. По некоторым, редко встречающимся, предлогам материала оказалось недостаточно для решения стоящей перед нами задачи. Нам не удалось, например, уловить различие в значении и употреблении предлогов *оттатка* и *отвъди*. Отсутствие четкой дифференциации в их значении объясняется, возможно, тем, что они принадлежали первоначально разным говорам, и в силу сравнительно редкого употребления у них не выработалось специфических оттенков значений в системе единого говора. Количество собранного материала оказалось недостаточным для определения соотношений между эквивалентными предлогами по частоте их употребления. Это вопрос очень сложный, и материал для его решения не мог быть собран искусственным путем, так как здесь большую роль играет специфика контекста. В зависимости от количества материала разные предлоги рассмотрены с разной степенью детальности.

Группировка материала в нашей работе определяется задачей выявления предложной синонимики. Мы отдельно рассматриваем предлоги локального и предлоги временного значения, хотя многие предлоги локального значения употребляются и для выражения отношений времени. Таковы предлоги *в (във)*, *до*, *къде*, *на*, *напред*, *около*, *от*, *под*, *през*, *при*, *подир*, *помеж*, *срешту*.

Однако большая часть предлогов локального значения отношений времени не выражает. Это предлоги *въз*, *из*, *зад*, *край*, *над*, *между*, *помежду*, *насрещти*, *нататка*, *отвъди*, *оттатка*, *отвъди*, *пред*, *покър*, *сред*, *у* и некоторые их варианты.

ПРЕДЛОГИ ЛОКАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Рассматривая значение предлогов, мы делим их на группы в зависимости от тех реальных пространственных отношений, которые ими обозначаются. Так, предлоги локального значения, определяя направление движения (куда? откуда?) и место совершения действия или нахождения предметов (где?), могут указывать место, находящееся на (в) самом предмете или вне его. В соответствии с этим мы делим предлоги на две большие группы, которые рассматриваются отдельно.

Предлоги, указывающие место или точку вне предмета, обозначенного существительным, перед которым стоит предлог, определяют ее местоположение по отношению к данному предмету: сверху, снизу, сзади, спереди, рядом и т. п. Предлоги, обозначающие каждое из таких положений, составляют синонимическую группу. Например, нахождение в соседстве с чем-то может быть обозначено предлогами: *до*, *при*, *около*, *покър*, *край*, *къде*, *у*. Эти предлоги в определенных случаях выступают как синонимы, хотя в других случаях их значение резко различно и они не могут заменять друг друга. Обычно индивидуальное значение предлога более резко выступает при глаголах движения, и значения предлогов сближаются при глаголах положения.

Положение вне предмета обозначается предлогами *до*, *зад*, *къде*, *между*, *над*, *напред*, *насрещти*, *нататка*, *прел*, *при*, *подир*, *покър*, *помеж*, *помежду*, *срешту*, *увѣди*, *оттатка*.

Другая группа предлогов определяет положение на (в) самом предмете, обозначенном существительным, перед которым стоит предлог: на поверхности, внутри, в пределах данного предмета или пространства. К этой группе относятся такие предлоги, как *в* (*фхф*), *въз*, *из*, *на*, *по*, *сред*. Есть предлоги, имеющие оба значения: *от*, *през*.

В предлогах локального значения нет резкого деления на предлоги места и предлоги направления. Поэтому данный признак не может быть положен в основу классификации. Боль-

шая часть предлогов может обозначать и то и другое. Проявление того или другого значения зависит от семантики управляющего слова, чаще всего глагола. При глаголах целенаправленного движения и действия предлог будет определять пространственную цель данного движения; при глаголах положения — место, где находится предмет; при глаголах, обозначающих действия, не имеющие пространственной цели, — место совершения указанных действий.

При описании употребления предлогов и определении различий в значениях синонимичных предложных сочетаний является целесообразным рассматривать параллельно употребление предлога при глаголах положения и при глаголах движения, так как в последнем случае, как правило, ярче выступают различия в значении предлогов.

I

Предлоги, определяющие положение предмета или место совершения действия по отношению к данному предмету, но вне его

Предлог *над* указывает на положение сверху, без соприкосновения с поверхностью данного предмета: *лáмпата висí над моíта главá; над на́шта кáшта эма гнizdó ут фти́чка* (лампа висит над моей головой; над нашим домом находится птичье гнездо). Употребленный с глаголами движения, предлог *над* указывает положение движущегося предмета по отношению к данному предмету: *тáа вéчер ируплáну фракá над на́шту сéлу* (в этот вечер над нашим селом летал самолет). Со значением направления предлог *над* не зафиксирован.

Предлог *под* указывает на положение одного предмета по отношению к другому, находящемуся над ним или покрывающему его сверху: *пуд дивáну бýши мýшката и исфráкна; скрых нахтáру пут кáману; зачéна да пláва пуд вудá* (под диваном была мышка и выскочила; я спрятала ключ под камень; он стал плавать под водой). В переносном значении:

ду трáїси и дивéтата гудýна бýдми пут румáнската влас (до тридцать девятого года мы были под румынской властью).

При глаголах целенаправленного движения предлог *под* указывает направление: *бýтна пут кривáту; пл'áва пáда на стárна, зранóту пáда дóлу пул в'áйлката* (бросил под кровать; солома падает в сторону, зерно падает вниз под веялку). Переносное значение предлога *под* — выражение отношения сходства: *рúскио изýк са пудхóжда пул бáлгарцюко* (русский язык близок к болгарскому).

Предлоги *зад*, *отзъди* и *подир* обозначают положение за предметом. При этом предлоги *зад* и *отзъди* указывают на место и направление, а предлог *подир* употребляется главным образом при обозначении следования одного предмета за другим, например: *кóн'у врáвий пудíр машýната* (лошадь идет за машиной — следом за машиной). Предлоги *зад* и *отзъди* в этом случае не употребляются.

В употреблении предлогов *зад* и *отзъди* наблюдается следующее различие: предлог *зад* может употребляться с существительными, обозначающими предметы, в которых объективно передняя и задняя стороны не различаются: *митлáта зат ѯáщику; Тажбунару са намýра зад нашту сéлу, зад г'óлу; слáнци са скryе зат облак; еї и де чákат — зат кишéту* (метла за ящиком; Таш-Бунар находится за нашим селом, за лиманом; солнце скрылось за облако; вот где они ждут — за углом). Задняя сторона предмета здесь определяется по отношению к лицу, от которого данный предмет загораживает другой предмет. Предлог *зад* может употребляться и при обозначении предметов, в которых различается передняя и задняя сторона: *аз гу врáзвам зад мéни си за кóжината сýмка; тр'ápkata зат сандáку; и гу фрákna зат собата* (я его привязываю сзади за кожаную сумку; тряпка за сундуком; бросил его за печку). При этом относительное и объективное определения задней стороны могут совпадать как в первом примере, но могут и не совпадать (сундук может быть повернут замком к стене, а устье печи — находиться сбоку).

Наречный предлог *отэ́ди* зафиксирован лишь в случаях, когда речь идет о предметах, в которых объективно разлидается передняя и задняя сторона: *то̄и сиди́ удэ́ади нéгу;* *ф кинó нíца сид'áхми удэ́ади нéшу;* *ас сидá удэ́ади т'ах,* *та сиди́ утпр'áди;* *ж~йдим на́там, дéту тýрците на ни чákат... удэ́ади крéпуст;* *удэ́ади кáшта* (он сидит сзади него; в кино мы сидели сзади него; я сидел сзади их, она сидела впереди; пойдем туда, где турки нас не ждут... с задней стороны крепости; с задней стороны дома).

Очень редко при глаголах положения встречается предлог *подир*. Зафиксировано только два примера: *инá пудíр дрúга лижí;* *то̄и эастáна пудíр бригó, кату са прásна идíн кáман* (лежит одна за другой; он остановился за уступом скалы, когда отлетел камень).

В основном же предлог *подир* употребляется при глаголах движения для указания на предмет, вслед за которым движется другой предмет: *кóн'у вравíй пудíр машíната;* *ти пудíр мéни минá;* *и пак ма́йкти пудíр т'ах врав'áт;* *сéтни пáнна и са влáчи пудíр бидáта;* *врав'áх пудíр Дóра* (лошадь идет сзади машины; ты прошел следом за мной; матери идут сзади них; потом он упал и тащился за двухколкой; я шла следом за Дорой).

Предлоги *пред*, *напред*, *сре́шти*, *насрешти* указывают положение впереди предмета. Предлог *пред* указывает на местонахождение чего-либо или совершение действия перед передней, лицевой стороной предмета: *эастáна и глéдам:* *прид мéни г'óлу;* *прит вратáта — клáиниц;* *то же вýдииш прит сво́ба си двор судéбни прýстаф;* *и тýдя сéннат прит кáшти* (я остановился и смотрю: передо мной лиман; перед воротами колодец; тогда увидишь перед своим двором судебного пристава; и они сядут перед домом).

В переносном значении: *дéту са чýстувах ас, чи сам пристúпник при́д эакóна* (я чувствовал себя преступником перед законом).

При обозначении движения впереди другого предмета употребляется предлог *напред*: *йдин чул'áк иско́кна и утýва*

напрёт машина; мумичаата врав'йт напрёд нас (один человек выпрыгнул и пошел впереди машины; девушки идут впереди нас). С глаголами положения этот предлог не зафиксирован.

Таким образом, обозначение взаимного положения движущихся предметов в говоре передается одними предлогами — *подир, напред*; расположение статичных предметов — другими — *зад, отзъди, пред*.

Предлоги *срешту* и *насрешти* зафиксированы в одном и том же значении — „против“, „напротив“. Наиболее определено значение этих предлогов проявляется при глаголах движения, где они указывают направление навстречу, против движения данного предмета: *нёї ѹсками да б'ягами насрёсти в'ятир; ниц удыхми ср'яшту в'ятиро* (мы хотим бежать навстречу ветру; мы шли против ветра).

Оба предлога употребляются также для определения места, обозначая „положение напротив“: *жув'яити наср'яшту интэзу; застана наср'яшту мёни; ни дёй застáвац ср'яшту мёни; жа стыгните гул'амата ѹлица праvu ср'яшту чёркува* (вы живете напротив МТС; он встал против меня; не вставай против меня; дойдете до большой улицы прямо против церкви).

Иногда значение предлога *насрешти* сближается со значением предлога *пред*. Это случаи, когда отсутствует оттенок противостояния, нахождения лицом к лицу, например: *т'a насрёсти ти кастр'ул'ата, ти ни а виждаш; насрёши ми идин салдáтен, другáру кантужен в главата, бис памет* (кастриюля перед тобой, а ты ее не видишь; передо мной один солдат, товарищ, контуженный в голову, без памяти).

Предлоги, обозначающие положение с противоположной стороны предмета: *отвъди, нататка, оттатка*. Употребляются они в говоре и как предлоги и как наречия.

Предлог *отвъди*: *удвáди бáлтата са начёва камáш; тоi сидí удвáди таá кáшта* (за плавнями начинается камыш; он живет за этим домом). Ср. в том же значении: *ут унáа стáрна г'óлу — фýрмата* (с той стороны лимана — ферма).

Обозначение направления: *най утýдахми удвáди г'óлу* (мы отправились на другую сторону лимана). То же значение может быть передано иначе: *и благупулýчну утýдахми на уна́а стárна г'óлу* (и благополучно перешли на другую сторону лимана).

Наречие *удвáди*: *врáтити удвáди ф уна́а кáшта* (идите с другой стороны в тот дом).

Предлоги *оттатка* и *нататка*: *мáїка и баштá и бráт тéä жив'áçат натáтка г'óлу; жив'áа уттáтака góлу* (мать и отец и брат — они живут по ту сторону лимана; жили с другой стороны лимана). Обозначение направления: *аэ ж'íда уттáтка сáду жа навид'á идýн клон áбалки; уттáтка гранýца бáлгари утýдаа за мамóли* (я пойду на другую сторону сада и нагну ветку яблони; болгары уходили за кукурузой по другую сторону границы — из рассказа о прошлом).

Наречие *оттатка*: *те ж'íдат скóру уттáтка* (они скоро туда пойдут).

Для обозначения движения над предметом с одной его стороны на другую употребляется предлог *през*: *прискóчил приэ дувáру; приэ грáдити скáчи; Вáс'ата сас нéгооту кóнчи прискóкна приз агráдата*¹ (перепрыгнул через забор; через загородки прыгает; Вася на своем коне перескоцил через ограду).

Для указания на серединное положение предмета по отношению к двум или нескольким другим предметам служат предлоги *между*, *помежу* и *помеж*: *между кáштата и сáраí расté крýша; между чимудáни и сббата сидí малкуту кривáтчи* (между домом и сараем растет груша; между чесноками и печкой стоит маленькая кровать). Направление: *жир тýр'áт мéжду курýти* (жир кладут между слоями теста). В переносном значении: *междú мбити сýнуви шулýма рáэница ýма: идýнио млóгу ýбаф, пак идýнио — млóгу лош* (между моими сыновьями большая разница: один очень хороший, другой очень плохой). Предлоги *помежду* и *помеж*

¹ О других значениях предлога *през* см. след. раздел.

отмечены в случаях, когда положение определяется по отношению к ряду предметов: *ну по́лску во́йску фла́на в гура́та и зачёнаа да са би́дат пумиждú драв'áта; пумиш т'ах н'áма ўбаи óра* (польское войско вошло в лес и начало биться между деревьями; среди них нет хороших людей). Переносно: *пумижду нас н'áма рáэница фав гудйнити, нӣ сми иднáкви* (между нами нет разницы в годах, мы ровесники).

Наибольшее разнообразие представляют предлоги, обозначающие пространственную близость одного предмета к другому. К этой группе относятся предлоги *до, къде, около, покър, край, при, у*.

Различия в значении этих предлогов резко обнаруживаются при глаголах со значением перемещения в пространстве и часто бывают слабо ощущимы при обозначении положения.

Предлог до. Основное значение предлога *до* есть указание на предел. В этом значении предлог *до* соотносится с предлогом *от*, обозначающим начальный пункт: *нӣјä вра-в'áхми пишá ут Букурéшти ду дóма* (мы шли пешком от Бухареста до дома).

Значение предела не является только пространственным. Пределы могут определяться в пространстве, времени, количестве, степени чего-либо: *ут ма̄ї ду синтибр'á са кáп'ат; кákту скóкнахми в вудáта, т'a б'áши ду по́дас; убрáа крýшата ду зráно* (от мая до сентября купаются; когда мы прыгнули в воду, она была до пояса; обобрали грушу до зернышка).

Значение предела не является, однако, единственным пространственным значением предлога *до*. Употребление этого предлога с глаголами положения позволяет отнести предлог *до* к группе рассматриваемых нами предлогов.

Предлог *до* указывает на предмет (место), рядом с которым находится другой предмет или совершается какое-либо действие. Например, положение: *ду мёни сидí мумíчинци; ду раl'óку са нахóжда побштата; там ду раl'óку сидí идн чул'áк и ду тоо чул'áк има инá таблýчка; мумíчиту*

уста́на ду кла́инцу да чáка мумчéнциту; и ду г'óлу луз'á ю́ма; ду нéгу лижí тилéнци; вáшти ду шкóла (около меня сидит девочка; около ларька находится почта; там у райкома сидит человек, и около этого человека есть табличка; девушка осталась у колодца ждать паренька; и около лимана есть виноградники; около него лежит теленок; ваши около школы); совершение действия: ду бригó там сл'áнаами и свалýми сýчкио инструмéнт; ф тфа вр'áми ду духувóй уркéстр са пудýна шум; клас убýрахми ду тóку фаф нíвата; то сп'áши ду кón'у пут кракáта му; близ ду луз'áта жив'áим; Бајáну лéгна на курéму ду Вáс'ата (у берега слезли и сгрузили весь инструмент; в это время около духового оркестра поднялся шум; мы убирали колосья около тока на ниве; он спал около коня, у его ног; мы живем недалеко от виноградника; Баян (собака) лег на живот около Васи).

Употребление предлога *до* для обозначения положения „рядом“, „около“ связано с тем, что при глаголах движения предлог этот тоже не всегда имеет чистое значение предела. Наиболее ясно значение предела в предлоге *до* проявляется при глаголах со значением достижения пространственного предела (часто это глаголы с приставкой *до-*). Эти глаголы всегда требуют предлога *до*: *кату утáдихми, стýгнахми ду инó дирé; кón'у бигá и стýгна ду мустó, дéту мýнва поизэду; и стýгнали ду дирéту; тоi дуплáва ду óнио нéмиц; аз дуближих ду г'óлу; и дулáзила ду кón'у и там заспáла* (когда шли, дошли до одной речки; конь бежал и достиг моста, где проходил поезд; и дошли до речки; он доплыл до того немца; я приблизился к лиману; и доплыла до коня и там заснула).

Значение предела может иметь предлог *до* в сочетании с глаголами, не выражающими этого значения самостоятельно, например: *Макár да юдим ду инó сéлу, н'áма машýна* — здесь речь идет о том, что они долго идут пешком, уже доходят до какого-то села, а попутной машины все нет.

В других случаях значение пространственного предела

отступает на второй план, а на первый выступает значение направления — указание на положение рядом с данным предметом, достижение которого является целью выраженного глаголом действия, например: *Л'ён'ата утыйди ду г'óлу и зачёна да си фáрли кáманчета фав г'óлу; тоi кáэал на маíка си: „Мáмо мо, зéмаi мóйтa пúшка и закачí ду гла-вáта ми да а глéдам“; утýшал ду нéгувата кáшта и чýка* (Леня пошел к лиману и начал бросать камни в лиман; он сказал своей матери: „Мама, возьми мое ружье и повесь его к моему изголовью, чтобы было его видно“; пошел к его дому и стучит).

В этом же значении употребляется предлог *до* при указании на лицо, к которому направляется другое лицо: *Мáша пустуїáнну ду мéни дувáжда; утýдахми ду дóхтуру; сéтни гу вудíхми ду дóхтуру; утýдухми ду т'бт'a; сéтни дудé идýн лев ду нéгу; т'a гу вличé чи гу дувéди ду мéни* (Маша постоянно приходит ко мне; мы пошли к доктору; потом его водили к доктору; мы пошли к тете; потом пришел к нему лев; она его потасила и привела ко мне).

Зафиксировано несколько случаев, когда предлог *до* обозначает направление внутрь предмета, однако эти случаи не типичны для говора, например: *жx гу тýр'a ду л'ýлката; тýриши вудá, сол, нал'áйши ду тавáта; тýрим мánжа ду сóбата; фпрéгнал идýн кон в бидáта, и са качí идýн жан-дáрин ду бидáта; сéтни Л'ён'a утýди ду зáлу* (положу его в люльку; берешь воду, солишь, наливаешь на сковороду; ставим соус в печь; впряг лошадь в двуколку, и вскочил в двуколку один жандарм; потом Леня пошел в зал).

Предлог *кéде* указывает на предмет, в сторону которого обращено действие: *кáшта глéда кади пáт'y* (дом выходит окнами на дорогу). Если предлог *до* обозначает направление посредством указания на конечный пункт движения, у которого оно пресекается, то предлог *кéде* значения предела не имеет, он указывает лишь на ориентир, в сторону которого направлено движение, этот ориентир, однако, может быть и не достигнут: *лóтката утáди кáде бригó; ниi утáдим ут*

Сувóруф кади Смаíл; ж~йдиш кади Мусквá; кату из-х'áнал на góре да и́ди кади кантората, минá прис тунéлу; то́и застáна пудир брио́, кату са прásна идýн кáман, и иднá акóлка утýди кади нéгу; ни́ж ж~йдим кади вас, вие кади нас; и са спúска фав вудáта кади мёни (лодка идет в направлении берега; мы идем от Суворова в Измаил; ты едешь в Москву; когда поднялся наверх, чтобы идти в контору, он прошел через тоннель; он остановился за уступом скалы, когда разорвался камень, и один осколок полетел по направлению к нему; мы идем к вам, вы к нам; и спускается в воду ко мне).

Предлог *къде* употребляется также для обозначения местоположения и места совершения действия. В отличие от предлога *до* он обозначает местоположение менее точно, указывая на нахождение чего-либо в направлении, в районе данного ориентира: *мáїка и баштá и брат тéа жив'áјат натáтка, на дöлнио краi, кади гол; натáтка вал'áлу даш, кади нас н'áма; вуенкумáт кади булнýцата; ўлицата кади луз'áта; т'a б'áши кади вратáта; папшóї каде вас ѿбаф ли јe?; т'a жив'áје кади кишéту; ѹмаа Ѻшти идýн брат Márку то́и кади Xárкуф, там рабóтиши; Ира ли ми приказвá, кади Ленингráт ли студéну?* (мать, отец и брат живут там, на нижнем конце, около лимана; там шел дождь, а около нас нет; военкомат около больницы; улица около виноградника; она была около ворот; хороша ли кукуруза около вас?; она живет недалеко от угла; есть еще один брат Марк, он около Харькова, там работает; Ира ли говорила, что под Ленинградом как будто холодно?).

Предлог *покър* имеет значения „мимо“, „вдоль края“. Особенно часто он употребляется с глаголом *мина*: *минáват пукар нас; то́и минвáл пукар школата; сýчкити, кðíту минвá пукар тáа кáшта, сýчкити эастáваа; минáхми пукár лáфката и си купíхми пу инá бўличка; инó мумчé эамина пукар бурдéту* (проходят мимо нас; он проходил мимо школы; все, кто проходил мимо этого дома, все останавливались; проходили мимо лавки и купили по одной

булочке; один мальчик шел мимо погреба). Когда речь идет о предметах, имеющих большое протяжение, предлог *покър* указывает на движение вдоль края данного предмета: *жа кáрами* (*лóтката*) *пукár камáш*; *ас утýдех пукар рикáта*; *Дýнава тичé пукар млóгу гул'áми гурудá* (поведем лодку вдоль камыша; я шел вдоль реки; Дунай течет мимо многих больших городов).

Во втором значении предлог *покър* выступает синонимом предлога *край*. Ср. например: *ас утýдех краi рикáта*; *вра-вéх краi силóту*, *краi рикáта* (я шел вдоль реки; я шел по краю села, вдоль реки).

В большинстве случаев оба значения предлога *покър* не противоречат друг другу. Однако в некоторых случаях одно значение исключает другое, например: *снар'áду замýнал пукар запарóщи*; *минvá пукар начáлник пулká* (снаряд прошел мимо запорожцев — не задев их; проходил мимо начальника полка).

С другой стороны, при обозначении положения (в этой функции предлог *покър* употребляется очень редко) ярко выступает второе значение предлога, исключающее первое, например: *т'a лéгнала пукар сббата* (она легла вдоль печки); *пукар цаклóту стуй кревáт* (вдоль окна стоит кровать, — если кровать стоит изголовьем к окну, нельзя сказать *пукър*, а нужно сказать *до* или *около*); *кýчиту лижí пукар дра-вóту* (собака лежит около срубленного дерева, — вытянувшись вдоль ствола).

Предлог *около* употребляется сравнительно редко, в том же значении, что и в русском языке: *óкулу цаклóту стуй кривáту*; *г'óлу óкулу сéлу*; *óкулу мéни óдат инá купчýна дицá* (около окна стоит кровать; лиман около села; около меня ходят группа детей).

Если предлоги *до*, *къде*, *покър*, *край* и *около* выражают чисто локальные отношения, то в двух других предлогах этой группы — *при* и *у* — пространственное значение усложняется дополнительными оттенками, благодаря которым эти предлоги могут употребляться не со всеми категориями су-

ществительных. Предлог *у* употребляется в говоре только со словами, обозначающими лицо; предлог *при* в пространственном значении, кроме того, может употребляться также при названиях животных, но не встречается с существительными, обозначающими неодушевленные предметы. Предлоги *до*, *къде*, *около* и *покър* таких ограничений, как мы видели, не имеют, они могут употребляться с названиями как одушевленных, так и неодушевленных предметов.

Предлог *при* обозначает нахождение около какого-то живого существа, например: *ас си лéгнах при краvата в јас-лата* (я лег рядом с коровой в яслях). Но обычно к этому значению добавляется выражение определенного отношения между лицом (предметом), о котором идет речь, и тем лицом, животным, на близость к которому указывает предлог. Это отношение совместности (если речь идет об одушевленном предмете) с оттенком подчиненности, зависимости от лица, на близость к которому указывает предлог, например: *дéвет гудýни б'áх при свикáрвата; и тоj сидý при баштáси; мумчéту ми ни ште устáни при маjка на баштáси; двáмата са при мéни; т'a там при нашти дицá; аз бих ду кишéту при маmáси; работй при маjстури; при дóч-ката жив'áia, шáтам на бўлки тýja; инóту гу ужéних и то жив'á с мажóси при нас* (девять лет жила при свекрови; он живет у своего отца; мой мальчик не хочет оставаться у бабушки; она там при наших детях; я была на углу с мамой; работал при мастерах; при дочери живу, хозяйничаю у них; одну выдала замуж, живет с мужем при нас).

Если речь идет о неодушевленном предмете, предлог *при* указывает на отношение принадлежности, владения, например: *ймаше идýн пулим'бт при нас* (у нас имелся один пулемет).

Часто предлог *при* употребляется с глаголами движения для обозначения направления к людям или животным: *ас кату сам маáда камсамólка и ни знам пиунéрската рабута, пак ма j бýши страх да йда при дицáта; занéс гу при маjката; тáти ми пратй при инá чйнка; унýа утýдаа при*

куманди́ру; и тва мунчё́нци ути́ва при д'а́дуту; и при до́хтури да бдиш; гудини́ку óди при гудини́цата вéчár; ба́ба тугá умр'á, и сéтни ас удíх на грóбишта при нé́я; то́й удíл при нé́я; мумчё́нци ути́шлу при вулбóти; то утáди и фл'áна при уфу́ёти и криши́тý; и то́й, кату ути́ди при тéа́ замí, эе чáпата, га тóрна на рáмуту (так как я молодая комсо-молка и не знаю пионерской работы, мне было страшно идти к детям; отнеси его к маме; папа меня послал к одной тетке; те пошли к командиру; и этот мальчик пошел к деду; и к докторам чтоб сходила; жених ходит к невесте по вечерам; бабушка тогда умерла, и я ходил к ней на могилу; он ходил к ней; мальчик пошел к волам; он пошел и вошел к овцам и кричит; и он, когда пошел к этим змеям, взял мотыгу, положил ее на плечо).

При этом предлог *при* указывает не только на механическое соседство, но часто также и на известный контакт, в который вступает субъект действия с лицами или животными.

Предлог *у*, в отличие от предлога *при*, указывает на отношение не только к лицу непосредственно, но и ко всему его ближайшему окружению, ко всему, что связано с данным лицом, — к кругу его деятельности, обычая, понимания, владения и т. п. Например: *та́й у бáлгар'á рабута вравíй; у нас тó́ка гуди́ни дв'á-три засúха; кашт'áта закл'úчени у нас; ут нé́скашио ден ас жа бáда у т'áх вахáта; кўга б'áши у нас уткрытие лáгир'а?*; *у нас има хор; тáа пустрóйка у нас му кáзват „пл'áвник“* (так идут дела у болгар; у нас здесь года два-три засуха; дома у нас заперты; с сегодняшнего дня я буду у них вожатой; когда было у нас открытие лагеря?; у нас есть хор; эта постройка у нас называется „плевник“).

Предлог *у* употребляется для указания на лицо, а) в доме которого находится, происходит нечто и б) в дом которого направляется движение. Например:

а) *т'a у бáбини си мóйти мáйкини пак мумчé у куми́цата; сид'áх у инá жинá; сид'áх у чи́чуви ду двáиси гу-*

дйни, биэ ма́їка, биэ баштá; тéмну у чýчуви; ко прáвиш у лéлини?; ас сам ката ден у нас (то есть у себя дома); Гéната у вас ли?; мумчёта устáват кравáти у своíти л'убóвници; тука жув'áх пучти дв'á гудíни кат у моíти ма́їкини; на́шта учýтелка жив'áje у нас (она у своей башки, у моей матери, а мальчик у соседки; я жила у одной женщины; я жил у дяди до двадцати лет без матери, без отца; темно в доме дяди; что ты делаешь у тетки?; я каждый день бываю дома; у вас ли Гена?; парни оставляют каравай хлеба у своих любимых девушек; я жила здесь почти два года, как у своей матери; наша учительница живет у нас на квартире);

б) учýтелка викá: аї жа йдим у тóбо чул'áк, дéту вárди тáа гура; ж~йдим у систráта на гóсти; ути́ват у нéгу на гóсти; и ути́дах у пратнóїката да си шíя рóкл'a; поичи у нас ни си дувáдиш; аз эех два кумáта л'áп и дудéх у Вадíму; аз бигáх у бáбини; тóї стýгнал ду дóма и фл'áнал у т'ах (учительница сказала: пойдем к этому человеку, который сторожит этот лес; пойдем в гости к сестре; идут к нему в гости; и я пошла к портнице шить себе платье; больше ты к нам не придешь; я взял два куска хлеба и пошел к Вадиму; я бегал к бабушке; он дошел до дома и вошел к ним).

Предлог *у* мы находим в составе наречия *у думá*, что значит „домой“, например: *и аз дóдух у думá и лéгнах; вéчер тої идé у думá* (и я пришел домой и лег; вечером он пошел домой).

Предлог *у* может употребляться также для указания на человека, в руки или на руки к которому направляется что-либо. Поэтому при обращении к ребенку выражение *јáла у мéни* может значить „иди ко мне на руки“, а при обращении к взрослому — это приглашение к себе домой, например: *д'áду сидí ду кишéту и вýка на дитéту; „Јáла у д'áду!“; Пёт'o, враї у мáма!* (дед сидит на углу и кричит ребенку: „Иди к дедушке!“; Петя, иди к маме!).

Остальные случаи употребления *у*, видимо, являются заимствованными из русского и украинского, например: *шóферу ѹска у тóїа шóфер бинзýн; моїа маш са ўчил у нéja*

(шофер хочет достать бензин у этого шофера; мой муж учился у нее).

Зафиксировано несколько примеров необычного для говора употребления *у*, также, видимо, заимствованного: *убилъ картофли*, *рижъ напулам в таватъ*, *зажары у мас*; *д'аду ми уды у ил'ада осим стотин сёдемдисе и сёдма гудина на вуинá*; *то се свирь у ина пищалка* (почисть картофель, нарежь в сковороду и зажарь в масле; мой дед ходил в 1877 году на войну; он играет на дудочке).

Итак, в говоре села Суворова богато представлены предлоги, обозначающие пространственное положение вне данного предмета.

Среди предлогов, обозначающих положение спереди и сзади, особо выделяются предлоги, обозначающие положение одного движущегося предмета по отношению к другому движущемуся предмету. Это предлоги *напред* и *подир*. Другие предлоги этих групп (*зад*, *удэъди*, *пред*) употребляются для выражения отношений к неподвижному предмету.

Предлоги *срець*, *насрещи*, обозначающие положение „лицом к лицу“, могут быть употреблены и в том и в другом случае.

Различие предлогов *зад* и *отэъди* состоит в том, что предлог *отэъди* указывает на заднюю сторону предмета объективно, в отношении самого данного предмета, в то время как предлог *зад* обозначает положение за предметом по отношению к говорящему. Предлог *отэъди* не зафиксирован с названиями предметов, в которых объективно не различается передняя и задняя сторона.

Наряду с предлогом *зад*, положение за предметом может быть обозначено предлогами *отвъди* и *оттатка* (*нататка*), которые обозначают положение по другую сторону предмета в отношении стороны, принимаемой за данную. Обычно предлоги *оттатка* и *отвъди* встречаются тогда, когда речь идет о больших пространственных массивах — озеро, сад, поле, горы и т. п. Один раз был зафиксирован пример *тоj сидй удвади таа кашта* (он живет за этим домом). С пред-

метами более мелкого размера эти предлоги в наших записях зафиксированы не были. Различия в значении предлогов *отвѣди* и *оттатка* установить не удалось. Недостаточно ясно смысловое различие между предлогами *оттатка* (*оттатькъ*) и его вариантом *нататка* (*нататъкъ*). Во всяком случае предлог *оттатка* не имеет оттенка исходности и может употребляться для обозначения направления, например: *уттатка граніца бâлгари утйдаа за мамўли* (болгары уходили за кукурузой на ту сторону границы — из рассказа о прошлом).

Предлог *между* указывает на серединное положение по отношению к двум предметам; предлоги *помежду* и *помеж* — по отношению к нескольким предметам.

Наиболее многочисленную группу составляют предлоги, обозначающие положение рядом: *до*, *къде*, *покър*, *край*, *около*, *при* и *у*. Все эти предлоги употребляются как с глаголами движения, так и с глаголами положения. Предлоги *до*, *къде*, *при* и *у* могут указывать на нахождение рядом (где?) и определять направление движения (куда?). Предлоги *покър*, *край* и *около* не указывают на пространственную цель. С глаголами перемещения они обозначают движение в непосредственной близости к данному предмету (вдоль его края, мимо него, вокруг него). Наиболее часто эти предлоги выступают как синонимы при обозначении статичных положений. Предлоги *при* и *у*, не являясь чисто пространственными предлогами, имеют более ограниченный круг употребления.

II

Предлоги, указывающие место, находящееся на поверхности или внутри, в пределах данного предмета: *в*, *въз* (*връз*), *из*, *през*, *через*, *сред*, *на*, *по*, *от*¹

Предлоги *в*, *из*, *през*, *сред*, *насред* указывают на положение предметов и совершение действия внутри, в пределах

¹ Предлоги *на*, *по*, *от*, кроме пространственных и временных, имеют ряд отвлеченных значений, которые в этой статье не рассматриваются.

чего-либо или направление движения внутрь, в пределы предмета или какого-то ограниченного пространства.

Предлоги *сред* и *насрэд* определяют положение в середине какого-то ограниченного пространства, где находится или куда направляется что-либо: *ниџ жив'áим сред гурáта; тоð сидíй сред двóру и чáка; тоð л'áп тýр'ат вánка сред двóру; нашта чéркува насрет сéлу* (мы живем в лесу; он сидит среди двора и ждет; этот хлеб кладут среди двора; наша церковь находится посреди села).

В том же значении употребляются предложные выражения *на средата, в средата; на сирдáта двóру ѫма клаиниц; на сирдáта плауш'ш'áтката тýрннат памитник гирóйти Отéчествената вуїнá; столу сидíй насридáта кáштата; на сридáта мустó путáнаа кулилáта; нашта чéркува ф сирдáта селбту* (посредине двора имеется колодец; посередине площадки поставлен памятник героям Отечественной войны; стол стоит посередине комнаты; посередине моста колеса погрузились в воду; наша церковь в середине села).

Выражения *на средата, в средата* более точно определяют серединное положение, чем предлог *сред*, который обозначает не столько геометрическую середину, сколько положение в пределах какого-то пространства.

Предлог *през* зафиксирован в говоре только с глаголами, обозначающими перемещение или действия, связанные с перемещением (*туря, чукам и т. п.*). Он служит для указания на предмет (место), который пересекается движущимся предметом, проходящим а) по поверхности данного предмета, б) сквозь него или в) над ним. Например:

а) *минáхми прис пárку; ниð минáвами прис Крайви Рок; аз нéска минáх приз Дýнава; и врав'áхми прис инó сéлу; зе ги прикара приз мустó; мýнами ниðа приз гарлóту; тоð минвá прис иднá рикá приз мустó; прис пáт'у дудé Пáнчиту; важéту са тýрили прис кráсту; и кату ричéш да ѯа (эм'áта) удáриш прис кráсту...* (мы прошли через парк; мы проезжали через Кривой Рог; я сегодня переправился через Дунай; мы шли через одно село; начал перегонять их через

мост; мы проходим через пролив; он переходил через реку, по мосту; Паня перешла через дорогу; веревку перекинули через хребет; и если, скажем, ее (змею) ударить поперек хребта...);

б) *иðін ден инжинéру мина прис тунéлу; т'a фрáкна прис кумýн; тeа фл'áнаа прис цаклóту; га прика́рва прис ина вратýчка; вýнуту тичé прис чувáлуту; тýр'ам прис т'óрката; сéтни гу прицáд'áват прис юдýлка; приз дармáну гу прика́рвали да стáни чáсту зранóту* (однажды инженер прошел через тоннель; она вылетела через трубу; они влезли через окно; ее загнали через калитку; вино течет через мешок; пропускаю через терку; потом его процеживают через юдилку; зерно просеивали через решето, чтобы очистить);

в) *приз гuri и гранíци фракá ируплáн; Вáс'ата сас нéгооту кóнчи прискóкна прис агráдата* (аэроплан полетел через леса и границы; Вася на своей лошади перескоцил через ограду).

Предлог *из* зафиксирован в говоре только с глаголами движения или действия, связанного с перемещением в пространстве. Он встречается главным образом с существительными, обозначающими пространственные понятия.

Предлог *из* имеет два значения:

а) Указывает на совершение движения или действия в пределах указанного пространства, без определенного направления, например: *вéсилу ми Ѱида óда ис сéлу, штóту сам с моjта кéпка; нашту мумýченци де утýди из маалáта?*; *ódat ис сéлу; кату начéнахми да б'áгами чи си изгýбили дицáта из ўлицата; и фýкнала из маалáта; минали óра ис п'áт'y; всáдники нарóшну са пýснаа из нарóду да трáсат, коj кришт'á* (весело мне ходить по селу в моей (новой) кепке; куда девалась наша девочка здесь, на этой улице? (в пределах этой улицы); ходят по селу; когда побежали, растеряли на улице детей; она бросилась бежать по улице; шли по улице люди; всадники кинулись в толпу искать, кто кричал).

Почти во всех указанных случаях в говоре могут быть употреблены синонимичные конструкции с предлогом *по*.

б) Указывает направление за пределы данного предмета, изнутри наружу, например: *и тáа жинá извáдила из джóбу си иднá бýчка сáхар; как раз душли́ тýка чак из Мускáвá; тоi — из унаá маалá; нас изгóниа ис кáштата* (и эта женщина вынула из кармана кусок сахара; как раз прибыли сюда из Москвы; он из того квартала; нас выгнали из дома).

В этом значении предлог *из* встречается очень редко. Обычно значение направления из пределов чего-то наружу передается в говоре с помощью предлога *от*.

Предлог *в* указывает на положение предмета или совершение действия внутри какого-то предмета или в пределах ограниченного пространства, а также на то, что действие направлено внутрь какого-то предмета или ограниченного пространства.

а) Обозначая положение (совершение действия) внутри или направление внутрь предмета, предлог *в* сочетается с существительными, обозначающими названия конкретных предметов, помещений, название вещества, водного, воздушного пространства, в среде которого находится что-либо, и т. п., например: *тýка ýма чул'ák фаф клáинцу; тýр'ат ф тáа пýта инá клéчка; тоi лижí фав булнýцата; и наинó фл'áнахми фаф клáсата; ас измéтах ф раiспулком сýчкити кашт'á; брашнóту пýштами фав гурéшта вудá; тва дирé тичé ут нас фаф Чéрнуту мурé; самал'óтити фрáкат фаф облацити* (здесь в колодце есть человек; кладут в этот пирог палочку; он лежал в больнице; и мы вместе вошли в класс; я подмела в райисполкоме все комнаты; муку засыпаем в горячую воду; эта речка течет от нас в Черное море; самолеты летают в облаках).

б) Обозначая положение предметов, совершение действий в пределах ограниченного открытого пространства или направление в пределы данного пространства, предлог *в* сочетается с существительными, обозначающими названия территории, населенных пунктов, открытой местности, огороженного участка и т. п., например: *мóðа син утýди ф Украина, пет гудýни бил ф Хárкуф; ти ни дувáд'áла в нашту сéлу?*

клас убýрахми ду то́ку фаф нýвата; клéвиру с'áїат фаф кárú; и тéїä фл'áват фаф двóру (мой сын уехал на Украину, пять лет был в Харькове; ты не приезжала в наше село?; мы убирали колосья на поле около тока; клевер сеют в поле; они входят во двор).

Со значением нахождения в пределах связано употребление предлога *в* для указания на печатный орган или место, где написано, напечатано что-либо, например: *кóїту ýбау раббти пýшат в газéти; ф тáа таблýчка ни вид'áх ко ýма напýсану* (о тех, кто хорошо работает, пишут в газетах; я не видел, что написано на этом листе).

в) Предлог *в* употребляется для указания на организацию, в составе которой находится или в состав которой вступает данное лицо, или название по роду занятий, профессии людей, к числу которых примыкает данное лицо, например: *тої бил ф артилéрија; ас са ýчих фаф осмio клас; на тва сабráнијe жа принимáват ф камсамól; Вáс'ата сас нéгооту кóнчи устáна фаф партизáнити* (он был в артиллерии; я учился в восьмом классе; на этом собрании будут принимать в комсомол; Вася с его конем остался в партизанах).

г) Предлог *в* с существительными, обозначающими процесс, указывает на действие, в котором участвует данное лицо, или состояние, в котором оно пребывает, например: *тої пустуýанну ф кумандирóфка; тої си дóди в óтпуск; сéтни Вáс'ата утýди развéтка* (он постоянно в командировках; он приехал в отпуск; потом Вася пошел в разведку).

д) Предлог *в* употребляется для обозначения цели попадания, например: *дудéа нéмци сас афтумáти и зачéнаа да стрéл'ат фаф ируплáну; а пак кту ричéш да удáриш зам'áта нéди да не ё ф крáсту, а на дрúгу м'áсту, т'a мóи да ти увáпи* (пришли немцы с автоматами и начали стрелять в самолет; а если, скажем, ударить змею не в хребет, а в другое место, она может тебя укусить).

Предлоги *въз*, *на*, по определяют место на поверхности предмета.

Предлог *въз* (*връз*)¹ встречается преимущественно с глаголами движения или действия, обозначая направление этого движения на данный предмет или на его поверхность, например: *инó үул'áму калбó օған пánна ваз кáштата; и то излíй ваз дувáру, ваз зим'áта; как са излíй ваз кракá?*; *изл'áде вудáта враз рóклата; пýсна инá пýл'a, и кóн'у пánна и задýши всáдника враз нéгу; кўчту скáчи врás нéða; кáрат с машината враз велусипéт; Вáс'ата са кáчва врас кóн'у; уда́ри инáта зам'á, и т'a скóкна врас тóбо чул'íк;... зарðвиðа идáн ваз дрúги* (большой сноп огня упал на крышу; и она пролила (воду) на стену и на пол; как пролилось на ноги?; вылила воду на платье; пустили пулю, конь упал на всадника и задавил его; собака прыгает на нее; они гонят машину прямо на велосипед; Вася вскочил на коня; он ударил змею, и она бросилась на этого человека; похоронили их друг на друге — в общей могиле).

Был зафиксирован лишь один случай употребления этого предлога с глаголом положения: *Кóл'у спал ваз ѹргáну* (Коля спал на одеяле).

Вообще предлог *въз* (*връз*) употребляется в говоре сравнительно редко. Чаще значение нахождения на поверхности или направления на верхнюю сторону предмета передается с помощью предлога *на*.

Предлог *въз* встречается обычно в тех случаях, когда речь идет именно об отдельных предметах, а не о значительном пространстве. Отмечен только один пример употребления предлога *въз* для обозначения направления на участок, занимающий обширную площадь: *утáшал ваз луз'áта* (ушел на виноградник). Обычно же сочетания с этим предлогом отвечают скорее на вопрос „на что?“, чем „куда?“

I. Предлог *на* употребляется для указания на поверхность, верхнюю или внешнюю сторону предмета, которая является

¹ *Въз* и *връз* — фонетические варианты одного предлога, встречающиеся у разных лиц.

местонахождением каких-либо предметов, местом совершения каких-либо действий или местом, на которое направлено движение или действие: *дёту стáнах, сид'áх на пустéл'ата; пистуле́ту б'áши на стóлу; ас ѫмах идýн брат, дёту нусй на грабá си пет д'юши; Натáша напýса на инá таблýчка; жа гу уáпи на грабá; утýдахми ниц да чуками на ца-кло́ту; мамýлити пáдат на зим'áта; на кравáї жа тýриш парí; т'a сéнна на пárтата* (когда проснулся, сидел на постели; пистолет был на столе; у меня был брат, который носил на спине пятерых человек; Наташа написала на листе бумаги; укусит его в спину; мы пошли постучать в окно; кукуруза падает на землю; на каравай положишь деньги; она села за парту).

Предлог *на* вообще указывает на предмет, который охватывается действием или которого касается действие с внешней его стороны: *тоj си пл'úвна на рацáти; тоj са путпр'á на дувáру; и се на мóжта паралýжа глéда* (он плюнул себе на руки; он оперся на забор; и всё смотрит на мою шляпу).

Предлог *на* указывает на предмет, являющийся целью, на которую направляется действие: *уфчáру насýкал күчáата на вáлчиши; ниц ѫграми ўлица на ўлица* (овчар натравил собак на волков; мы играем улица против улицы).

Предлог *на* служит часто для обозначения направления снизу вверх: *то са качý на инó дрavó; внук му на грабá са качý; Пёт'o са кáчва на салбáта* (он залез на дерево; внук забрался ему на спину; Петя поднимается по лестнице).

Противоположное направление сверху вниз обозначается предлогом *от*: *д'áду са спýсна ут стрáгата* (дед спустился из загона).

II. Предлог *на* может не иметь значения указания именно на верхнюю сторону предмета, выступая в качестве наиболее общего указателя направления, местоположения предметов и места совершения действий. Так, например, глагол *са кáчвам* часто употребляется с предлогом *на* в тех случаях, когда речь идет о посадке на какие-либо виды

транспорта: *разришáти да са кáча на поиезду; накачíх на фаітóнчitu* (разрешите сесть в поезд; я сел в повозку). С другими глаголами в этих случаях также часто употребляется предлог *на*: *и на нагрúэна на поиезду; и гу тýрна на ируплáну; и ма истéгли на карýцата; сéтни сéннахми по-мáлку на лóтката* (нас погрузили в поезд; его посадили в самолет; меня втащили на телегу; потом понемногу мы уселись в лодку).

Основные случаи употребления предлога *на* в значении общего указателя направления следующие:

1) В сочетании с существительными, обозначающими пространственные понятия: *фчéра бих на кáру; дўдали ѹмами на краíу; сид'áши на инó м'áсту; мумчéту ми б'áши на Украíна; в'áим пл'áва на тóку; враї, гу прудáї на пазár'у; мумýти и иргéнити óдат на кишé, там са садýрат; аз жа ѻда на бустáн'у да си набýра карпýэти* (вчера я был в поле; шелковица есть на краю (села); она сидела на одном месте; мой сын был на Украине; веем мякину на току; иди, продай его на базаре; девушки и парни ходят на угол, там знакомятся; я пойду на бахчу, чтобы нарвать дынь).

2) В сочетании с названиями помещений, учреждений, организаций: *нýїä бýхми у нéго на квартира; рабóтим на пужárн'ата; рабутíхми дóма, сéтни на трáктурна бригада; дéту вýдим балагáнчи, на фс'áку пýјем газирóвана вудá; жа ѻдем на кинó; а мéни ни ма эапýса да óда на школа; и а занéли на булнýщата; сигá бригадáир удí на кýрса; иднá машýна вóзи эráну на иливáтуру; ути́ди на стáнција* (мы были у него на квартире; работаем в пожарной команде; работали дома, потом в тракторной бригаде; как только увидим ларек, в каждом пьем газированную воду; пойдем в кино; а меня не записали в школу; ее отвезли в больницу; теперь бригадир ходит на курсы; одна машина возит зерно на элеватор; он ушел на станцию).

3) В сочетании с названиями стран света: *сíчкуту тва распулóжену на эáпат; на вастóк са вýжда нáшту сéлу* (все это расположено на западе; на востоке виднеется наше село).

4) Место может быть обозначено путем указания на какой-либо его признак: *то̄и спи на ладинá, на слáнци, на тамнинá* (то есть он спит там, где прохладно, темно или на месте, освещенном солнцем и т. п.); *и сéтни изл'áнах утг'óлу и пéках на слáнциту* (потом вышел из воды и загорал на солнце). В последнем примере значение сочетания *на слáнци* меняется; это уже не только признак, характеризующий место действия, но также средство, с помощью которого это действие совершается.

5) Аналогичный случай изменения значения предложного оборота в зависимости от характера глагола мы наблюдаем при употреблении предлога *на* с названием орудия, машины. При глаголах движения предлог *на* служит для определения места, куда направляется движение, посредством указания на предметы, там находящиеся: *и жа и́дим на влачáнката*, ср. то же значение предлога в выражениях *жа идá на кляинцу*; *жа и́да на г'óлу* (мы пойдем на влачанку (название машины); я пойду на колодец; я пойду на лиман). При глаголах, обозначающих процесс работы, в словосочетаниях предлога *на* с названием машин локальное значение стирается, на первый план выступает значение орудийности или указание на род занятий, например: *ц'ал ден на тráктуру работы* (целый день работает на тракторе).

Когда речь идет о сложных машинах, обслуживаемых большим количеством людей, значение орудийности отсту-
пает на второй план: *фчёра рабутíхми нашту звíно на кумбáину*; *трийси жинí работат на триéру*; *то̄и работи на моступóизду* (вчера работало наше звено на комбайне; тридцать женщин работают на триере; он работает на мостопоезде).

Место действия может определяться посредством указания на предмет обработки: *ж-и́да ф калхбэу да вýда óрата ко работат на памýку* (пойду в колхоз посмотреть людей, которые работают на хлопке).

6) Направление движения может определяться посредством указания на лицо или животное, к которому направ-

ляется движущийся субъект: *ут вү́ічу утýдахми на бáбину; аку рáждат са ма́нин'ки, пудпúштами на ма́їка да сúчат* (от дяди мы пошли к бабушке; когда рождаются маленькие (ягнят), пускаем их к маткам сосать).

7) Предлог *на* с существительными, обозначающими действие, определяет местонахождение предметов, место совершения действий и направление движения посредством указания на действия, процессы, там происходящие: *на свáдба ймат ду сóрук и пиисé дўши; зýмата мумчéтта йдат на пупрíлка; на камса́мól'скуту сабráние ми задавáа вапрóси; на збóру звина чéтахми прáвнио пат „Пианéрска прáвда“; нашио сикритár' камса́мólската арганиzáциа са избýра на óпштуту сабráние; мумчéту утýшлу на рабута; ас удíх на вánкашна сид'янка; утýдахми на призýф; удíхми на кунсу́лтáциа; имáх трýма бráта, и зéа на вуїнáта; удí ли тáа гудýна на жáтва?; и мумчíти и иргéнити óдат на уро; сéтни бáба или си лéгни или јíди на кулилýши; ф три ча́са утýдахми на убáт; утýдахми на вичéр'a, на зáфтрак, на ўжин* (на свадьбе бывает до сорока-пятидесяти человек; зимой девушки ходят на посиделки (собираются вечерами прясть); на комсомольском собрании мне задавали вопросы; первый раз на соборе звена мы читали „Пионерскую правду“; наш секретарь комсомольской организации избирается на общем собрании; сын пошел на работу; я ходила на посиделки; мы ходили на призыв; мы ходили на консультацию; у меня было три брата, их взяли на войну; ходила ли в этом году на жатву?; и девушки и молодые люди ходят на гулянье; потом бабушка или ложится спать или идет посидеть на улице; в три часа ходили на обед, ходили на ужин, на завтрак).

Предлог *по* служит для указания на соприкосновение с многими точками поверхности.

1) Употребленный с глаголами движения, предлог *по* указывает на пространство, по поверхности которого распространяется движение: *удíjми ту кáру да трáсим парат*

шуты́стити; удых десит м'а́сица пу си́чката ру́ска зим'á; дуде́а два сúдна пу Чéрнуту мурé; варвím пу асфáл'tу (ходили по полю искать парашютистов; я ходил десять месяцев по всей русской земле; пришли два судна по Черному морю; мы идем по асфальту).

Если существительное, обозначающее пространственное понятие, является предметом большой протяженности, но ограниченной ширины (дороги, улицы и т. п.), то предлог *по* обозначает движение вдоль данного предмета по его поверхности: *вравá пу ѿлицата; и сéтни тоj пак ги пуд-вýл пу таá дурóга; минáхми пу пруспéкт Сувóрова; брах привá пу шишéту за уфцéти* (я иду по улице; и потом он их снова повернулся по этой дороге; мы шли по проспекту Суворова; я собирала по обочинам шоссе траву для овец).

2) Предлог *по* может указывать на пространство, по поверхности которого располагаются какие-либо предметы: *грóэдиту пу байру зr'ae по-напр'áт; камáш растé на пла́вн'a далéку пу бр'áк; сéтни разлáгат тоó чамúр пу тавáну на питнáїси сантíма; стан'áти си́чки пу краj* (по склонам виноград зреет раньше; камыш растет на плавнях далеко по берегу; потом раскладывают этот чамур (строительная глина) на чердаке на 15 сантиметров; встаньте все по краю).

3) Предлог *по* с существительным множественного числа обозначает, что множество однородных предметов охватывается данным действием: *óда пу бáзити за тувáр; йма пу силáта друк сорт галчáт; удыхми с нéгу да работим пу брата* (я кожу по базам за товаром; по селам можно встретить иной разговор; мы с ним ходили работать по людям — из рассказа о прошлом).

4) Предлог *по* может указывать на предмет, к поверхности которого прикасается другой предмет (с глаголами — ударить, укусить, поцеловать и т. п.): *и а удáрила пу гла-вáта; пу кракá жа гу уáпи; пу лицéту жа гу цалúна* (и ударила ее по голове; укусит его за ногу; поцелую его в лицо).

Таким образом, с помощью предлогов этой группы могут быть выражены следующие локальные отношения: указание на поверхность предмета — предлоги *на*, *въз*, *по*. Предлог *въз* употребляется главным образом для указания направления движения на поверхность предмета, а положение на поверхности передается предлогом *на*. В отличие от предлога *на*, который обычно указывает на нахождение в одной какой-то точке данной поверхности, предлог *по* указывает на нахождение во многих точках или движение по данной поверхности, которое может совершаться в различных направлениях или в одном направлении вдоль данного предмета (обычно дороги). Предлоги *на* и *въз* могут указывать на движение снизу вверх на поверхность данного предмета. Противоположное этому направление движения сверху вниз обозначается предлогом *от*.

Положение внутри предмета и движение снаружи внутрь обозначается предлогом *в*. Противоположное направление изнутри наружу определяют предлоги *от* и *из*. Предлог *из* в этом значении употребляется редко. Движение сквозь предмет обозначается предлогом *през*. Тот же предлог указывает на движение, пересекающее предмет по поверхности или проходящее над ним. Нахождение в пределах какого-то ограниченного пространства обозначается предлогом *в* и предлогами *сред*, *насред*, если уточняется положение — в центре данной территории. Движение в пределах данного пространства (или нахождение в разных его местах) обозначается предлогом *из*. Наконец, в функции наиболее общего указателя направления в сторону данного предмета выступает предлог *на*.

Возможность предложной синонимики объясняется тем, что к определению одного и того же положения в пространстве часто можно подойти с разных точек зрения. Так, например, когда речь идет о таком плоском сосуде, как сковорода, возможно употребление и предлога *в* и предлога *на*, так как движение направляется внутрь данного сосуда и вместе с тем на его поверхность. Можно употребить оба

эти предлога, когда речь идет о посадке на какие-то виды транспорта (телега, поезд, самолет и т. п.), так как это может рассматриваться одновременно и как движение снизу вверх и как движение внутрь чего-то. Оба предлога возможны, когда речь идет об открытом месте: *ф кáру* и *на кáру*, *фав двóру* и *на двóру*; при некоторых названиях территории: *на Украíна* и *ф Украíна* и т. п., так как предлог *в* имеет значение не только „внутри“, но и „в пределах“ данного пространства.

Благодаря тому, что предлог *на* наряду со значением указателя на верхнюю сторону предмета может служить в качестве указателя на предмет или место вообще, безотносительно к верхней его стороне, возможно синонимичное употребление предлогов *на* и *в* при указании направления в места, которые не представляют открытой поверхности, как, например, при названиях помещений, учреждений, городов и других населенных пунктов.

Если предлоги *на* и *в* равно могут быть употреблены при обозначении положения на поверхности в пределах чего-то или при обозначении направления, то предлоги *по* и *из* представляют аналогичную синонимичную пару для выражения движения, распространения по поверхности в пределах какого-то пространства.

Обозначение движения, пересекающего предмет по поверхности, может быть передано предлогами *през* и *по*, например: *пу мустó* и *през мустó*. В ряде случаев возможно синонимическое употребление предлогов первой и второй группы. Например, направление движения к человеку может быть выражено предлогами *на*, *до*, *при* и *у*. Различия в их значении можно определить следующим образом:

на — направление на то место, где он находится;

до — направление в положение рядом с ним;

при — направление к нему для какого-то контакта с ним;

у — направление к нему домой.

ПРЕДЛОГИ ВРЕМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

Для выражения временных отношений в суворовском говоре служат те же предлоги, которыми выражаются локальные отношения. Существует только один предлог, не имеющий локального значения, — этот предлог *след*, который, однако, был отмечен лишь в одном сочетании *след това* и потому не может рассматриваться как живой предлог современного говора.

Отношения времени определяют, когда происходило что-либо, как долго продолжалось, в какой последовательности развивались события. Например: *удіхми на кансултација ф шес часа вичиро*; *áку н'áма да ýма пужár ду Нóвата гудýна, жа пулўчим прéмија; сéтни пудíр дуклáду тeä казвáа пуйзýї за т'áа гирбóи* (ходили на консультацию в шесть часов вечера; если не будет пожара до Нового года, мы получим премию; потом, после доклада, мы читали стихотворения об этих героях).

Отношения времени выражают следующие предлоги: первой группы — *до, кади, около, при, подир, под, срешту, напред, помеж*; второй группы — *в, на, по*, а также предлоги *от* и *през*. Предлог *от* выступает при этом как представитель предлогов первой группы, а предлог *през* — как представитель второй.

Как уже отмечалось выше, предлоги, относящиеся к первой группе, служат, как правило, для указания на отрезок времени до или после момента или периода времени, обозначенного существительным, в то время как предлоги второй группы относят действие к моменту или отрезку времени, обозначенному существительным.

Исключение из своих групп представляют лишь предлоги *при* и *по*, которые полностью или в части значений примыкают к противоположной группе.

Выражая отношения времени, предлоги сочетаются обычно с существительными, обозначающими различные понятия, имеющие отношение к календарю и исчислению времени:

единицы измерения времени (*час, гудына, м'а́сиц, ни́д'а́л'а, сутка* — час, год, месяц, неделя, сутки); названия времен года (*прóлет, х'а́ту, ёсен, зýма* — весна, лето, осень, зима); месяцев (*јанвáр, фиврál, мáрт, а́прил, мај, јун', јул', а́вгуст, синт'а́бр, укт'а́бр, најáбр, дикáбр*); дней недели (пунд'а́лник, фтóрник, срида, читвáртак, пéтак, събу́та, фнид'а́л'а); частей суток (*сабáл'а́н, плáнн'а́, мрáкналу, в'е́чер, нош, сп'а́тнош, ден* — утро, полдень, сумерки, вечер, ночь, полночь, день); названия праздников (*Нóва гудына, Пéрвио Маја* и т. д. — Новый год, 1 Мая и т. д.); определение года и числа (*сурукóвата гудына, двáиси и сéдмицо ѡанвар'а*) и т. п.

Кроме того, время может определяться посредством указания на действия, события или какие-либо признаки, характеризующие тот или иной период времени, например: *пудир дуклáду; при стáра Руција; ду рива́л'уција* и т. п. (после доклада; при старой России; до революции).

Начальный и конечный пределы действия во времени обозначаются предлогами *от* и *до*: *ут сабáлен ду плáнн'и* (с утра до полдня).

Предлог *до* употребляется для указания на тот момент, когда прекращается какое-либо действие, состояние: *није кубáхми* (хлопок) *ду плáнни*, *сéтни пак кубáхми ду вичирó*; *тај са трајá такáва жиэн ду сурукóвата гудына*; *сéтни ду фтóрник б'аши здрáва*; *те утидаа ду фнид'а́л'а*; *сид'а́х у чиçуви ду двáиси гудыни* (мы собирали хлопок до полдня, потом собирали опять до вечера; так длилась такая жизнь до 40-го года; потом до вторника была здорова; они ушли до воскресенья; я жил у дяди до двадцати лет).

Момент времени может определяться посредством указания на события, действия: *тва са вуди ду рива́л'уција* (так было до революции) или на признак, характеризующий данное время: *ду савéцките мнóгу бýја, тај се бýј, чи страшну билó* (до прихода советской власти много били, так били, что страшно было).

Предлог *до* употребляется для указания на ожидаемый момент времени или событие при исчислении срока, оставшегося до его наступления: *уста́на двá дёна ду игзáмени; дучáка ли ду рал'óку?* (осталось два дня до экзаменов; дождусь ли открытия ларька?).

Предлог *до* употребляется для указания на границу отрезка времени, в который может произойти какое-то событие: *аз жа дóда ду пет ча́са в ва́ши́ю пиририф* (я приду около пяти часов в ваш перерыв).

Предлог *каде* служит для указания на время, к моменту наступления которого должно совершиться какое-либо действие: *аз жа дóда кадé пет ча́са; жа дóда кадíй об'ёт; кадíй плáнни начéна да са тупíй снигó* (я приду к пяти часам; приду к обеду; к полдню начинает таять снег).

Предлог *около* служит для приблизительного обозначения времени посредством указания на момент или срок, фактически не достигнутый: *сичáс óкулу óсим ча́са; óкулу двáй гудíни рабутíхми ф Сиби́ру* (сейчас около восьми часов; около двух лет мы работали в Сибири).

Предлоги *пред*, *напред* указывают на период времени, бывший ранее указанного момента или ранее существования действия данного лица: *напрет кóледа óшти; прет нас са кусíли сас срап* (перед или до рождества; до нас косили серпом).

Предлоги *сре́шту* и *против* указывают на время накануне данной календарной даты: *ср'áшту пéтак са збýрат мумíй; ср'áшту нид'áл'a пак са збýрат; ср'áшту двáцат' трéтего тóжи бих днивáл'ныц; двáциси и шéстию прóтиф двáциси и сéдмию дудé прикас да уцéпим Питругráт* (под пятницу собираются девушки; под воскресенье опять собираются; накануне 23-го тоже был дневальным; с 26-го под 27-е был дан приказ оцепить Петроград).

В том же значении отмечен предлог *под*: *пуд Нóвата гудíна прáват пýта* (под Новый год пекут слоеный пирог).

Предлог *помеж* служит для указания на отрезок времени между двумя моментами времени: *пумиш два и три ча́са*

пёка сілну слáнце (между двумя и тремя часами сильно пе-
чет солнце).

Для указания на время или события, следующие за определенным моментом времени или другими событиями, употребляется в говоре предлог *подир*: *пудíр Нóва гудýна зráну в'áим на виðáлки*; *аз жа дóда пудíр плáнни*; *пудíр уб'áду лéг-наами да спим*; *тва б'áши пудíр пуслéдни иззáмин*; *жа кóнчим рабутата и пудíр тва ж-йдим да са пучéрпим pu идýн квас* (после Нового года веем зерно на веялках; я приду после полудня; после обеда ложимся спать; это было после последнего экзамена; закончим работу и после этого пойдем выпьем квасу).

Предлог *подир*, обозначая последовательность действий, может указывать на лицо, после которого другое лицо совершают то же самое действие: *сéтни пудíр нас дудé калхóз Димитроў*; *сéтни пудíр Вадíм улóви Андрéi*, *пудíр тéби улóви Мýтиту ино бубójчи* (потом, после нас, прибыл колхоз Димитрова; потом, после Вадима, поймал Андрей, после тебя поймал одного окуня Митя).

Предлог *подир* со словами, определяющими меру времени, указывает, что события совершаются по истечении данного отрезка времени: *и тóо д'áду пудíр два м'áсицу умр'á*; *сéтни пудíр мálку утýдахми на линéjка*; *пудíр идна нидáл'a стáва свáдба*; *пудíр пет дéна жа утáдити*; *пудíр два чáса дудé Марýс'ка*; *тói мýсли да са ужéни пудíр дв'á гудýни*; *пудíр идýн м'áсиц жа бáди сýчкуту зr'álu* (и этот дед через два месяца умер; потом, немного погодя, мы пошли на линейку; неделю спустяправляют свадьбу; через пять дней вы уедете; через два часа пришла Маруся; он думал жениться через два года; через месяц все будет зрелым).

На совершение действия непосредственно после наступления или с наступлением определенного момента времени указывает предлог *по*: *димítруфчи, штóту цафтý pu Димítруф ден*; *сигá pu Ивáнув ден жа прáв'áт свáдба*; *в Бисарáбијата си дудóхми pu Нóваты гудýна*; *pu ср'áт-*

ношти ѿди; тої утіда пу ср'ятнош (хризантема — цветок, который цветет после наступления Димитрова дня; сейчас, после Иванова дня, спрашивают свадьбы; в Бессарабию мы пришли после Нового года; после полуночи ходит; он ушел после наступления полуночи).

Другие временные значения предлога *по* примыкают ко второй группе предлогов, обозначающих совершение действия в указанный отрезок времени.

Предлог *по* с существительными во множественном числе может указывать на время, в которое обычно совершается какое-либо действие: *т'a работи сáму пу ден'â; тої утáди пу нушт'â* (она работает только днем (в дневную смену); он по ночам уходит), и на количество времени, определяющее обычную продолжительность того или иного действия: *курсáнти пу два-три м'âсица през зýмата б'âха* (курсанты по два-три месяца в течение зимы были (на квартире), то есть бывали на курсах по два-три месяца в течение зимы). Это значение предлога *по* является разновидностью дистрибутивного значения предлога. Ср., например, указание на количество повторений какого-либо действия в определенный отрезок времени: *ráним прасéта по три пáт'a в ден* (корним поросят по три раза в день).

Предлог *през* служит для указания на период времени, в течение которого совершается или происходит нечто: *през зýма се тóпим сас пл'âва; курсáнти пу два-три м'âсица през зýмата б'âха; през гудýнити жинýти нусýја бâлгарски рóкли* (зимой — в течение зимы — топим соломой; курсанты по два-три месяца в течение зимы были (на квартире); в течение многих лет женщины носили болгарское платье).

Предлог *в* служит для указания на момент совершения действия при определении точного времени или даты:

1) часа — *фаф осим сбрук запóчна кинó; жа стáна ф шес чáса; зарáну фав дéвет чáса жа пустáпим на слúжбата, а сигá фав дéвет чáса жа дóдат да смéнат* (в восемь сорок начинается кино; я встану в шесть часов; завтра в 9 часов приступим к работе, а сейчас в 9 часов придут сменить);

2) дня недели — *тва дунёси ф пётак* (это принеси в пятницу);

3) месяца — *кукбшкити кáту начéнат в ѡанвár нис'áт ду нуїáбр* (куры как начнут в январе — несутся до ноября);

4) года — *тва бýши ф питнáйсита гудýна; ф сурукóвата гудýна са начéнаа вéчи кулхбзи* (это было в пятнадцатом году; в сороковом году начались уже колхозы).

Очень часто, однако, при обозначении года предлог *в* не ставится, например: *д'йду ми умр'á сорук сéдмата гудýна* (дед мой умер в сорок седьмом году).

Предлог *в* служит для указания на отрезок времени, в течение которого совершается повторяющееся действие: *ráним прасéта пу три пáт'a в ден; удíхми на кансултáција два пáт'a фав дин'á* (кормим поросят по три раза в день; ходили на консультацию два раза в день).

Предлог *на* указывает на время, в которое совершается действие. При этом он сочетается со словами, обозначающими названия частей суток: *на плáнни мумýти и иргéнити óдат на кишé, там са задíрат; там стíгнахми на мрákналу* (в полдень девушки и парни ходят на угол, там знакомятся; прибыли туда в сумерки); названия праздников: *на Нóвата гудýна са пичé пýта; тва гул'ди на Пéрвуту Maї* (на Новый год печется пирог; это гулянье на 1-е Мая); названия числа месяца: *на двацáтио у нас б'áши закрýтие лáгир'a; ни знам на кувé числó, забráвих* (двадцатого у нас было закрытие лагеря; не знаю какого числа, забыла).

Предлог *на* с порядковым числительным употребляется при отсчете единиц времени от какого-то момента: *пудíр Нóвата гудýна на пёти ден ѻма ѹурдáн; на дрўгата ни-д'áл'a вéчи прáзник; на трéтата вéчир вíкат ду пет-шес мумýчета да спáт при л'ýсата; ниж са ужéнихми млади на усимнáйси гудýни* (после Нового года на пятый день бывает иордань — из рассказа о старом быте; на следующей неделе уже праздник; на третий вечер зовут до пяти-шести девушек спать при роженице; мы поженились молодыми, на восемнадцатом году).

Предлог *при* определяет время действия посредством указания на характерные для него признаки, например: *при млáдуту вр'áми ниту пúштат нушт'á да óдиш* (в молодые годы не разрешают одной ходить по ночам).

Особенно часто предлог *при* употребляется для обозначения какого-либо исторического периода, через указание на то, какая тогда была власть, кто господствовал: *сигá да ви раскáжа, как нíје жув'áхми при румáнската влас; пружув' áх при врéминуту правýтельству; чéтири юдйи служíх, бих на вуїнáта при Никулáја; óра идинуљичну работаа при стáратиа Русýја; ни мóили нíшту при тýрците* (сейчас вам расскажу, как мы жили при румынской власти; я жил и при временном правительстве; четыре года служил, был на войне при Николае; при царском режиме люди работали единолично; ничего не могли делать при турках).

Таким образом, время действия ранее данного момента определяется с помощью предлогов *до*, *пред*, *напред*, *срешту*, *под*, *против*, *къде* и *около*. Причем предлог *до* употребляется в том случае, если надо показать, что действие продолжалось вплоть до указанного момента. Предлоги *пред* и *напред* указывают, что действие происходило ранее данного момента, не уточняя того, за много ли времени до его наступления это действие закончилось. Предлог *срешту*, так же как *под* и *против* (более редкие варианты, отражающие, видимо, русское влияние), указывает на время в канун указанной даты. Предлог *къде* употребляется при указании на момент времени, до наступления которого, но близко к нему должно совершиться действие. Предлог *около* обозначает приблизительное определение продолжительности какого-то периода указанием срока, который не был достигнут.

Для определения отрезка времени с указанием на обе его границы служат предлоги *от* и *до*; *от* обозначает начальный, а *до* — конечный предел данного отрезка времени, заполненного каким-либо действием. На два момента, ограничивающих данный отрезок времени, указывает предлог *помеж*.

Время действия после указанного момента определяется посредством предлогов *по* и *подир*. Предлог *по* в этом значении встречается сравнительно редко и исключительно в сочетании со словами, обозначающими названия праздников или частей суток. Предлог *подир* употребляется значительно шире. С помощью этого предлога в говоре передается любая последовательность действий во времени: следует ли одно действие за другим (*урéм, пудíр тва с'áим* — пашем, после этого сеем); совершается ли оно по истечении известного отрезка времени (*пудíр два дёна* — по истечении двух дней) или по наступлении определенного момента времени (*пудíр Нóвата гудíна* — после Нового года). Лишь в этом последнем случае, и то не всегда, встречается употребление предлога *по*. Возможно, что предлог *по* имеет значение непосредственного следования или даже одновременного наступления (*пу Димитруф ден* — с наступлением Димитрова дня; *пу ср'ятнóши* — с наступлением полночи). Зафиксированные нами случаи допускают подобное понимание.

Предлоги второй группы — *през*, *в*, *на* и частично *по* — указывают на момент или отрезок времени, к которому относится действие. При определении часа, дня, месяца или года, в который произошло действие, употребляется предлог *в*, при указании числа, а также названия праздников употребляется предлог *на*.

Д. С. МУХИНА

**ФУНКЦИИ ПРЕДЛОГА *ОТ*
В СУВОРОВСКОМ ГОВОРЕ**

Употребление предлогов является одной из центральных проблем изучения грамматического строя болгарского языка. К ней обращались многие специалисты по болгарскому языку. Однако решалась она только на материале литературного языка. Диалектологи проходили мимо нее. Совершенно очевидно, что всестороннее исследование употребления болгарских предлогов только на основе изучения литературных текстов невозможно. Вот почему мы обратились к материалам болгарских говоров.

В нашей работе исследуется диалектологический материал, собранный в селе Суворове экспедициями АН СССР летом 1951—1952 гг., а также в результате специальной командировки в январе 1952 г. Привлечены также данные, собранные во время летней диалектологической экспедиции в августе 1950 г. в селе Софиевке Запорожской области, основанном переселенцами из села Суворова.

Для разрешения поставленной задачи мы будем рассматривать предлог *от* не изолированно, а в сопоставлении с другими предлогами, употребляющимися в тех же или сходных значениях. Случаи употребления предлога *от* в одном и том же значении с другими предлогами (*из*, *за* или *на*) довольно часты. Колебания в их употреблении позволяют говорящему передавать тончайшие оттенки одного и того же значения. В нашу задачу входит также рассмотрение случаев расхождения в употреблении предлога *от* в суворовском говоре и в современном болгарском литературном языке.

Так как предлог входит в определенное словосочетание и тесно связан с окружающей лексикой, то его нельзя рассматривать изолированно, без учета смысловой стороны словосочетания. В свою очередь словосочетание приобретает смысловую определенность только в контексте. Поэтому словосочетания, в которые входит существительное с предлогом, мы должны изучать в неразрывной связи с семантикой всего предложения.

Таким образом, в своем исследовании мы идем от употребления предлога в словосочетании и предложения к его значению.

Однако при описании функций предлога недостаточно ограничиться только смысловой стороной предложного сочетания. Важно проследить связь семантики отдельного предлога с синтаксическими функциями оборота, в который он входит. В связи с этим мы попытаемся разрешить вопрос — можно ли, хотя бы в некоторых случаях, проследить изменение значения отдельного, конкретно взятого предлога в зависимости от синтаксической функции предложного оборота, в который он входит. Поэтому во всех случаях мы будем учитывать синтаксическую роль предложного оборота в предложении.

Значения предлога *от* в суворовском говоре разнообразны. Можно проследить употребление его от конкретного пространственного и временного значения до значений более отвлеченных.

На первый взгляд, между всеми этими значениями очень мало общего. Но при более тщательном анализе обнаруживается связь между самыми, казалось бы, далекими значениями предлога. Это позволяет нам выявить собственное значение предлога, к которому восходят все другие.

Предлог *от* в суворовском говоре имеет значение отдельительное. Он указывает или на исходный пункт, предмет, лицо, от которого что-либо исходит, отделяется, берется, или на тот предмет, который отделяют, от которого освобождаются. Соответственно в нашей классификации мы выде-

ляем два разряда, которые объединяют все случаи употребления предлога *от*.

I. Предлог *от* в значении исходности.

II. Предлог *от* в значении удаления чего-нибудь, освобождения от чего-нибудь.

Эти два значения предлога *от*, с одной стороны, противоположны, с другой стороны — едины.

Противоположны они потому, что предлог служит для выражения двух противоположных действий:

первое — отделение *от* чего-нибудь (предлог в сочетании с именем, обозначающим нечто неподвижное, постоянное, то, что является исходным пунктом движения);

второе — отделение *чего-нибудь* (предлог в сочетании с именем, обозначающим отделяемое, то, что движется, отбрасывается).

I. *Ас дудéх ут Кишн'óву; ... уд жóлубу тичé ф клáинцу вудá; утвижí врáфциту ут шаїníчката* (я пришел из Кишинева; с жолоба течет в колодец вода; отвяжи веревку от санок).

II. *... и гу (мамúл) утв'áим на в'áтиру ут шл'ýпкити; мáнин'куту кóнчи станá и са страсí ут вудáта; ас учýстих царвýлити уд батák* (и ее (кукурузу) отвеем на ветру от шелухи; маленький жеребенок встал и отряхнулся от воды я очистил царвули (легкие кожаные туфли) от грязи).

Единство этих значений заключается в том, что оба они фактически обозначают один и тот же процесс отделения.

Поясним это на примерах:

Когда мы говорим: *утв'áим мамúл на в'áтиру ут шл'ýпкити* (отвею кукурузу на ветру *от* шелухи) или: *учýстих царвýлити уд батák* (я очистил царвули *от* грязи), то мы представляем себе, что шелуха и грязь отбрасываются (отвеваются, счищаются) как нечто ненужное и вредное. Но этот же процесс мы можем представить себе по-другому: отвеять кукурузу от шелухи или очистить царвули от грязи — значит: *отделить* кукурузу *от* шелухи, *отделить* царвули *от* грязи, то есть не шелуха отбрасывается для освобождения зерна, а зерно как бы изымается из шелухи. В таком случае

шелуха и грязь представляются нам исходными (см. первое значение предлога *от*).

В этом заключается единство двух противоположных значений предлога *от*.

Этим единством и объясняется употребление предлога *от* в столь различных, казалось бы, значениях.

Вторая группа (предлог *от* в значении удаления чегонибудь, освобождения от чего-нибудь) незначительна по количеству примеров и не отличается разнообразием значений.

Первая (предлог *от* в значении исходности), наоборот, богата примерами и разнообразна по значениям. Внутри нее мы будем рассматривать материал по следующим разделам, группам и подгруппам:

1) Значение исходного пункта или исходного направления (предложные обороты — обстоятельства места):

а) при глаголах передвижения, перемещения; б) при глаголах отделения, устраниния; в) при определении границ известного отрезка в пространстве; г) при определении местоположения кого-нибудь, чего-нибудь; д) при указании на источник, откуда что-либо берется или исходит; е) при указании исходного направления.

2) Значение исходного момента (предложные обороты — обстоятельства времени).

3) Переносное употребление предлога *от* в значении исходности (предложные обороты — объект, определение, предикативный член или — в одном случае — обстоятельство причины):

а) при указании на происхождение предмета или лица;
б) при указании на целое, от которого берется, отделяется или из которого выделяется часть; в) при указании на материал, состав, из которого сделан предмет; г) при указании на группу однородных предметов, из которой выделяется один; д) при указании на лицо, от имени которого (по поручению которого) производится действие; е) при указании на предмет или ряд предметов, являющихся средством получения чего-либо; ж) при указании на причину действия.

Вне этой группировки мы рассмотрим вопросы: предлог *от* в системе глагольного управления, пассивные конструкции, предлог *от* при сравнительной и превосходной степенях.

I. ЗНАЧЕНИЕ ИСХОДНОСТИ

1) Значение исходного пункта или исходного направления

Это значение предлога *от* можно назвать основным, так как предлог *от* в нем выступает наиболее часто и его лексическое значение проявляется здесь наиболее ярко, конкретно и самостоятельно.

В этом разделе мы различаем следующие случаи употребления предлога *от*:

а) Предлог *от* указывает на исходный, отправной пункт, при глаголах, обозначающих передвижение, перемещение.

Значение предлога *от* в этой группе прямо противоположно значениям предлогов *до*, *на* и *към*, указывающих на место, достижение которого является целью данного движения. Например:

Чычу Кóл'о си йди ут кáру; ас дудéх ут Кишин'óву; б'áши даш и уд жóлубу тичé ф клáинду вудá; пот му тичé ут лицéту (дядя Коля идет с поля; я пришел из Кишинева; был дождь, и с жолоба течет в колодец вода; у него течет пот с лица).

Исходным может быть не только предмет, но и одушевленное лицо. Например:

Б'áга уд баштáта, ут мáјката; ут вýíчу утйдахми на бáбини; и на дрúгата нош ас риших да б'áгам ут т'ах (бегает от отца, от матери; от дяди мы ушли к бабушке; и на другую ночь я решил убежать от них).

В этом же значении предлог *от* употребляется в сочетании с предлогами *на*, *в* или *до* (*от — на*, *от — в*, *от — до*). Причем предлоги *на*, *в*, *до* указывают на конечный пункт при передвижении, перемещении, а выражение в целом обо-

значает определенную последовательность передвижения в пространстве. Например:

Идён чул'ák си изгúбил дит'ёту фав вуїнáта и óди ут сéлу на сéлу да гу трáси; Пётка, гáту са рассáрди, óди ут идна кáшта в дрúга; Ива́н уди́л ут идён чул'ák ду дрúгио, питáл, н'áма ли н'áкуí ут на́шту сéлу (один человек потерял ребенка во время войны и ходит от села к селу — ищет его; Петя, когда рассердится, ходит из одной комнаты в другую; Иван ходил от одного человека к другому, спрашивал, нет ли кого из нашего села).

К этой же группе относятся некоторые случаи переносного употребления слов, соединенных предлогом *от*. Например: *ас ми изл'áна уд главáта, ни моа да намíсла* (выпало у меня из головы, не могу вспомнить).

б) Предлог *от* указывает на исходный, отправной пункт при глаголах, обозначающих отделение, отстранение. Например:

Утвijí врáфциту ут шаїníчката; ут самúну са уdl'úпи кирáта; ниј загúбихми кўчиту, утврáзалу са ут синджíру и изб'áга (отвязи веревку от санок; от хлеба отпала корка; мы потеряли собаку, отвязалась от цепи и убежала).

Переносное употребление слов, соединяемых предлогом *от*:

На камит'ёту нíја изнéсахми такóва рише́није на Волóшинту: строк вíйовор и да гу сníмат ут групóрк (на комитете мы приняли такое решение относительно Волошина: строгий выговор и снять его с должности группорга).

в) Предлог *от* указывает на исходный пункт при обозначении границ известного отрезка в пространстве.

Здесь следует отметить, что вся конструкция с предлогами *от—до* отвечает на вопрос „где?“, имя же существительное с предлогом *от* — на вопрос „откуда?“ Например:

Сíчкуту уд зим'áта ду nibéту — кадéш; ут Сmail до Шикирлику н'áма шушé; мама вíка да врáфциту ул дувáру ду кáштата, чи да прустрём прáнити дрéи (все от земли до неба — дым; от Изамаила до Шикирлика нет шоссе; мама говорит, чтобы я привязала веревку от забора до дома, чтобы повесить выстиранное белье).

Некоторые устоявшиеся выражения с предлогами *от—до*, фактически указывающие на пространственный предел, в современном суворовском говоре отвечают на вопрос „как?“ и являются в предложении обстоятельствами образа действия. Например:

Валій даши. Ц'ал ден бих ванка на ўлицата и са намокріх ут краката ду главата; садé да пупанна в Москвá, жа га избода фсічката ут ідáнио краї ду дру́гио (идет дождь. Целый день я был на улице и вымок с ног до головы; только бы попасть в Москву, исхожу ее всю от одного края до другого).

Застывшие выражения, в которых предлог *от* обозначает низший, а предлог *до* высший предел, могут выступать и в роли подлежащего. Например:

Ут мálку ду гул'áму изл'áнаа на пát (от мала до велика вышли на дорогу).

г) Предлог *от* указывает на предмет или лицо, относительно которого определяется местоположение кого-нибудь, чего-нибудь.

Синтаксическая функция всего словосочетания, в которое входит предлог, — обстоятельство места. Например:

Мáма сид'á на два раскрача ут ме́ни; ...ас пупаннах фав горут Ситáу, три килумéтра ут чéската гранíца; жилéзната дурóга на питнáиси килумéтра ут Суворув далéку; школата бýла нидалéку ут цéнтуру (мама сидит в двух шагах от меня; я попал в город Ситай, в трех километрах от чешской границы; железная дорога находится в 15 километрах от Суворова; школа была недалеко от центра).

д) Предлог *от* указывает на место как на источник, откуда что-либо берется, исходит, узнается. Например:

Ут лар'óку ли купýхти бриви?; рýбата га дунáсат ут Аджикýрт; ут калхóзити зéмами ицá; карти́ни зéмват ут Смайл, да пукáзват кино (в ларьке ли вы купили орехи?; рыбу приносят из Аджикурта; яйца берем из колхозов; картины берут из Измаила, чтобы показывать кино).

Ср. переносное употребление предлога *от* в этом значении:

Ас զնամ, զի լրացմանի ժա զձավատ, սու բցավլենիւ (какие экзамены нужно сдавать, я знаю из объявления).

е) Употребление предлога *от* при определении направления (откуда? куда?). Например:

Հաշտա արմիւա վրավ'ալա սու վաստօկ կադի զապած; խ'ատսու фրակատ фтичата *սու յուց սու սևիրս, ա նա զիմատա ֆրակատ ֆтичата սու սևիրս սու յուց* (наша армия шла с востока на запад; летом птицы летят с юга на север, а на зиму — с севера на юг).

Для определения направления ветра в суворовском говоре существуют специальные названия: *дұвá ғóрнио в'áтиր; дұвá дóлнио в'áтиր; в'áтиру дұвá սու брíց* (ветер с севера на юг; ветер с юга на север; с запада на восток).

2) Значение исходного момента

Временное значение предлога *от* совершенно аналогично пространственному: предлог указывает на момент времени, с которого начинает обнаруживаться, проявляться действие, то есть предлог указывает на исходный, начальный момент времени. Например:

...սու հéսկաշնio դen աz յa բáда սo թ'ax վажáտa; սo կoյé վր'áմi սo կáպ'at? — Սo մaի դu սинт'áбр; սtárшиши կláսуvi սo զанимáват սo սabáլen, ա մlátшиши սo սbédu; սo սóրսկ վօսմата հ'áմashi սn'ák, դаждuvé (с сегодняшнего дня я буду у них вожатой; с какого времени купаются? — С мая до сентября; старшие классы занимаются с утра, а младшие — с обеда; с сорок восьмого года не было снега, дождей).

Начальный момент времени может определяться событием. Например:

Բ'éki դet շудáնi սo կáկtu բul'áx; տam օshti նi բ'áshi սtribránu սo կonfiրéնciúa (уже пять лет прошло с тех пор, как я болел; там еще не было убрано со времени конференции).

Если в предложении указана не только начальная, но и конечная временная граница действия, то оборот в целом обозначает отрезок времени, в течение которого совершается действие. Конечный предел обозначается в этих оборотах именем с предлогом *до*:

Тої рабути уд дёвим ча́са ду шес; стулбовата уткрайта ут саба́йен ду плáнне, ут плáнне ду вéчира; ут сорук пérвата гудýна ду пидисé фтбрата жув'áх фав Вороши́луврат (он работает с девяти часов до шести; столовая открыта с утра до полудня и с полудня до вечера; с сорок первого года до пятьдесят второго я жил в Ворошиловграде).

Следует отметить, что в суворовском говоре, как и в болгарском литературном языке, для обозначения отрезка времени, в который происходит действие, употребляется также предлог *на*. Например, в суворовском говоре:

На ма́слиница си варíм ицá; ас рабóта на свубóдну вр'áми (на масленицу варим яйца; я работаю в свободное время). В болгарском литературном языке:

...тя не била хубава, както на млади години (...она не была красива, как в молодые годы).

Однако употребление предлогов *от—до* в одних случаях и *на* в других не случайно. Оно обусловлено тем, что обороты с предлогами *от—до* содержат совершенно точное указание на время начала и завершения действия. Причем действие происходит в указанный отрезок времени беспрерывно (*рабути уд дёвим ча́са ду шес*); тогда как предлог *на* обозначает, что действие может происходить лишь в один из моментов или в некоторые моменты указанного времени *на ма́слиница си варíм ицá*.

Предлог *от* в сочетании с предлогом *на* употребляется во временных застывших оборотах: *ут вр'áми на вр'áми*, *ут час на час* (время от времени) и в оборотах *уд ден на ден*, *уд гудýна на гудýна* (с каждым днем, с каждым годом).

Обороты *ут вр'áми на вр'áми*, *ут час на час* обозначают нерегулярную повторяемость действия:

Ут вр'áми на вр'áми тої начýва да п'áи; ниј сид'áхми

ф кáшти и ут вр'áми на вр'áми пугл'áвахми фаф уаклоту; ут вр'áми на вр'áми ас чух нéчувио глас; кучíту ут час на час лáj (время от времени он начинал петь; мы сидели в комнате и время от времени смотрели в окно; время от времени я слышал его голос; собака лает время от времени).

Очень близко по значению к оборотам *ут вр'áми на вр'áми*, *ут час на час* выражение *н'áма, н'áма*, которое употребляется в суворовском говоре значительно чаще и может заменять вышеуказанные обороты. Однако оборот *н'áма, н'áма* имеет своеобразный оттенок: он придает действию, о котором идет речь в предложении, менее закономерный характер. Например:

Н'áма, н'áма исп'áи питéлу; н'áма, н'áма жа испráтат картóфлити; тоj сидí ф тéмнуту и н'áма, н'áма чúва, чи са мрáда нáмко ф кишéту (нет-нет, да и запоет петух; нет-нет, да и пошлют картофель; он сидит в темноте и слышит, что нет-нет, да и пошевелится кто-то в углу).

Обороты *уд ден на ден, уд гудíна на гудíна* обозначают ряд последовательных моментов, по мере наступления которых развивается какое-либо действие, развертывается какое-либо явление.

Особенностью употребления этих оборотов является то, что они встречаются в предложениях, где обязательно наличие сравнительной степени наречия, зависящего от того же глагола, что и вышеуказанные временные обороты. Например:

Уд гудíна на гудíна по-леку стáва на калхóзникити; нáшту растé кáта ден, уд ден на ден пу-гул'áму стáва; нíje са ючими ф див'áтио клас и уд ден на ден Ѵсками да энáими побичи (год от года лучше живется колхозником наш (сын) растет с каждым днем, с каждым днем больше становится; мы учимся в девятом классе и с каждым днем хотим знать больше).

Иногда оборот *ут ден на ден* может быть в предложении не обстоятельством времени, как обычно, а обстоятельством образа действия. Например:

Абалкити, дёту ги насадыхми ўкал школата растам ул ден на ден (яблони, которые мы посадили около школы, растут с каждым днем).

3) Переносное употребление предлога *от* в значении исходности

При переносном употреблении предлог *от* находится в более тесной связи с окружающей лексикой, которая фактически определяет его значение. В зависимости от этого лексическое значение предлога ослабевает, становится более отвлеченным. Это первая ступень по пути грамматикализации предлогов.

а) Предлог *от* указывает на происхождение предмета или лица или местожительства лица.

Предложные обороты выступают в предложении а) как определение, б) как предикативный член. Например:

а) *Шту хóдиш с такáф калпák ут уфцá?*; *ут уфцá вáдна... шóлк ул бубý; брата ул Бáнуфката талчáт таi;* *на картýната са пукáэва мумчéнци ут Корéjата* (что ты ходишь в такой шапке из овчины?; шерсть от овцы... шелк от шелкопрядов; люди из Бановки говорят так; в картине показывают мальчиков из Кореи).

б) *И калпáку — ут áганци; тувá (палтó) је ут уфцá; ас сам ут сёло Суворову; ну си м'áсат, а ут идйн баштá, ут идна маíка; на твójата хуз'ájка рудníна — ул двá систрý дицá; ...внук ул шул'áмата штérка; дицá ут нашта кумшиjка се криштáт* (шапка из шкурки ягненка; это (пальто) из овчины; я из села Суворова; не похожи, а от одного отца, от одной матери; твоей хозяйки родня — от двух сестер дети; внук от старшей дочери; дети (от) нашей соседки все кричат).

В этих примерах значение предложных оборотов очень близко к значению принадлежности. Но принадлежность в суворовском говоре обычно выражается предлогом *на*. Например:

То̄и зе на Лы́да мажó и гу тýрна на ируплáну; на ина жинá дитéту и бýло млóгу болнú; ...криштáт дицá на на́шта кумши́йка (он посадил лидиного мужа на аэроплан; ребенок одной женщины был очень болен; кричат дети нашей соседки).

Отнесение вышеуказанных примеров к группе происхождения мы объясняем тем, что здесь говорящий употреблением предлога *от*, а не *на* подчеркивает именно происхождение лица или предмета. Ср., например:

Дицá ут на́шта кумши́йка се криштáт; криштáт дицá на на́шта кумши́йка (дети (от) нашей соседки все кричат; кричат дети нашей соседки).

В первом из приведенных примеров употреблен предлог *от*, во втором — *на*.

Второй пример отличается от первого тем, что в нем логически не выделяется тот факт, что кричат дети именно нашей соседки. Здесь логически выделяется действие — дети кричат. В первом же примере (с предлогом *от*) говорящий подчеркивает происхождение детей, то есть то, что кричат не чьи-нибудь дети, а именно дети нашей соседки. То есть в первом случае употреблением предлога *от*, а не *на*, выделяется происхождение детей как признак существенный для указанного действия.

Приведем еще пример: *ни си м'áсат, а ут иди́н баштá, ут идна́ ма́йка* (не похожи, а от одного отца, от одной матери). Здесь также подчеркивается происхождение лица, что и обусловливает употребление предлога *от*, а не *на*.

Далее сравнением примеров данной группы с группой д) первого раздела мы попытаемся осветить вопрос возможной связи семантики предлогов с синтаксическими функциями оборотов, в которые они входят.

В группе д) первого раздела мы объединили случаи употребления предлога *от* при обозначении источника, места, откуда что-либо берется, узнается, исходит. Сочетание предлога с именем служит при этом обстоятельством места.

В рассматриваемой группе мы выделяем обороты с пред-

логом *от*, содержащие указание на происхождение лица или предмета. Эти конструкции являются в предложении определением к существительному.

Если сравнить случаи употребления предлога *от* в обеих группах, не учитывая синтаксических связей предложных оборотов, то мы не увидим в значении предлога никакого различия. Например:

I. 1. *Сётни уд г'блу з'ёмами вудá* (потом мы берем из лимана воду).

2. *Рыба ут нашио г'ол са прудáва пу три рубли* (рыба из нашего лимана продается по три рубля).

II. 1. Уд блакноту *уткаснý лист* (вырви лист из блокнота).

2. *Листув'á уд блакноту ас вёчи испýсах* (листы из блокнота я уже исписал).

III. 1. *Рыбата га дунáсат ут Ад'жикýрт* (рыбу приносят из Аджикурта).

2. *Мáмо, искам да зéма бўлката ут Шикирлýку* (мама, я хочу жениться на девушке из Шикирлика).

Как в первых, так и во вторых примерах содержится указание на место (иногда даже на одно и то же место — примеры 1, 2). Но в первых случаях сочетания с предлогом зависят от глагола, во вторых — предложные обороты служат для определения существительного, к которому они относятся.

В первых случаях предложные обороты, являясь в предложении обстоятельством места, отвечают на вопрос: „откуда?“, во вторых, являясь в предложении определением, на вопросы: „какой?“, „какая?“, „какое?“

Сётни зéмами вудá — откуда? — уд г'блу.

Рыба — какая? — ут нашио г'ол — са прудáва пу три рубли.

Уткаснý лист — откуда? — уд блакноту.

Листув'á — какие? — уд блакноту — ас вёчи испýсах.

Рыбата га дунáсат — откуда? — ут Ад'жикýрт.

Мáмо, искам да зéма бўлката — какую? — ут Шикирлýку.

В зависимости от того, в какой синтаксической функ-

ции выступает предложный оборот, меняется значение предлога: в первых примерах предлог указывает на место как на источник, откуда берется предмет; во вторых — на место происхождения предмета, как на постоянный признак предмета.

Таким образом, значение предлога может меняться в зависимости от синтаксической роли предложного оборота в предложении.

б) Предлог *от* указывает, частью какого целого является предмет.

Для характеристики этой группы приведем вначале несколько примеров: *Дувáр ут сбáтa* — у мéни; *дунéс мi нахтáру ут кл'учó*; *рúчката ут казáнчitu напráина ут тел*; *аз зaгúбих цаклóту ут часítu*; *кулилáта ут карýцата б'áа ф кишéту* и т. д. (стена от печки — у меня (в комнате); принеси мне ключ от замка; ручка (от) ведра сделана из проволоки; я потерял стекло от часов; колеса от телеги были в углу).

Именем с предлогом в приведенных выше примерах обозначается предмет, по отношению к которому предмет определяемый составляет часть. Причем эта часть настолько органически связана с целым, что целое только в совокупности с ней является законченным и может быть использовано. Поэтому другими словами мы можем сказать, что названная часть является принадлежностью целого: *нахтáру ут кл'учó*; *дувáр ут сбáтa*; *рúчката ут казáнчitu* (ключ от замка; стена от печи; ручка от ведра).

Но для выражения отношений принадлежности в суворовском говоре, как уже говорилось выше, употребляется предлог *на*. Например:

На цв'áтуви лист'áта затвá ыур'áт; ракáву на кóфтата скáсан и т. д. (листья цветов поэтому горят; рукав кофты порван).

Иногда в суворовском говоре в одном и том же предложении предлоги *от* и *на* могут употребляться, на первый взгляд, без всякого различия. Например:

Т'а ві́ка, чи на ру́чката пирóту злáтну; т'а ві́ка, чи ут ру́чката пирóту злáтну (она говорит, что перо ручки — золотое; она говорит, что перо от ручки — золотое).

Выявление оттенков в значениях отдельных предлогов интересно с точки зрения семантики предлогов вообще. В данном случае также нельзя сказать, что оба предлога употребляются без всякого различия значения или, вернее, оттенков значения. Для определения оттенков, передаваемых предлогами *от* и *на* в значении принадлежности, приведем несколько примеров:

I. *Истри́ цаклóту на лámбата; дај ми ут лámбата цаклóту* (вытри стекло лампы; дай мне от лампы стекло).

II. *Тасмíчкити на царвúлти са напráини се ут кóжа; аз дунéсах тасмíчкити ут царвúлти* (шнурки царвулей сделаны также из кожи; я принес шкурки от царвулей).

III. *Ас учíстих на рýбата главáта; Пéтар ни убýча главáта ут рýбата* (я вычистила голову рыбы; Петр не любит голову от рыбы).

Из сопоставления приведенных выше примеров мы можем сделать следующий вывод:

Предлог *на* в суворовском говоре выражает отношения принадлежности в тех случаях, когда принадлежащая какому-либо предмету в целом его составная часть, органически с ним связанная, находится при предмете, не отделена от него.

Предлог *от* употребляется тогда, когда предмет, составлявший когда-то органическую часть другого, отделен от него. Таким образом, предлог *от* выражает принадлежность, которая в момент высказывания нарушена (см. примеры).

К описываемой группе следует отнести также примеры с предлогом *от*, в которых предлог с именем обозначает принадлежность лица какой-либо организации (учреждению, партии, группе лиц, объединенных общностью интересов, судьбы и т. д.). Например:

Ас ни ма е страх, там ѹмам знакоми студéнтки ут университetu; там ѹграт мумíчинцата ут нашио клас;

у нас выступфаа артисты ут Смайл'скио тиатр; двата капитана уд дв'яти куманди са зглашат; през зимата б'яха ту два-три м'ясица курсанти ут кулхозу (мне не страшно, у меня там знакомые студентки из университета; там играют мальчишки из нашего класса; у нас выступали артисты из Измаильского театра; два капитана двух команд договариваются; зимой по два-три месяца жили курсанты из колхоза).

Во всех примерах, приведенных выше, сочетания предлога *от* с именем выполняют в предложении функцию определения. Подобные же по значению предлога предложные обороты употребляются и в роли именной части составного склоняемого. Например:

Táа батарéйка — ут финéру; тоо капák — ут тáа кастрóйл'a; тва — ут шáпката прижилó; чарвáта — ут рýбата (эта батарейка — от фонаря; эта крышка — от этой кастрюли; это — от шапки завязка; внутренности — от рыбы).

в) Предлог *от* указывает на состав, материал, который идет на изготовление чего-нибудь, из которого что-либо производят.

Эта группа отличается богатством и разнообразием примеров. Предложные обороты могут быть в предложении: а) дополнением; б) определением, г) предикативным членом. Например:

а) *Ут кракáта на прас'ёту ма́ма сварí аладéц; ут кóжата тáти ми напраи царвúлити; ма́ма ут тва брашнó жа упичé кравáичиту; ракíя са правí ут чукундúр, ут вýнена кал и ут зáар; ... и ут тaa вáлна уплéтах чура́пи на Ван'ушата* (из ног поросенка мама сварила студень; из кожи отец мне сделал царвули; мама из этой муки испечет пирожки; водка делается из свеклы, винного осадка и сахара; ... и из этой шерсти я связала Ванюшке чулки).

Интересным является переносное употребление слов, соединенных предлогом *от*, обозначающих лицо, которое, подвергаясь каким-либо воздействиям, превращениям, должно приобрести какие-то новые качества, профессию и т. п. Например:

Штиши да напрা�вим чул'ák ут батák; ут мёни жа бáде учýтил; ут мёни нýшту нý́ма да са пулýчи (мы хотели сделать человека из грязи (из ничтожества); из меня будет учитель — в смысле — из меня выйдет учитель; из меня ничего не получится).

3) *Искам да йда ф лáфката, да си кўпа касýнка ут шолк;* ф нид'áл'a купíх нова кушóлка ут папур; ...*дувár ут п'áсак;* ...*иáдахми манðжа ут мрафки* (я хочу пойти в магазин, чтобы купить себе косянку из шелка; в воскресенье я купила новую корзину из тростника; забор из песка; мы ели соус из мяса).

Иногда на материал, из которого сделан предмет, указывает не предложный оборот с предлогом *от*, а соответствующее прилагательное. Например:

Ас искам да си кўпа вáлнина рóкла; ас тр'áба да напráв'a ина драvина рúчка; жа си уплитá иднý вáлнини чурáпи (я хочу себе купить шерстяное платье; я должен сделать одну деревянную ручку; я себе свяжу шерстяные чулки).

Если для обозначения свойств предмета по его материалу употребляются параллельно обе конструкции (предложная и беспредложная), то предложная форма употребляется тогда, когда говорящий хочет специально обратить внимание на материал, из которого сделана или будет сделана вещь.

Ас тр'áба ла напráв'a ина рúчка ут драво — скажут в том случае, когда хотят подчеркнуть, что ручка будет сделана именно из дерева, а не из другого материала. Если говорящий этого не акцентирует, то он скажет: *ас тр'áба да напráв'a ина драvина рúчка.*

Другой пример. Чаще в суворовском говоре говорят: *кóжуи царвúли, резýнуи царвúли*. Но если говорящий хочет подчеркнуть какое-то свойство предмета, определяемое материалом, из которого предмет сделан, то он скажет: *царвúлити ут ризýна, ут кóжата*. Например:

Царвúлити ут ризýна по курáви, чéмту ут кóжата, те ни припýштат вудá; царвúлити ут ризýната по са ўбаи, дéту ут кóжата (дарвули из резины крепче, чем

из кожи, они не пропускают воду; царвули из резины лучше, чем из кожи).

γ) *Тваје ут кунόпа; чурáпти — ут јаклó?; пражитўри — ут ицá; ут кракáта ду главáта сýчкуту је ут вáлна* (это из конопли; чулки — из стекла?; хворост — из яиц; с головы до ног вся одежда из шерсти).

г) Предлог *от* указывает на группу лиц или однородных (одинаковых) предметов, из которой выделяется и противопоставляется другим по какому-либо признаку или действию один или несколько предметов. Например:

Н'áкуї ут ученикýти задáва вапрóс; душлý худукý да глéдат м'áсту, идýнио ут т'ах бил наш ў́чу; ут сýчката сим'á рабóта садé ас; ут сýчкити кóни ўбýчам идýн жирибéц; ут т'áа книгы ас причéтах садé иднá (кто-нибудь из учеников задает вопрос; пришли ходоки подбирать место, один из них был наш дядя; из всей семьи работаю один я; из всех коней я люблю одного жеребца; из этих книг я прочел только одну).

д) Предлог *от* указывает на лицо, от имени которого (по поручению которого) производится действие. Предложный оборот служит в предложении дополнением. Например:

Дáйти ут мёни мнóгу эдрáви; тáа пудárка га пири-дáйти ут мёни, да ни ма забráват нýкугаш; ут мёни нýшту ни кáэваї (передайте от меня привет; этот подарок передайте от меня, чтобы никогда меня не забывали; от моего имени ничего не говори).

е) Употребление предлога *от* в значении „в обмен на что-то“, „за что-то“ (предлог указывает на предмет или ряд предметов, являющихся средством получения чего-либо).

Предложный оборот — дополнение. Например:

Да фпрéгним карýцата, да ѫдим фаф Смайл, да про-дадéм зýмка. Ут зýмката жа полýчим млóгу парý; ти уддé зе т'áа парý? Ут вáлната, дéту га прудáдах, пулý-чих сто рýбли; нéска изнéсах на пазár'у да прудáвам свýнску мýсо. И пу килугрáму гу прудáвах. Иэрáботих ут нéго пет стóтин рýбли (мы снарядим подводу и отправимся

в Измаил, чтобы продать зерно. За зерно мы получим много денег; ты откуда взял эти деньги? За шерсть, которую я продал, я получил сто рублей; сегодня я вынес на базар продавать свиное мясо. Продавал его по килограмму. Выручил за него 500 рублей).

В этом же значении, без всякого различия в оттенках, употребляется иногда предлог *за*. Например:

Нýða пулúчихми за кráвата ил'áда рўбли (мы получили за корову тысячу рублей).

ж) Предлог *от* указывает на причину действия.

Предложный оборот — обстоятельство причины. Здесь мы выделяем:

а) Предлог *от* при обозначении внешней причины действия, находящейся вне лица или предмета. Например:

Фаф тýс'ача дивицубт дванáсита гудýна мраз бýши гул'ám и луз'áта ут мразó по гибнаа; рацéти ми са чárвёни уд батáку и ут мразó; уд батáк мрás'ан пáт'y; грамнáх ас, ут звúку са углуших (в 1912 году мороз был сильный и виноградники от мороза погибли; у меня красные руки от грязи и от мороза; от глины грязный путь; я выстрелил и от звука оглох).

б) Предлог *от* при обозначении внутренней (психической или физической) мотивировки действия. Например:

Toj криштий уд бул'áшки. Toj гу булий кракá; галчáт, чи тоj умр'áл ут л'убóф за мумýчиту; ас сýчкио три-пýр'ах ут страх; ас с'áвга стáвам чирвéна ут срам (он кричит от болезни. У него болят ноги; говорят, что он умер от любви к девушке; я весь дрожал от страха; я всегда становлюсь красной от стыда).

II. ПРЕДЛОГ *ОТ* В ЗНАЧЕНИИ УДАЛЕНИЯ ЧЕГО-НИБУДЬ, ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ЧЕГО-НИБУДЬ

Предлог *от* указывает на нечто второстепенное, ненужное, излишнее, иногда даже вредное, от которого стремятся освободиться. Это значение предлога *от* определяется лексикой глагола (отвеять, очистить, освободиться). Например:

*И гу (мамұл) утв'áим на в'áтиру ут шл'úпкити; мáнин'куту кóнчи станá и са страсý ут вудáта; т'áа ма-
мýли ги учíстихми ут кучáну; ас учíстих царвўлити уд
батák; óриви учíстихти ут шл'úпкити и ги из'áдахти;
Марýс'ка вравý се пудýр мéни, и никак ни мóа да са услу-
будá ут нéца (и ее (кукурузу) отвеем на ветру от шелухи;
маленький жеребенок встал и отряхнулся от воды; кукурузу
мы очистили от листьев; я очистил царвули от грязи; орехи
мы очистили от скорлупы и их съели; Маруська все бегает
за мной, и никак не могу освободиться от нее).*

Переносное употребление слов, связанных предлогом *от*:
Никак не мóа да сауслубудá ут тва плохуту мýслини
(я никак не могу освободиться от этой дурной мысли).

1) Предлог *от* в системе глагольного управления

В примерах, описанных и разобранных нами выше, предлог *от*, устанавливая грамматические отношения между отдельными членами предложения, в большей или меньшей мере сохраняет свое лексическое значение.

Однако нередки случаи, когда предлог *от*, становясь в зависимость от контекста в целом или от предшествующего слова, совершенно утрачивает свое самостоятельное значение.

В этом случае предлоги „становятся простыми грамматическими знаками объективных отношений. За ними сохраняется функция показателей и выражителей того или иного падежа косвенного объекта”¹.

Таким образом, употребление того или иного предлога в предложении иногда целиком зависит от предшествующего слова (глагола), которое требует после себя вполне определенного предлога.

Основной чертой глагольного управления является грам-

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 700.

матическая необходимость, исключающая свободу выбора предлога.

Вначале мы остановимся на тех случаях, когда как в болгарском литературном языке, так и в суворовском говоре определенные глаголы или целые выражения без колебаний требуют после себя предлога *от*.

Бул'âja ут (болеть чем). Например:

Дицáта му бул'âjat ут скарлатйна; ас нýкугаш ут нýшту ни сам бул'âла (его дети болеют скарлатиной; я никогда ничем не болела).

Завýсвам ут (зависеть от кого, чего). Например:

Атмéткити зáвýсват ут энáнçата; ти мýслиши, чи тва зáвýси ут тéби? (отметки зависят от знания; ты думаешь, что это зависит от тебя?).

Дувóлен ут (быть довольным кем, чем). Например:

Ас сам дувóлен ут мójата си рабута; мáма мнóгу дувóлна ут мójиту учéниje (я доволен своей работой; мама очень довольна моей учебой).

Уплáшивам са ут (испугаться кого, чего). Например:

Ас са уплáших уд грóмил; аз бих са уплáшил ут т'ах и бигáх на грóбшиста и там нуштувáх (я испугался грома; я их испугался и убежал на кладбище и там ночевал).

Уплáквам са ут (жаловаться на кого-нибудь). Например:

Ас ни са уплáквам уд даштиp'âta; са збýрат женийти и т'a са уплáква ут мажó си (я не жалуюсь на дочь; собираются женщины, и она жалуется на своего мужа).

Ма ie страх ут (бояться кого, чего). Например:

Ас ни ма ie страх ут игэáминити; ут óрата н'áма да ма ie страх; ут жâба ни ма ie страх (я не боюсь экзаменов; я не боюсь людей; я не боюсь лягушек).

Ма ie страм ут (стыдиться кого-нибудь). Например:

Тоi — млáда бýлка, го ie срам ут сýчкити; т'a ни га ie срам ут чýждите óра (он, как молодая женщина, стыдится всех; она не стыдится чужих людей).

Стисн'áвам са ут (стесняться кого-нибудь). Например:

T'a с'âкугаш са стисн'áва ут нéинио свéкар; ас ут

нéгу са стисн'áвам (она всегда стесняется своего свекра; я его стесняюсь).

Так же, как и в литературном языке, при глаголе *стесня-
вам се* может употребляться предлог *пред*. Например:

Toj vaупштé прет нíкоj ни са стисн'áва (он вообще ни перед кем не стесняется).

В суворовском говоре в глагольном управлении с предлогом *от* встречаются, однако, некоторые отклонения от норм болгарского литературного языка: некоторые глаголы могут требовать после себя нескольких предлогов, один из которых характерен также и для болгарского литературного языка.

Например, глагол *удивлявам се* в суворовском говоре употребляется или с предлогом *с* или с предлогом *от* в одном и том же значении (удивляться чему). В болгарском литературном языке — только предлог *от*. Например:

Нíя сýчкити са удивл'áвами с нéгувио аќál; ти ни са удивл'áваj ут мójти славá (мы все удивляемся его уму; ты не удивляйся моим словам).

Другие глаголы в суворовском говоре требуют после себя предлогов, совершенно не употребляющихся при них в болгарском литературном языке. Например, глагол *раз-
бирам* в значении „понимать“, „разбираться в чем-то“ в суворовском говоре употребляется с предлогами *на* или *в*, в то время как в болгарском литературном языке с этим глаголом употребляется только предлог *от*. Например, в болгарском литературном языке:

*Той беше много малък и оше нищо не разбираше от жи-
вота; много разбира той от болести* (он был очень мал и ничего не понимал в жизни; он много понимает в болезнях, разбирается в болезнях).

В суворовском говоре: *ас нíшту ни разбíрам на брашнó;* *ас разбíрам на лакó, как да гу с'äїм;* *ас нíшту ни разбí-
рам ф тва брашнó; т'a нíшту ни разбíра ф матимáти-
ката* (я ничего не понимаю в муке; я разбираюсь в луке,

знаю, как его сеять; я ничего не понимаю в этой мукé; она ничего не понимает в математике).

Употребление предлогов *в* и *на* в суворовском говоре строго определено. Предлог *в* употребляется при глаголе *разбíрам* в значении „понимать“, „разбираться в чем-нибудь“ в тех случаях, когда говорящий имеет в виду определенный предмет (*т'а нýшту ни разбíра ф матимáтиката*) или определенное, ограниченное количество вещества (*ас нýшту ни разбíрам ф тва брашнó*)¹.

Предлог *на* употребляется в значении „разбираться в чем-нибудь вообще“ (разбираться в луке, в мукé вообще).

Второй пример: в болгарском литературном языке глагол *интересувам се* в значении „интересоваться чем“ употребляется исключительно с предлогом *от*, в суворовском говоре — только с предлогом *с*.

Например, в болгарском литературном языке:

...той не е можал да не се интересува от нейното състояние; не се интересуваше вече от кърските работи (он не мог не интересоваться ее состоянием; он больше не интересовался полевыми работами).

В суворовском говоре:

Кат са ючия фаф шкóлата, т'а сýмну са интирисýваши сас истóр'иá; ас са интирисýвам с бáлгарски язик; ас са интирисýвам с нéгувата уч'óба, закóту тоj ми је брат (когда она училась в школе, она сильно интересовалась историей; я интересуюсь болгарским языком; я интересуюсь его учебой, так как он мне брат).

2) Употребление предлога *от* в пассивных конструкциях

Особенностью пассивных конструкций является то, что в них слова, синтаксически зависимые от главного члена предложения — подлежащего (объект), семантически высту-

¹ Употребление предлога *в* при глаголе *разбíрам* можно объяснить влиянием русского языка.

пают на первый план, обозначая фактического производителя действия.

В пассивных конструкциях болгарского языка предлог *от* служит для выражения логического субъекта, от которого исходит действие.

В болгарском литературном языке пассивные конструкции распространены довольно широко. В суворовском говоре они встречаются очень редко.

Такие выражения, как *свикáрвата дárена ут нас; л'âбу упéкан ут ма́ма; тâа сôба напráина ут Пéтар* (свекровь одарена нами; хлеб испечен мамой; эта печь сделана Петром) и т. п., можно услышать чрезвычайно редко и только от пожилых или старых людей. Молодежь и дети заменяют пассивные конструкции своеобразной активной конструкцией, где при прямом дополнении, выраженном существительным, стоит личное местоимение 3-го лица в винительном падеже и соответствующем роде и числе.

Болгарский литературный язык

Тази книга е написана от Фадеев; „Война и мир“ *е написана от Лев Толстой, а не от Алексей Толстой;* наша къща *е построена от дядо ми;* хлебът *е изпечен от леля Надя;* председателят се избира *от комсомолците* (эта книга написана Фадеевым; „Война и мир“ написана Львом Толстым, а не Алексеем Толстым; наш дом построен моим дядей; хлеб испечен тетей Надей; председатель (собрания) избирается комсомольцами).

Суворовский говор

Тâа книга га напýса Фадéиф; „Вуѓна и иир“ *га напýса Леф Тулстбї а ни Алексéй;* *нашта къща моѓо д'âду га напрâви л'âбу гу упéчи тбóт'я Нáд'a, прит-сидатил'у гу избýрат камса-мôл'чиши.*

Тот факт, что пассивные конструкции если и встречаются, то очень редко и только в языке пожилых людей, а конструкции с личным местоимением в винительном падеже — повсеместно, а в языке молодежи и детей — исключительно,

дает нам основание полагать, что пассивная конструкция в суворовском говоре — конструкция исчезающая, архаичная, все более вытесняемая новой активной формой.

3) Употребление предлога *от* при сравнительной и превосходной степенях прилагательного, наречия или глагола

Русскому родительному падежу при сравнительной степени прилагательных и наречий соответствует в болгарском языке сочетание имени с предлогом *от*. Предлог *от* употребляется при сравнительной и превосходной степенях для обозначения предмета, лица или группы лиц, ряда предметов, который кто-нибудь (что-нибудь) превосходит своими качествами или которому кто-нибудь (что-нибудь) уступает по своим качествам.

Употребление при сравнительной и превосходной степенях именно предлога *от* объясняется тем, что сравнительная и превосходная степени подразумевают противопоставление одного качества предмета (или действия) другому. При противопоставлении же вообще то, с чем сравнивают, воспринимается как исходное. Поэтому в суворовском говоре при противопоставлении одного другому всегда (не только при сравнительной степени) употребляется предлог *от*. Например:

То̄ј са утличáва ут сýчкити сас својо си висóкјо бој; то̄ј бóши глуп. Ни мóжи да утличíй чéрнуту ут бáлуту; чул'ák ут чул'ák ýма гул'áма разница (он отличается от всех своих высоким ростом; он еще глуп. Не может отличить черного от белого; человек от человека сильно отличается).

В суворовском говоре сравнительная и превосходная степени могут быть образованы не только от прилагательных и наречий, но и от глаголов (болгарскому литературному языку это не свойственно).

Примеры употребления предлога *от* при сравнительной и превосходной степенях прилагательных:

Ас сам пў-гул'äm ут нéгу; ас сам пў-манинка ут тéби; Пётката — наї-гулáмио ут сýчкити бráт'a; сóрук пер-вата гудýна б'áши зáрат нас наї-тéшката ут сýчкити гудýни (я — больше него; я — меньше тебя; Петька — самый большой из всех братьев; сорок первый год был для нас самым тяжелым из всех лет).

Примеры употребления предлога *от* при сравнительной и превосходной степенях наречия:

Мажо ми знає pu румáнски по-малку ут мéни; тої пулúчва pu два и дáжи побичи уд два трудодéна; тої пláва наї-ўбау ут сýчкити мумчéта (мой муж знает по-румынски меньше, чем я; он получает по два и даже больше, чем по два трудодня; он плавает лучше всех мальчиков).

Примеры употребления предлога *от* при сравнительной и превосходной степенях глагола:

Стáрити поб-энáат ут млáди; за кóту маíката по убýчат уд баштáта?; ти пў-разбираш бáлгарски ут Нáд'a баштá наї гу уважáва ут сýчкити; ут сýчкити изýци наї-энам бáлгарски (старики больше знают, чем молодежь; почему мать больше любят, чем отда?; ты больше понимаешь по-болгарски, чем Надя; отец уважает его больше всех; из всех языков я лучше всех знаю болгарский).

Итак:

I. Каждый предлог обладает конкретным, присущим ему одному значением. Это значение предлога можно выявить из сопоставления всех случаев его употребления. Так, предлогу *от* в болгарском говоре села Суворова присуще значение отделительное, которое проявляется:

1) в значении исходности;

2) в значении удаления, освобождения от чего-нибудь.

II. Наиболее ярко лексическое значение предлога *от* проявляется в пространственном значении удаления от чего-нибудь, отделения от поверхности чего-нибудь, где предлог менее всего зависит от окружающей лексики.

Однако очень часты случаи, когда лексическое значение предлога в большей или меньшей степени ослаблено. Его употребление обусловлено общим смыслом предложения. Таковы случаи переносного употребления предлога *от*.

Наконец, иногда предлог совершенно теряет свое лексическое значение и становится членом неразложимого сочетания или определенной конструкции. Таковы случаи глагольного управления с предлогом *от*, а также употребление предлога *от* в пассивных конструкциях и при сравнительной и превосходной степенях.

Таким образом, по степени проявления лексического значения предлога *от* мы можем выделить следующие группы:

1) Предлог *от* в основном, наиболее независимом от окружающей лексики значении.

2) Предлог *от* в значении, в большей или меньшей степени обусловленном окружающей лексикой.

3) Предлог *от*, максимально утративший свое лексическое значение и целиком зависящий от глагола или всей конструкции.

III. Случаи предложной синонимики встречаются при переносном употреблении предлога. Это объясняется ослаблением лексического значения предлога при переносном употреблении его, что создает благоприятные условия для возможной замены его другим близким по значению предлогом.

В случаях предложной синонимики мы наблюдаем:

1) Полное совпадение значений предлога:

предлоги *от* — *из*,

предлоги *от* — *за*.

2) Различие в оттенках одного и того же значения:

предлоги *от* — *на*.

И. К. БУНИНА

**ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН
В ГОВОРЕ СЕЛА СУВОРОВА
ИЗМАИЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ УССР¹**

§ 1. Наблюдения над употреблением прошедших времен в суворовском говоре проводились на материале, собранном за время двух экспедиций 1951 и 1952 гг.

Тексты первой экспедиции, в задачу которой не входило изучение употребления прошедших времен, слабо насыщены интересующими нас формами и поэтому мало дают для уяснения поставленной темы. Однако лишь в результате этой экспедиции, явившейся своего рода предварительной разведкой, стало возможно определение круга вопросов, возникающих перед исследователем суворовского говора в связи с изучением употребления прошедших времен.

Было установлено, что в говоре употребляются следующие прошедшие времена: простые — аорист и имперфект, сложные — перфект и плюсквамперфект.

Было замечено также, что формы имперфекта и плюсквамперфекта сравнительно с другими формами встречаются редко. Так, формы имперфекта в текстах первой экспедиции были зафиксированы не более 20 раз, а формы плюсквамперфекта и того меньше.

Это наблюдение подкреплялось и непосредственными наблюдениями над говором соседнего болгарского села Таш-

¹ В настоящей статье исследуются лишь те формы прошедших времен, которые не связаны с так называемым „пересказыванием“.

Бунар, в котором участникам первой экспедиции удалось побывать проездом. За время короткого пребывания в этом селе им удалось наблюдать беседу ташбунарца и представителя суворовского говора. Они сразу обратили внимание на необычно частое в сравнении с суворовским говором употребление форм имперфекта в речи ташбунарца. Было отмечено также, что это обстоятельство нисколько не затрудняло их взаимного понимания.

Наряду с редким употреблением форм имперфекта первая экспедиция отметила широкое распространение форм аориста и высказала предположение, что в суворовском говоре формы имперфекта вытесняются формами аориста, чем и пытались объяснить их редкое употребление.

Для окончательного решения этого вопроса необходим был дополнительный материал, нужны были дополнительные специальные наблюдения не только и не столько за частотой употребления форм прошедших времен, сколько за функциональным использованием этих форм в говоре.

Задача изучения значения и употребления форм прошедших времен и была поставлена перед группой, работавшей по изучению глагола в селе во время второй экспедиции 1952 г. В группу вошло шесть человек, в том числе и автор настоящей статьи в качестве руководителя группы.

§ 2. Как известно, синтаксисом болгарских говоров диалектологи до сих пор специально не занимались. В монографических трудах, обычно ограничивающихся описанием звуков и форм, можно встретить лишь отдельные случайные замечания о значении и употреблении форм. Совершенно не разработана в связи с этим методика сбора материала при изучении синтаксиса говоров. Между тем приемы собирания материала, пригодные при изучении фонетики и морфологии говора, оказываются совершенно недостаточными при сборе материала по синтаксису частей речи. Наш опыт работы над изучением употребления форм прошедших времен в суворовском говоре показал, что изучение синтаксиса требует контекста целого предложения. Иногда исследова-

тель должен обращаться к предшествующим и последующим фразам, а иногда и к контексту высказывания в целом. Поэтому мы всегда стремились к максимальному сокращению пропусков в производимой нами записи речи. Если сплошного текста записать не удавалось, то зафиксированный отрывок мы сопровождали комментарием, раскрывающим контекст всего высказывания. Этот комментарий состоял или из пересказа своими словами того, что записывающий упустил при записи, или из пометок, рисующих обстоятельства, при которых была высказана записанная фраза или несколько фраз. Обычно диалектологи, привыкшие производить записи диалектной речи для наблюдений по фонетике и морфологии говора, недооценивают значения такого комментария. Между тем только благодаря ему записи отдельных фраз могут стать вполне пригодным материалом и при изучении синтаксиса говора.

Изучение синтаксиса говора требует специализированных наблюдений. Поэтому мы сочли целесообразным установить внутри нашей группы разделение труда и все частные вопросы темы распределили между отдельными участниками экспедиции.

Так, одни занимались наблюдениями за употреблением форм прошедших времен, образованных от глаголов несовершенного вида, другие наблюдали за этими формами, образованными от глаголов совершенного вида, а трети — за perfectum и формами прошедших времен, связанных с так называемым „пересказыванием“.

При записях каждый из нас прежде всего фиксировал материал, отвечающий потребностям своего задания, не рассеивая внимания на все остальное. Конечно, не исключалась запись и по другим вопросам, но лишь в том случае, если это не мешало выполнению основного задания.

Наблюдения за особо трудными, редко встречающимися фактами мы проводили сообща. При этом в работу, кроме основного наблюдателя, включались все остальные члены группы, которые вели наблюдения за особо трудными

случаями параллельно со сбором материала по своей основной теме.

Специфические условия болгарских сел Советского Союза, жители которых владеют обычно не только болгарским, но и русским языком, дали возможность для особо редких и трудных случаев применять метод перевода с русского на болгарский. Однако этим методом пользовались очень осторожно и только при проверке собранного материала. Все примеры, добывавшиеся путем перевода, были на особом учете. Основной материал всегда собирался путем непосредственных наблюдений.

Записи текстов, пригодных для изучения фонетики и морфологии, существенно отличаются от записи текстов, необходимых для наблюдений по синтаксису, и чисто техническими приемами.

Диалектолог, изучающий фонетику и морфологию, всегда стремится к максимально точной фиксации услышанного произношения того или иного звука или слова.

Точная запись обычно снижает темп записывания и тем самым естественно способствует не улучшению, а ухудшению качества записи, производимой в целях изучения вопросов употребления форм.

Мы пользовались упрощенной транскрипцией, так как основная наша задача состояла в том, чтобы не упустить контекст, сделать как можно меньше пропусков при фиксации диалектной речи.

§ 3. Характер предлагаемой статьи, излагающей результаты исследования, обязывает нас ознакомить читателя с теми методами, с помощью которых велось предварительное исследование, охарактеризовать тот путь, каким мы пришли к выводам, излагаемым в статье.

Задача предварительного исследования состояла в том, чтобы установить те основания, на которые опирается противопоставление форм прошедших времен, выявить те существенные признаки, которые лежат в основе разграничения этих форм в суворовском говоре.

При решении поставленной задачи мы исходили непосредственно из того материала, который давал нам говор.

Значение форм того или другого прошедшего времени, например аориста, устанавливалось нами путем рассмотрения всей совокупности примеров и выявления того общего, что объединяет эти формы и противопоставляет их другим прошедшим временам, в нашем примере: имперфекту, перфекту и плюсквамперфекту.

При установлении значения форм прошедших времен нами прежде всего учитывались видовые различия. Так, стремясь выявить значение форм аориста, мы, с одной стороны, раздельно рассматривали формы, образованные от глагольных основ несовершенного вида, и формы, образованные от глагольных основ совершенного вида; с другой стороны, рассматривая отдельно эти формы, мы постоянно сравнивали их употребление с употреблением соответствующих форм других прошедших времен, в частности формы аориста несовершенного вида сравнивали с формами имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта того же вида.

Такой двойной контроль должен был уберечь нас от возможного смешения значения глагольной основы со значением формы в целом и помочь нам выявить собственное значение форм прошедших времен.

Группируя примеры далее внутри намеченных больших разделов, мы устанавливали очевидные случаи употребления и выделяли для специального рассмотрения те, в которых значение форм прошедших времен как бы перекрещивается.

Мы имеем здесь в виду такой, например, случай, когда действие, повторявшееся в прошлом, передается в говоре то формами имперфекта, то формами аориста несовершенного вида.

Специальный анализ такого перекрестного употребления представляется нам необходимым условием при установлении функционального разграничения рассматриваемых форм потому, что именно здесь противопоставление этих форм могло быть поставлено под сомнение.

Только установление разграничения в значении и при перекрестном употреблении может дать достаточные основания для утверждения функциональной специфики каждого из прошедших времен. В противном случае мы должны будем констатировать неразличение рассматриваемых форм в говоре, что в свою очередь будет свидетельствовать об утрате их функциональной специфики.

Проводя наблюдения над случаями перекрестного употребления, мы обнаружили, что собранный материал не однороден. В записях речи одних носителей говора мы могли разграничить употребление форм прошедших времен, а в записях речи других такое разграничение оказалось невозможным. У этих же лиц была замечена путаница форм и в других случаях. Это обстоятельство заставило нас расширить круг объектов и усилить наблюдения за индивидуальной речью.

При установлении значения той или иной формы в каждом конкретном случае мы всегда исходили из контекста всего предложения. Иными словами, мы всегда стремились учесть все возникающие у глагольной формы связи с другими членами предложения: с различными обстоятельственными словами.

Это давало возможность отдать себе отчет в том, что же в значении рассматриваемой глагольной формы является ее собственным качеством, а что определяется наличием в предложении других слов, связанных с ней.

Такой подход должен был предохранить нас от субъективного толкования собственного значения анализируемых форм.

§ 4. Дальнейшее изложение материала определяется его неоднородностью, о которой говорилось выше. Статья распадается на два больших раздела: в первом рассматривается материал, записанный от носителей суворовского говора, четко различающих формы прошедших времен в употреблении; во втором исследуется материал, свидетельствующий о большей или меньшей степени смешения этих форм в речи другой части носителей этого говора.

Поскольку среди носителей суворовского говора, различающих формы прошедших времен, были обнаружены представители всех возрастных групп, а смешение этих форм наблюдается преимущественно у представителей младшего и среднего поколений жителей села Суворова, постольку, учитывая историю глагольной системы болгарского языка в целом, мы имеём, как нам представляется, достаточно оснований для того, чтобы отнести замеченные нами явления смешения форм прошедших времен к числу новых фактов, появившихся в суворовском говоре сравнительно недавно.

Чисто количественная сторона дела также свидетельствует о нешироком распространении этого явления. В нашей карточке примеров на смешение форм прошедших времен сравнительно немного. Они составляют $\frac{1}{10}$ часть от общего числа примеров — 1696¹.

О сравнительно нешироком распространении явления смешения говорят и те трудности, которые испытывали наблюдатели при сборе материала, подтверждающего это явление.

Все это свидетельствует о том, что неписаной нормой для говора в целом является не смешение форм прошедших времен, а их разграничение.

Случай смешения мы рассматриваем как отклонения от ранее существовавшей для всех, а теперь существующей для части, хотя и большей части, носителей суворовского говора системы употребления прошедших времен.

Чисто условно так же, как и термин „норма“, мы применяем к случаям смешения термин „неправильное употребление“ и термин „правильное употребление“ — к случаям, отражающим принципы разграничения форм прошедших

¹ Часть примеров, имеющихся в записях, не могла быть использована для анализа ввиду отсутствия достаточных формальных оснований для отнесения зафиксированных форм к тому или иному времени, например к аористу, а не к имперфекту, вследствие совпадения их форм во всех лицах множественного числа и в 1-м лице единственного числа у ряда глаголов. Некоторая часть форм была отброшена за недостаточностью или неясностью контекста.

времен, существующие и в настоящее время для большинства носителей суворовского говора.

В связи со всем вышесказанным в первом разделе настоящей статьи исследуются те основания, на которые опирается система употребления прошедших времен в суворовском говоре, во втором — анализируются характер смешения этих форм в говоре и причины, вызывающие их смешение.

I. ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН

1. Аорист

§ 5. Формы аориста образуются в говоре как от глагольных основ совершенного вида, так и от глагольных основ несовершенного вида. Они являются самыми употребительными и составляют $\frac{2}{3}$ всех примеров, имеющихся в нашей картотеке. Такое широкое распространение этих форм определяется прежде всего их значением.

Формами аориста в говоре обозначается прошедшее законченное конкретное действие, с чем чаще всего приходится иметь дело говорящему, когда он излагает события, относящиеся к прошлому.

Следует различать три случая употребления форм аориста:

1) для обозначения прошедшего законченного конкретного действия как свершившегося факта, представляемого говорящим с различной степенью детализации,

2) для обозначения прошедшего законченного длительного действия,

3) для обозначения прошедшего законченного действия, повторявшегося определенное число раз.

a. Аорист от глагольных основ несовершенного вида

§ 6. Формы аориста несовершенного вида представляют прошедшее законченное конкретное действие в целом в отличие от форм совершенного вида, фиксирующих это действие

в момент перехода в другое действие, при этом переход этот определяется не внешними обстоятельствами, а внутренней исчерпанностью действия.

§ 7. Для обозначения прошедшего законченного действия как свершившегося факта аорист несовершенного вида не нуждается ни в каких дополнительных грамматических средствах. Употребляемые при этом обстоятельства времени, места и т. д. определяют лишь степень детализации, с которой говорящий хочет представить это действие. Например:

Ас чéтах рýски, чéтах и бóлгарски. — Свéкару прáви тáа кáшта. Тоj двáïси и сéдим гудýни вéки умр'á — Учýхми гу в Галáц, пуртнóï. — Са ужéних за мумчé сирáчи. Мáïка му пупфóрна гу изéюни. Удýхми с нéгу да рабóтим пу брата. Си спичáлихми и сá залóихми кáшта да си прáвим... — Пу бутáника ма питá, пулúчих пет. — Идýн чул'ák дунéеси спирт. Кампрéс тургáх и са изликувах. — Плéтah сéтка фчéра. — Мáïка ми правý, ну гáту бих мáнин'ка. (Я читал русские — имеются в виду книги, — читал и болгарские. — Свекор строил этот дом. Двадцать семь лет уже, как он умер. — Учили его в Галаце на портного. — Вышла я замуж за сироту. Мачеха его прогнала. Мы ходили с ним работать по людям. Скопили денег и начали строить себе дом. — Меня по ботанике спрашивали, получила пять. — Один человек привнес спирту. Я клала компресс и вылечилась. — Я вчера плела сетку. — Мама делала мне — имеется в виду, что она делала качели, — но когда я была маленькой).

Очень часто таким „аористом факта“ начинаются повествования о каких-либо конкретных событиях, последовательно развивавшихся во времени и передаваемых формами аориста совершенного вида. Этой формой рассказчик как бы вводит слушателя в обстановку, характеризует в общем ту ситуацию, при которой с ним произошел или ему пришлось наблюдать рассказываемый случай. Например:

Рабути́к ф Смайл на жилéэна дарóга. Са слúчи тaï. Гáту ниj врав'áхми нушт'á, у нас насрéшту врав'á друг поjéзду. Устáни дéсит мéтра. Б'áхми утpr'áдни. Аэ гáту

вид'áх тфа, искришт'áх да са скáчим ут поíэду. Ниí скóкнахми и са срéшнахми идáн на друк... (Я работал в Измаиле на железной дороге. Случилось вот что. Когда мы ехали ночью, нам навстречу шел другой поезд. Осталось десять метров. Мы стояли впереди. Я, как увидел это, закричал, что нужно прыгать с поезда. Мы спрыгнули и налетели друг на друга...).

„Аорист факта“ употребляется также в зачинах с обстоятельством *как*, которые представляют собой своего рода заголовки к последующему изложению событий. Например:

Как удíжми за камáш и да лбим рýба саэ вáдичкити. Táти зе бабájkити, а пак аэ зех вáдички... (Как мы ходили и за камышом и ловить рыбу удочками. Отец взял весла, а я удочки...).

§ 8. Формы аориста несовершенного вида, поставленные в ряд, не устанавливают временной последовательности между действиями, ими обозначенными. Поэтому при простом перечислении прошедших законченных действий как фактов, между которыми или в действительности нет последовательной связи во времени, или эта последовательность для говорящего не важна, употребляются формы аориста несовершенного вида.

Часто аорист несовершенного вида употребляется в автобиографиях, когда рассказчик хочет сообщить лишь отдельные наиболее важные факты из своей жизни, не останавливаясь на подробностях, их связывающих. Например:

В áрмиáта удíх ф дивицóт пárвата гудíна... Служíх дв'á гудíни... Идна гудíна бих ф строí. Сéтни пудíр тва идна гудíна бих ф канцил'áриí(а)та. Гáту б'áх ф строí са учíх да рабóта на тилигráфнио аппарáт. Кату^пупстуپíх ф канцил'áриí(а)та раþутýх на пýшишта маши́нка. Дивицóт трéтата гудíна са увóлних ут слúжбата си дудéх дóма. (В армию ходил в девятьсот первом году. Служил два года... Один год был в строю. Потом после этого один год был в канцелярии. Когда был в строю, учился работать на телеграфном аппарате. Когда поступил

в канцелярию, работал на пишущей машинке. В девятьсот третьем году уволился со службы, пришел домой).

В этом отрывке аорист совершенного вида употребляется только в двух последних фразах.

Пока речь шла об отдельных фактах, рассказчик употреблял аорист несовершенного вида, что давало ему возможность возвращаться к фактам, уже однажды названным. Так, например, о том, что он в строевой части учился работать на телеграфном аппарате, он сообщил уже после того, как рассказал о том, сколько времени он прослужил не только в строю в своей части, но и в канцелярии, хотя служил он в канцелярии позже.

Когда же надо было сообщить о фактах, причинно связанных, следовавших непосредственно один за другим, рассказчик употребил аорист совершенного вида. Действие, обозначенное им формой *дудéх*, действительно могло произойти только после действия, обозначенного формой *са увóлних*, то есть он мог вернуться лишь после того и в результате того, что он уволился из армии.

Еще примеры:

Гáту б'áших ф Смайл там глидáх пámитник Сувóрува и там удíх на цéнtru. Там юбаф цéнtru ѹма. И спах ас у нáсти рудníни. (Когда я была в Измаиле, то видела там памятник Суворову. Там я ходила в центр. Там красивый центр. Ночевала я у наших родственников).

Тáа гудýна аз б'áх пианéрважáтаа ф п'áтиу клас... На збóру эвинá чéтакми „Пианéрска прáвда“, разбíрахми стáтии ф тáа „Прáвда“, книги чéтакмп, игрáхми на рáэни йгri, квáту т'áа искаа. (В этом году я была пионервожатой в пятом классе... На соборе звена мы читали „Пионерскую правду“, разбирали статьи из „Правды“, читали книги, играли в разные игры, в какие они хотели).

Сигá да ви расkáжа как ниð rán'ши жив'áхми. У нас имá бугáти óра и на т'áх рабутíа бéдни óра... Нáсти камсамóл'ци вéа путpóлна рабóта. Нáсти баштí купáа дúpkити и рабутíа на наí тéшкa рабóта. (Сейчас расскажу

вам, как мы раньше жили. У нас были богатые, и на них работали бедные... Наши комсомольцы вели подпольную работу. Наши родители копали ямы и работали на самой тяжелой работе).

Чтобы установить последовательную связь между действиями, обозначаемыми формами аориста несовершенного вида, говорящий вынужден прибегать к специальному обозначению последовательности при помощи других слов (*сётни, пудир тва* и т. п.). Например:

На збору атр'áда имáхми тéма „Т'áа б'áа тóжи пианéри“. На тóо збор атр'áда пианéрити прáвиа дуклáди. Сётни пудíр дуклáди т'áа қаввáа пуїэй за т'áа жи гирóи, п'áа п'áсни. (На сбore отряда у нас была тема „Они тоже были пионерами“. На этом сбore отряда пионеры делали доклады. Потом после докладов они говорили стихотворения о тех же героях, пели песни).

§ 9. Длительное действие аорист несовершенного вида сам по себе не обозначает. Эта его возможность проявляется лишь тогда, когда длительность действия дополнительно выражается или лексически или синтаксически.

Очень часто при аористе несовершенного вида, обозначающем длительное действие, находим обстоятельства времени, указывающие на границы длительности (*у'áл ден, дв'áа гудáни* и т. д.). Например:

...и гу испráтиа фав гбрат... Там сид'á два м'áсица... (...и его отослали в город... Там он прожил два месяца...).

... Сётни сýчкити си утýдаа пу учáскити. Ниј кубáхми у'áл ден памýку и утýдахми да јадéм. Станáхми и пак начéнахми да кýбами. Рабутýхми дéту са мрákва и сётни си дудéхми. (Потом мы все разошлись по участкам. Мы целый день собирали хлопок и пошли поесть. Встали и опять начали собирать. Работали, пока не стемнело, и потом пришли домой).

§ 10. При отсутствии соответствующих обстоятельств времени аорист несовершенного вида может обозначать длительное действие в следующих случаях:

1) Когда за ним следует или ему предшествует временная форма, образованная от глагола совершенного вида, относящегося к той же словообразовательной цепи. Например:

Фчёра в'া�хми на тóку зráну, жýту. Гу удв'াখми и утýдахми да рабутим на дру́га рабута. (Вчера мы веяли на току зерно, пшеницу. Отвяли его и пошли на другую работу).

Если первое предложение изолировать от второго и прочесть его отдельно, то представление о длительном действии пропадает. Следовательно, оно создается лишь благодаря сочетанию аориста несовершенного вида (*в'া�хми*) с формой аориста совершенного вида (*удв'াখми*), которая фиксирует завершение действия, обозначенного формой аориста несовершенного вида, и тем самым определяет конечный предел длительности этого действия.

2) Границы длительного действия, обозначаемого формами аориста несовершенного вида, могут быть выражены и с помощью сочетания соответствующей временной формы глаголов *начать* или *кончить* и инфинитивной конструкции того же глагола, стоящего в форме аориста несовершенного вида. Например:

Тýка начéнаами да тéглим на бабáкити. Тигл'áами и утýдаами вéчи на сирдáта г'óлу... (Тут начали мы грести. Гребли и выехали на середину лимана...).

Словосочетание *начéнаами да тéглим* фиксирует начало действия, обозначенного формой *тигл'áами*. Конечная граница этого действия определяется формой аориста совершенного вида *утýдаами*, хотя она образована от глагола, входящего в состав иной словообразовательной цепи и семантически, естественно, не связанного с глаголом *теглям*. Это возможно только вследствие того, что глаголы *теглям* и *утидам* в данном примере обозначают действия, связанные времененной последовательностью.

В том случае, когда форма аориста совершенного вида хотя и стоит формально в предложении за формой аориста несовершенного вида, но не обозначает действия, непосред-

ственно следующего вслед за действием, выраженным формой несовершенного вида, представления о длительности не создается. Например: *Фчёра удых на винната бригада jáдах грэзи. Бригадыру ми набра зр'альу грэзи — зайдир.* (Вчера я ходила в винокуренную бригаду, ела виноград. Бригадир мне набрал спелого винограда — зайбер).

Между действиями, обозначенными формами *jáдах* и *набра*, нет последовательной связи. Действие *набра* фактически не следует за действием *jáдах*, оно лишь конкретизирует, раскрывает одну деталь. Благодаря отсутствию последовательной связи действие *набра* не может служить временной границей для действия *jáдах*. Вследствие этого и не возникает представления о длительном действии.

§ 11. Форма аориста несовершенного вида обозначает длительное действие и при условии, если она, будучи образована от одного и того же глагола, повторяется дважды непосредственно одна вслед за другой. Например: *Чукáхми, чукáхми и никак нимбим да са дучуками.* (Стучали, стучали и никак не можем достучаться).

§ 12. Длительность действия, выраженного аористом несовершенного вида, может быть обозначена очень приблизительно, например, с помощью наречий *малку*, *млóгу* и др. Это обычно бывает в том случае, если говорящий воспроизводит давно прошедшие события, плохо сохранившиеся в его памяти, или в том случае, если точное определение длительности действия не представляется ему существенным. Естественно, что характер действия от этого не меняется, оно остается попрежнему конкретным законченным действием, ограниченным во времени (см. § 37).

§ 13. Аорист несовершенного вида может употребляться и для обозначения действия, повторявшегося определенное количество раз. Однако повторяемость, как и длительность, при этом должна быть специально обозначена лексическими средствами. Особых синтаксических конструкций, способных передавать повторяемость без участия соответствующих лексических средств, не обнаружено.

Аорист несовершенного вида может представлять повторяющееся действие целиком, но может фиксировать его и в один из актов повторения. Например:

1. *Гáту дудé л'áтути ас сас утр'áду удíх да эбíрам клáсу.* Удíх сас т'äх три пáт'a. (Когда пришло лето, то я ходила с отрядом собирать колос. Ходила с ними три раза).

2. *И сéтни фтóриу пат'гу купáхми.* (И потом второй раз его окапывали — речь идет о хлопке).

Аорист несовершенного вида может употребляться и для обозначения периодически повторявшегося действия. Например:

Эдавáхми арифмéтика. Удíхми на кунсул'тáциа два пáт'a фав дин'ö. (Мы сдавали арифметику. Мы ходили на консультацию два раза в день).

Повторяемость может быть обозначена приблизительно с помощью неопределенных местоименных наречий. Например: *Пак н'áкулку пáти удíхми.* (Опять несколько раз ходили — имеется в виду на прополку хлопка).

Но от этого характер повторяющегося действия, обозначенного аористом несовершенного вида, не меняется. Всегда это будет конкретное законченное действие, которое повторялось определенное количество раз. Приблизительное обозначение числа актов повторения связано не с характером действия, а с тем, что говорящий, рассказывая о давно минувших событиях, мог забыть, сколько именно раз повторялось упоминаемое им действие, или с тем, что точное обозначение актов повторения представляется ему несущественной деталью.

6. Аорист от глагольных основ совершенного вида

§ 14. Формы аориста от глаголов совершенного вида указывают на внутреннюю завершенность прошедшего законченного конкретного действия. В отличие от аориста несовершенного вида аорист совершенного вида представляет это действие со стороны его перехода в другое действие. И если формы аориста несовершенного вида фиксируют

внимание на действии в целом, то формы аориста совершенного вида сосредоточивают внимание на моменте начала или завершения действия.

§ 15. При обозначении прошедшего законченного действия как свершившегося факта формы аориста несовершенного вида, представляя действие в целом, подчеркивают качественную определенность этого действия, а формы аориста совершенного вида указывают на его внутреннюю завершенность, на результативность действия. Ср., например, употребление форм аориста совершенного и несовершенного видов в следующем отрывке, взятом из диалога: *Ўбау тёмничку за с'акуї идін пат да ублічёш... Т'a правý, направý и на мёни... Нусіх и ни скóру гу скасáх.* (Хорошее темненькое, всегда можно одеть... Она делала и мне сделала... Я носила и не скоро его порвала).

В этом отрывке речь идет о том, что у рассказывавшей женщины была знакомая, которая вообще шила, то есть умела шить, и которая и ей что-то сшила. Обратим внимание на формы *правý* и *направý*. В первом случае форма *правý* констатирует тот факт, что знакомая умела делать именно платья, а не что-нибудь иное, то есть внимание собеседника направляется на качество действия; во втором случае форма *направý* констатирует факт завершения конкретного действия, то есть что знакомая закончила делать платье и его можно надевать.

Еще пример. *Гáту б'áших ф Каshлýца тáти там правý нивóт. Кат направý тóбо нивóт, т'еїа рибали́ꙗ и десит килугрám рýба налóвна.* (Когда я была в Кашлице, отец там делал невод. Когда он сделал этот невод, они рыбачили и поймали десять килограммов рыбы).

В первом случае рассказчик употребляет форму несовершенного вида *правý*, потому что ему важно здесь указать, что именно делал отец и когда он это делал; при этом его совсем не интересует, было ли завершено это действие. В следующей фразе от завершения действия придаточного предложения зависит совершение действия главного предложения

(рибали́да). Поэтому внимание говорящего сосредоточивается на завершении действия, чему и соответствует употребленная им форма совершенного вида (*направи*).

§ 16. То обстоятельство, что аорист совершенного вида представляет действие в переломный момент, в момент перехода к другому действию, дает возможность с помощью этих форм передавать ряд прошедших действий, последовательно развивавшихся во времени. При этом в отличие от форм аориста несовершенного вида формы аориста совершенного вида не нуждаются в дополнительном лексическом выражении временной последовательности прошедших действий. Они сами, будучи непосредственно поставлены в ряд, способны передавать эту последовательность. Например: *Ас нéска станáх и са убл'áках и прибрáх фаф кáшти. Сéтни ас пусид'áх мálку и утýдах на г'óлу. Там ини́ бра лóв'aa рýба и ас си зех три рýби и сéтника упráх и са укáпах и си дудéх.* (Я сегодня встала, оделась, прибрала в доме. Потом я посидела немного и пошла на лиман. Там одни люди ловили рыбу, я взяла себе три рыбки, затем я выстирала, выкупалась и пришла домой).

В этом отрывке рассказчица для обозначения ряда последовательных прошедших действий использует то только одни формы аориста совершенного вида (см. формы *станáх*, *са убл'áках*, *прибрáх*), то эти формы в сочетании с наречием времени *сéтника* (см. формы *упráх*, *са укáпах*, *си дудéх*); при этом временная последовательность прошедших действий совершенно очевидна как в том, так и в другом случае.

Заметим, что прошедшее действие, не связанное временем последовательностью с прошедшими действиями основной нити рассказа, она передает формой аориста несовершенного вида (форма *лóв'aa*).

§ 17. Длительное законченное действие могут обозначать формы аориста совершенного вида, образованные лишь от особых глаголов — от так называемых „глаголов полного охвата действия“ — типа *проживя*, *прочета* и т. д.

В отличие от форм аориста несовершенного вида формы аориста от этих глаголов концентрируют внимание не столько на самом процессе, сколько на его завершении. Например: *Ф* сурукувáта гудýна, гáту дудé савéцката влас, сфурми-
рувáхми калхóс. Пурабóтихми ду жéтва. Кату са начéна
вүїнá, са дýгнахми сас симéжту ф Украйната. (В сороковом году, когда пришла советская власть, мы сформировали колхоз. Поработали до жатвы. Как началась война, мы двинулись с семьей на Украину).

§ 18. Так же как и формы аориста несовершенного вида, формы аориста совершенного вида могут обозначать прошедшее законченное действие, совершившееся определенное количество раз. При этом как будто бы имеется следующее разграничение этих форм в данном случае. Формами аориста совершенного вида обычно обозначают повторявшееся действие тогда, когда точно определяют отрезок времени, в течение которого оно повторялось. Например: *За три гудýни дв'á пáти са укáпах на г'óлу.* (За три года я два раза выкупалась в лимане). Однако малочисленность примеров не позволяет утверждать это категорически.

2. Имперфект

§ 19. Формы имперфекта в говоре образуются преимущественно от глагольных основ несовершенного вида. Имперфект от глаголов совершенного вида зафиксирован лишь три раза.

§ 20. Формами имперфекта несовершенного вида обозначается прошедшее длительное действие, ограниченное в процессе протекания лишь моментом высказывания.

Действие, обозначаемое формами имперфекта, так же как и действие, передаваемое формами аориста несовершенного вида, всегда относится говорящим к прошлому. Это есть действие, которое происходило до момента высказывания, началось до момента, фиксируемого говорящим.

Это действие интересует говорящего лишь со стороны его протекания, причем временная характеристика длительности действия отходит на задний план. Вследствие этого действие, обозначаемое формами имперфекта, можно характеризовать временной неопределенностью, которая состоит в том, что оно не ограничивается никакими временными пределами. Начало и конец этого действия всегда будут за пределами любого фиксируемого говорящим момента или отрезка времени в прошлом.

Заметим, что именно поэтому оно и может быть представлено как процесс, как действие, длившееся в момент, о котором ведет речь говорящий.

Следует различать следующие случаи употребления имперфекта:

- 1) для обозначения прошедшего действия, фиксируемого в один из моментов его совершения;
- 2) для обозначения прошедшего действия, протекавшего одновременно с другим действием;
- 3) для обозначения прошедшего, постоянно повторявшегося действия;
- 4) для обозначения „обобщенного“ действия.

§ 21. Имперфект может употребляться для обозначения конкретного прошедшего действия, фиксируемого лишь в один из моментов его совершения. Например: *Маш́ина йдиши уттам долу.* (Машина шла оттуда вниз).

Здесь речь идет о совершенно конкретном факте. Эта фраза была зафиксирована при следующих обстоятельствах.

Двое из членов экспедиции, занимавшихся изучением глагола, шли по улице с одним из жителей села Суворова и увидели вдалеке машину, которая некоторое время была им видна, но потом быстро свернула за угол.

Приведенная фраза была произнесена непосредственно после того, как машина скрылась из виду говорящего. Употребляя форму имперфекта, говорящий хотел подчеркнуть, что в тот момент, когда он заметил машину, она не стояла, а двигалась.

Совершенно очевидно, что машина тронулась с места и поехала до того, как ее увидел говорящий, и остановилась уже после того, как он ее видел, то есть начало и конец действия находятся за пределами этого момента. Именно поэтому он и избрал здесь из всех прошедших времен форму имперфекта.

Таким образом, в отличие от форм аориста несовершенного вида, представляющих прошедшее конкретное длительное действие в целом, формы имперфекта фиксируют это действие лишь в один из моментов его совершения.

Обычно такого рода действие характеризуется, как „не законченное в момент, о котором идет речь“¹. Эта формулировка является односторонней. Она недостаточно выразительно передает характер действия. Ведь это, как мы видели, действие не только незаконченное, но и не начатое, в том смысле, что начало его лежит за пределами обозначенного момента. Поэтому представляется более правильным характеризовать его, как „дляющееся“, „совершающееся“, в момент, о котором ведет речь говорящий.

Еще пример.

Сидят на улице женщины. Мимо них идет машина, на которой едут девушки. Кто-то из женщин видит это и говорит: *Иноту дёту сид'áши* (*чи глéда надзáт*) у *Марýнчуви сидí на квартира.*² (Одна — имеется в виду одна из девушек, ехавших на машине, — которая сидела и смотрела назад, живет на квартире у Мариной).

Более точный перевод формы *сид'áши*: „продолжала сидеть“, то есть девушка села до того, как женщина увидела ее сидящей.

Таким образом, и здесь мы имеем „дляющееся“ действие, начало и конец которого находятся за пределами его фиксации.

¹ Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944.

² В скобки взяты слова, которые не были рассышаны при записи и были восстановлены позже по указанию другой женщины.

§ 22. Момент, в который наблюдается „дляющееся“ действие, передаваемое имперфектом, редко обозначается лексическими средствами (специальными словами), а если и обозначается с их помощью, то обычно весьма неопределенно, например, при помощи наречия *түгáва* (тогда) и т. п., вследствие чего всегда требуется дополнительный комментарий. Воспринимающий речь черпает этот комментарий или из общей ситуации высказывания, как это было в вышеразобранном примере, или из контекста предыдущих, одной или нескольких, фраз. Например, одна женщина так рассказывала о том, как она, оставшись вдовой, вышла второй раз замуж за человека, который тоже потерял жену: *Б'äх дв'ä гудíни дувýца... Фтöриö ми маш... тринаäси гудíни жув'äл саз дрúга жинá... т'a умр'ä... Мажó ми устáна самýчак. Ас рабóтих на машината...* (Я два года была вдовой... Второй муж мой... тринадцать лет жил с другой женой... он умерла... Муж остался один. А я в то время работала на мельнице...).

Здесь представление о моменте совершения действия *рабóтих* складывается из контекста двух предшествующих предложений, в которых в форме аориста совершенного вида констатируются факты, определяющие этот момент, — то есть в то время, как у него умерла жена и он остался один, она работала.

В сложно-сочиненном предложении имперфект может обозначать „дляющееся“ действие лишь в качестве сказуемого второй части. Первая, как предшествующая, определяет момент совершения действия второй. Например: *Ран'ши тај б'äши. Мóю баштá и на Нáд'a баштá са срёшнаа ф крачмата и моёю баштá кáзвashi на нéгувио баштá...* (Раньше было так. Мой отец и надин отец встретились в корчме, мой отец и говорит... — Дальше рассказывается о том, как происходило сватовство).

Первое предложение, содержащее в качестве сказуемого форму аориста совершенного вида, определяет здесь момент, в который фиксируется действие сказуемого второго пред-

ложении, выраженного формой *кáзвashi*, — то есть мой отец говорил в тот момент, когда он встретился с надиным отцом.

В сложно-подчиненном предложении с придаточным времени имперфект может обозначать „дляющееся“ действие лишь в качестве сказуемого главного предложения, которому подчинено придаточное времени. Например:

Идýн ден инжинéру минá прис тунéлу. Кату[~]изл'áна ут тунéлу как рас са[~] прásкаши динамítу. То застáна пудíр бригó. Кату[~]са[~] прásна идýн кáман и иднá акóлка утýди кадý нéгу... Кату утýдаами да гу дýгами тоj бýши кату умр'áл, садé инá жýлка у нéгу мрáдаши. (Однажды инженер проходил через туннель. Именно в тот момент, когда он выходил из туннеля, разлетелись куски земли от взрыва динамита. Он встал за скалу. Как взлетел один камень, так один осколок отлетел к нему... — Далее рассказывается о том, что осколокшиб инженера, и тот полетел головой вниз. — ...Когда мы пошли поднимать его, он лежал, как мертвый, только одна жилка у него билась).

Заметим, что и здесь сказуемое придаточного предложения, определяющего момент фиксации действия главного предложения, выражается формой аориста совершенного вида (см. формы *изл'áна*, *прásна*).

§ 23. Формы имперфекта употребляются в говоре и для обозначения „одновременного“ действия, которое является тоже прошедшим конкретным действием. Оно представляет собой такое прошедшее длительное действие, которое также в отличие от действия, обозначаемого формами аориста несовершенного вида, берется говорящим не в целом, а фиксируется лишь на протяжении одного из отрезков времени его совершения.

Следует различать два вида „одновременного“ действия:

а) „Сопутствующее“ действие, то есть такое, которое представляется говорящему как второстепенное по сравнению с другим, одновременно с ним развивающимся. Например: *Гáту аэ утáд'äх ф Хирсоn и фаf поизду сид'ä сас мéни идýн агитáтур дéту утáд'äши да прáви дуклáди фаf кал-*

хóзити хирсбóнската óблас. (Когда я ехала в Херсон, в поезде со мной сидел один агитатор, который ехал читать лекции в колхозах Херсонской области).

β) „Параллельное“ действие, которое предполагает одновременное развитие на равных правах двух действий, так сказать, взаимосопутствующих. Например: *Тéмну бíши кату бдих ф калхóзу.* (Было темно, когда я ходил в колхоз).

Имперфект одновременного действия представляет собой один из случаев имперфекта „длящегося“ действия. Он также характеризуется временной неопределенностью. Это тоже „дляющееся“ действие, но „дляющееся“ параллельно другому прошедшему действию, при этом начальная и конечная точки этого действия всегда остаются вне поля зрения говорящего.

Рассмотрим каждый из указанных видов „одновременного“ действия со стороны их временной характеристики.

§ 24. „Сопутствующее“ действие, с этой точки зрения, представляет собой такое одновременное действие, которое началось раньше и окончилось позже другого, развивавшегося с ним одновременно известный период времени. При этом действие „сопутствуемое“, на котором сосредоточивается внимание говорящего, исчерпывается фиксируемым отрезком времени и обозначается формами аориста несовершенного вида. Ср. в первом примере формы *утáд'áши* и *сид'á*. Действие, обозначенное первой формой, началось раньше действия, обозначенного второй, и закончилось позже него.

Графически „сопутствующее“ и „сопутствуемое“ действия можно было бы представить в виде двух параллельных отрезков (сплошная линия), один из которых может быть продолжен и в ту и в другую сторону (пунктир), а другой нет:

„Параллельное“ действие — это такое „одновременное“ действие, которое в момент, фиксируемый говорящим, протекало параллельно другому действию или ряду действий; при этом

начало и конец того и другого действия лежат за пределами этого момента.

„Параллельные“ действия можно было бы изобразить графически в виде двух параллельных отрезков (сплошная линия), каждый из которых может быть продолжен (пунктиром) и в ту и в другую сторону:

§ 25. Каждый из названных выше видов „одновременного“ действия характеризуется особой синтаксической конструкцией. Так, „сопутствующее“ действие обычно реализуется в сложном предложении. При этом в сложно-сочиненном предложении имперфект может обозначать „сопутствующее“ действие только в качестве сказуемого первой части, а в сложно-подчиненном — только в качестве сказуемого придаточного предложения. Например:

1. *Hýða se игрá(а)ми у бáбини и тáти дудé и ма извíка.* (Мы всё играли у бабушки, пришел отец и позвал меня).
2. *T'ë дудé гáту са кáпих.* (Она пришла в то время, когда я купалась).

Заметим, что сказуемое второй части сложно-сочиненного предложения, а равно и сказуемое главного предложения при сложно-подчиненной конструкции не могут быть выражены имперфектом: обычно они передаются в формах аориста. В противном случае имперфект в придаточном и в первой части сложно-сочиненного будет обозначать уже не „сопутствующее“, а „параллельное“ действие, что мы и имеем в следующем примере:

Күгáту тоj си утáдиши вéчи заíдўваши слáнци. (Когда он уходил, солнце уже садилось).

Параллельное действие может реализоваться и в простом предложении, но лишь при наличии цепи простых предложений (не менее двух), сказуемые которых все выражены формами имперфекта. См. выше пример, приведенный в § 24.

§ 26. Так же как и аорист несовершенного вида, имперфект может употребляться для обозначения повторявшегося

действия, но такого, которое повторялось постоянно и потому стало обычным, вошло в привычку. Например: *Ас сама бдих у лёлини за карпúзи. — То̄ дувáдиши да слúша ráдиу: то̄ фл'áни и слúша.* (Я обычно сама ходила к тетке за дынями. — Он повадился ходить слушать радио: войдет и слушает).

В отличие от аориста несовершенного вида имперфект обозначает не конкретное повторявшееся действие, а обобщенное. Обстоятельства времени и образа действия, при нем употребляемые, носят именно обобщенный характер (*ката ден, се и т. п.*). Например: *Ката ден бдихми с Марýна на урó. — Тíца се двáма свíриа...* — *Ас сíчку пудробну нóмир за нóмирчitu чит'áх* (Каждый день ходили с Мариной на танцы; они постоянно вместе играли... — Имеется в виду какой-то музыкальный инструмент. — Я все подробно номер за номером читал).

Для имперфекта постоянно повторяющегося действия характерна временная неопределенность, которая наблюдается и при употреблении этой формы в других функциях. Эта неопределенность особенно наглядно выступает тогда, когда имперфектом обозначается такое действие, повторяемость которого зависит от совершения другого действия. Например:

А Фанчи иднó чит'áши кату нам'áри книшка. — Грéту ту звино — кату уставá бдихми на г'óлу на иску́рсия. А Фанчи, как, бывало, найдет книжку, только и знает — читает. — Каждый раз, как третье звено оставалось, мы ходили на лиман на экскурсию).

§ 27. Постоянно повторяющееся действие именно в силу своего „постоянства“ может служить признаком предмета (лица, эпохи и т. д.), с помощью которого его можно отличать от других предметов (лиц, эпох и т. д.). Например:

В наши́о клас имá мумýчинци куðáту се ривéши. — Т'á е бóлна на почки: т'á ѹидéши сулéну чудну. (В нашем классе была девочка, которая все плакала. Она — имеется в виду невестка — болеет почками: она ела все страшно соленое).

Смысл формы *ѹидéши* такой: она любила есть и постоянно ела. Именно поэтому-то она и заболела.

Здесь мы имеем дело с иной степенью обобщения, качественно отличной. Дело в том, что по мере расширения основы, на которой происходит обобщение, элемент повторяемости исчезает и на первый план выступает типичность действия. Например:

Фав вујéнту вр'áми сап'брити ф боj ни бдиа. (В военное время саперы в бой не ходили, — имеется в виду рукопашный бой).

Здесь мы имеем дело с действием, которое повторялось неоднократно и совершалось не одним человеком, а многими людьми, и которое в силу этого стало типичным, характерным, так что может быть использовано в качестве отличительного признака данной группы лиц.

В формах имперфекта, образованных от глаголов, лексическое значение которых связано не столько с понятием действия, сколько с понятием качества, элемент повторяемости совершенно исчезает. Например:

Тоj убýчаши вýну, пйдши млóгу. — Тоj ўбау знаíши да вýка звирувéти. (Он любил вино, пил обычно много. Он хорошо умел подзывать зверей, — то есть знал их язык).

Такого рода действие мы называем „обобщенным“ действием, а имперфект, обозначающий такое действие, — имперфектом „обобщенного факта“.

Такой имперфект часто используется при описании режима старого времени. Например:

Рáн'ши капиталисты садé са ўчиа. Ас самá сам чéтири клáса гráмутна... Сигáна бис парíй са изўчват. Ту-гáва парíй млóгу тр'áбвashi... (Раньше капиталисты только учились. Я сама только четыре класса прошла... Теперь без денег обучаются. Тогда же много денег требовалось...).

Имперфект „обобщенного факта“ можно встретить и в описаниях обычав старого времени. Например:

Ино вр'áми п'áдми, са п'áїши. Сигá сид'áнки н'áма. Тýjá п'áсни ни вравáт. (Было время, пели мы, пели бывало — имеются в виду старинные песни. — Теперь посиделок нет, и эти песни не подходят).

3. Перфект

§ 28. Для удобства изложения мы рассматриваем употребление форм перфекта сначала в повествовательных предложениях, потом в вопросительных и отрицательных предложениях.

Нагляднее значение форм перфекта выявляется при употреблении их в повествовательных предложениях.

a. Формы перфекта в повествовательных предложениях

§ 29. Формы перфекта по своему значению резко противостоят формам имперфекта и во многом сближаются с формами аориста.

В отличие от имперфекта они всегда обозначают прошедшее законченное действие, то есть такое же по своему существу действие, которое передается с помощью форм аориста.

Правда, действие, обозначаемое формами перфекта, в отличие от действия, обозначаемого формами аориста, может быть конкретным и не конкретным, но „неконкретность“ этого действия, как увидим дальше, иного порядка, чем „неконкретность“ действия, обозначаемого формами имперфекта.

Различие между формами перфекта и аориста касается не столько самого действия, сколько внешних обстоятельств. В одном случае прошедшее законченное действие оказывается в силу тех или иных причин актуальным для момента высказывания, в другом — оно ничем с ним не связано.

Действие, актуальное для момента высказывания, передается формами перфекта. Поскольку действие, передаваемое формами перфекта, не отличается по существу от действия, передаваемого формами аориста, постольку разграничение форм перфекта несовершенного и совершенного видов покоится на тех же началах, что и разграничение соответствующих форм аориста: формы перфекта несовершенного вида представляют прошедшее „актуальное“ действие в целом, а формы

перфекта совершенного вида фиксируют внимание на переломном моменте, на завершенности этого действия.

§ 30. Формы перфекта совершенного вида встречаются чаще, чем формы перфекта несовершенного вида. Это объясняется тем, что актуальное для момента речи действие является прежде всего завершенным действием. В самом деле, актуальным прошедшее действие может быть лишь в том случае, если в момент высказывания налицо следствие, результат, след этого действия. Чаще всего результат дает внутренне завершенное действие, а результативная завершенность, как мы уже видели (см. § 15), передается глагольными основами совершенного вида. Вот почему чаще в речи встречаются формы перфекта, образованные от глаголов совершенного вида, а не от глаголов несовершенного вида.

§ 31. Следует различать два случая употребления форм перфекта: 1) для обозначения „реального“ прошедшего конкретного законченного действия, актуального для момента высказывания; 2) для обозначения предполагаемого прошедшего действия, о котором говорящий судит по имеющемуся в момент высказывания результату этого действия.

а) Формы перфекта, обозначающие „реальное“ действие

§ 32. В нашей картотеке имеются примеры форм перфекта, представляющих прошедшее актуальное действие как совершившийся факт, но нет совершенно примеров, в которых формы перфекта употреблялись бы для обозначения длительного или повторяющегося действия.

Этот факт показателен. Он, конечно, ни в коей мере не говорит о невозможности такого употребления форм перфекта, но свидетельствует, очевидно, о сравнительно редком употреблении этих форм в значении длительного и повторяющегося действия.

Такое редкое употребление форм перфекта для обозначения длительного и повторяющегося действия объясняется тем, что обычно при обозначении актуального действия внимание говорящего сосредоточивается не столько на самом

действии, сколько на его результате, поэтому его удовлетворяет констатация прошедшего результативного действия в виде „совершившегося факта“.

§ 33. Формы перфекта, образованные от глаголов несовершенного вида, представляют прошедшее результативное действие в целом. Например: ...**вид'áла** в Каракурт в силь-савéт и сигá помн'a. (...видела в Каракурте в сельсовете и сейчас помню).

Эта фраза была сказана одной женщиной о человеке, которого она когда-то однажды видела и, встретив его на улице в Суворове, в момент, о котором идет речь, признала его.

Б'áлу сýнку штóту ни^јé удíлу пу слéнциту. (Сынок весь белый, потому что не ходил по солнцу).

И в том, и другом примере формы перфекта представляют прошедшее конкретное законченное действие как факт. В отличие от такого рода действий, обозначаемых аористом, они обозначают здесь прошедшие действия, актуальные для момента высказывания. Это совершенно очевидно в первом примере. Ясно, что сказавшая эту фразу могла вспомнить и узнать встретившегося ей человека только потому, что она когда-то его видела. Актуальность действия, обозначенного перфектом, во втором примере также не вызывает сомнений. Здесь факт, констатируемый в момент высказывания, является несомненным следствием действия, обозначенного перфектом.

§ 34. В отличие от форм перфекта несовершенного вида, формы перфекта совершенного вида сосредоточивают внимание на завершенности актуального действия. Например: *Грóэди уэр'áлу, вéчи мбíши да ѹидéш.* — *Идáн чул'áк си из-гúбил дитéту фав вүднáта и бdi ут сéлу на сéлу да гу трапси.* (Виноград созрел, уже можно есть. — Один человек потерял во время войны своего ребенка и ходит из села в село и ищет его).

В обоих примерах формы перфекта обозначают, во-первых, конкретное, во-вторых, результативное прошедшее завершенное действие. Действительно, и в том и другом примере

то, что констатируется во второй части предложений, является непосредственным следствием того, что констатируется в их первой части.

б) Формы перфекта, обозначающие предполагаемое действие

§ 35. Характером перфекта определяется возможность употребления его форм для обозначения таких прошедших действий, совершение которых говорящий может только предполагать. Дело в том, что предполагать о совершении какого-либо действия можно на основании каких-то данных, имеющихся в настоящем. Эти данные должны быть не чем иным, как результатом, следствием этого предполагаемого действия. Таким образом, предполагаемое действие есть прошедшее действие, актуальное для настоящего, т. е. для момента высказывания. Именно поэтому оно и передается с помощью форм перфекта.

В отличие от рассмотренного выше случая перфектом обозначается такое актуальное действие, о котором судят лишь по признакам его совершения, имеющимся налицо в момент высказывания.

Однако предполагаемое действие всегда представляется говорящим как реальное действие, наделенное всеми свойствами конкретного прошедшего законченного действия. Поэтому для обозначения предполагаемого действия могут употребляться, как и во всех прочих случаях, формы перфекта и от глаголов совершенного и от глаголов несовершенного видов. При этом разграничение этих форм идет по тем же принципам, что и при обозначении формами перфекта „реального“ или конкретного актуального действия, то есть как в формах аориста.

Например, сидит на улице старик, видит колхозников, возвращающихся с поля, и говорит: *Днёска работили, идат ут рабута.* (Сегодня работали, идут с работы).

Здесь форма *работили* обозначает предполагаемое действие, потому что старик судит о нем лишь на основании известных наблюдений, на основании того, что колхозники шли

с поля, а не на поле, что они были одеты в будничную, а не в праздничную одежду, что они несли в руках вилы, грабли и т. д. Предполагаемое действие стариk, употребляя форму перфекта от глагола несовершенного вида, передает в самом общем виде, в целом, не фиксируя внимания на завершении действия, о чем судить у него еще меньше оснований, чем о том, что это действие вообще совершилось.

§ 36. Формы перфекта совершенного вида употребляются для обозначения предполагаемого действия, когда налицо не только признаки совершения действия, но и завершения этого действия. Например, наша хозяйка, проснувшись утром и увидев, что часы, которые ходили, когда она ложилась спать, стоят, сказала: *Часы станали*. (Часы остановились).

Форма *станали* указывает здесь на предполагаемое действие, потому что хозяйка заключила о совершившемся действии лишь на основании наличествовавшего результата: часы не ходят — значит, они остановились.

Еще пример. Сидят на улице женщины и разговаривают о том, что одна из их соседок почему-то не пришла. Одна из них и говорит: *Тр'аа си лéгнала да спи*. (Наверно, легла спать). Здесь форма *си лéгнала* также совершенно очевидно указывает на предполагаемое действие. Предположительный характер этого действия подчеркивается и вводным словом *тр'аа* (наверно).

§ 37. Предполагаемое действие есть всегда лишь известное приближение к реально совершившемуся действию. Чем очевиднее и полнее результаты, чем конкретнее признаки, следы, оставленные прошедшим действием, тем с большей степенью приближения можно восстановить его и тем больше будет уверенности в правильности произведенной реконструкции. Однако доля неуверенности, приблизительности постоянно будет присутствовать, поскольку во всей конкретности действие восстановить невозможно. Рассмотрим следующий пример. Женщина видит запачканные брюки на муже и, указывая на них, спрашивает его: *Де пак сид'ал сас т'ах?* (Где ты опять в них сидел?).

Здесь форма *перфекта* несовершенного вида *сиг'áл* указывает на повторявшееся действие. Но это действие не реальное, а предполагаемое. Женщина могла заключить о нем лишь на основании того, что увидела на муже запачканные брюки. Когда именно и каким образом он испачкал брюки, она точно не знает, но догадывается об этом, так как это случалось уже и раньше. Таким образом, форма *сиг'áл* только приблизительно передает действие, в результате которого были испачканы брюки.

6. Формы перфекта в вопросительных и отрицательных предложениях

§ 38. В вопросительных и отрицательных предложениях могут употребляться формы и аориста, и перфекта. Употребление того или другого времени определяется тем же, что и в утвердительных предложениях: является ли прошедшее действие причинно связанным с действиями момента выскаживания или нет.

Вопросительное предложение можно сравнить с уравнением с одним или несколькими неизвестными. Например, одна женщина, возвратившись домой и не найдя цыплят, обычно гулявших по двору, спросила: *Кад'á са утишил?* (Куда они делись?). В этом вопросе выразилось ее незнание того, куда именно делись цыплята. Формой *са утишил* обозначается действие, о котором женщина заключила по его результату. Таким образом, это предполагаемое действие.

В следующем вопросительном предложении неизвестным является само действие. *Работили ли сигá?* (Вы работали?) — спросил кто-то одного из участников экспедиции, только что вышедшего из дома. Действие, обозначенное формой *рабо́тили*, как неизвестное говорящему, является предполагаемым действием.

С другой стороны, это действие, которое могло быть в действительности, а могло и не быть, т. е. реальность его совершения находится под вопросом, что и выражается частичей *ли*.

Такой характер действия вопросительной конструкции сохраняется и тогда, когда неизвестным оказывается и сказуемое и другой член предложения. Например: *Эáїак вид'áла ли си удблíэу?* (Видала ли ты зайца вблизи?). Здесь неизвестным является обстоятельство места *удблíэу*, однако сказуемое *вид'áла* и здесь обозначает такое действие, реальность которого находится под вопросом.

И в том и другом случае мы имеем дело с актуальным прошедшим действием. Вопросительной формой предложения выражается стремление говорящего получить подтверждение в реальном совершении действия.

§ 39. То же наблюдается и в отрицательных предложениях. В отрицательных предложениях отрицаемым элементом может быть любой член предложения, в том числе и сказуемое, выраженное любой временной формой, в частности, перфектом. Это связано с тем, что несовершение действия и прошлом может повлечь за собой совершение действий в момент высказывания. Тем самым отрицаемое действие выступит в качестве прошедшего актуального действия, причинно связанныго с действиями настоящего. Например: *Te ни са утишлý, нуштўват.*

§ 40. Как мы уже говорили, наряду с формами перфекта в вопросительных и отрицательных предложениях могут употребляться формы аориста. Например, в вопросительном предложении: *Удý ли тáа гудýна на жатвá?* (Ходила ли ты в этом году на жатву?), в отрицательном: *За маíка ни гу питá.* (О матери я его не спрашивал).

Этот параллелизм в употреблении форм перфекта и аориста ни в коей мере не свидетельствует о смешении этих форм. Ср., например:

1. *Аэ ни ги вид'áла.* (Я не видела их — имеются в виду пороссята, которые рыли картошку).

2. *Нíкади ни удíх.* (Я никуда не ездила, — то есть всю жизнь прожила в селе, никуда не выезжая).

4. Плюсквамперфект

§ 41. Формы плюсквамперфекта встречаются весьма редко. От основ несовершенного вида они встретились при записи текстов лишь пять раз, а от основ совершенного вида — 13 раз.

§ 42. Формы плюсквамперфекта употребляются в говоре для обозначения предпрошедшего законченного действия, которое произошло или до совершения другого прошедшего действия или до наступления какого-либо момента в прошлом, на котором говорящий сосредоточивает свое внимание и которое оказывается актуальным для этого момента.

Действие, обозначаемое формами плюсквамперфекта, как действие законченное, может обладать всеми качествами, которые присущи прошедшим действиям, обозначаемым формами и аориста, и перфекта.

В соответствии с этим среди примеров, нами зафиксированных, находим следующие случаи употребления форм плюсквамперфекта.

§ 43. От основ несовершенного вида формы плюсквамперфекта употребляются для обозначения предпрошедшего действия, представляемого как совершившийся факт, связанный с фиксируемым моментом. Например: *Ас кату удýх лáни ф Мулдáвија при синó си трágнах самíчка, ас сафсéм ни б'äк удýла.* (Когда я в прошлом году ездила в Молдавию к сыну, то решилась выехать одна. Я совсем не ездила — имеется в виду „до этого раза“).

§ 44. Формы плюсквамперфекта, образованные от основ совершенного вида, соответственно представляют предпрошедшее действие в его завершенности. Например: *Аэ б'äк гу нараñила и тугýва утидахти в булниçата.* (Я сначала его накормила, а тогда уже вы пошли в больницу).

Здесь формы плюсквамперфекта также употребляются для обозначения прошедшего действия, актуального не для момента высказывания, а для одного из моментов прошлого, на котором останавливает свое внимание говорящий. Еще пример. Одна женщина, рассказывая о событиях первых

дней войны, замечает, что тогда ее сын уже родился. Весь рассказ ведется в формах аориста, но в этом месте она употребляет плюсквамперфект, потому что факт рождения сына был к тому времени налицо: *Toj түгйва б'аши са рудйл.* (Он тогда уже родился).

§ 45. Формы плюсквамперфекта употребляются и для обозначения предпрошедшего предполагаемого действия с тем же разграничением форм несовершенного и совершенного видов, которое наблюдается и в формах перфекта (см. § 36).

Такое употребление форм плюсквамперфекта находим в условных придаточных предложениях. Например: *Да бих молчал шт'аши да бáди жуф сýну. — Да бýши кáзала на мéни штих да ти нам'áра.* (Если бы я молчал, может быть, сын остался бы жив. — Если бы ты сказала мне, я бы тебе нашла).

II. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЧИ

§ 46. То разграничение форм прошедших времен, которое мы устанавливаем для говора в целом, вполне согласуется со значением и употреблением этих форм в индивидуальной речи носителей суворовского говора, различающих эти формы. Среди жителей села Суворова немало лиц (преимущественно старшего поколения), которые не смешивают формы прошедших времен и последовательно проводят в своей речи установленное разграничение форм. К ним, например, относится К. Илекчиев (74 года). От него было записано восемь страниц текста, на которых ни разу не обнаружена путаница форм. Причем употребление аориста и имперфекта строго разграничивается в соответствии с установленной выше функциональной соотнесенностью этих форм. Приводим этот текст с некоторыми купюрами:

Ф áрмиа удíх ф дивицóт пárвата гудýна (...) Имáх вуёни тр'охлéтни правá. Служíх дв'а гудýни и дéвигт м'á-цица. Ут т'áа гудýни иднá гудýна бих ф строj... Диви-цóт трéтата гудýна са увóлних ут слúжбата. Си дудéх дóма (...) Дивицóт читирнáїсита гудýна бих мубилизóван.

ФБиндёр пупáнах (...) Там ас пупá(л)нах гу ушýпка сап'óр(...) Кату утýдахми на пузýциáта **рабутíхми** на сап'óрнуту д'áлу. Фав вуéнуту вр'áми сап'óрти ф боj ни бдия, ф боj ни удíхми, набл'удáвахми удалéку (...) **Ф**ривал'ýциáта ни **участвувахми**. С'áхми нашта эим'á, кóлкуту ýмashi... Дивицóт читв'орта гудýна мубилизáциа бýши (...) Утýдахми ф Барáнувичи. Пупáнах ф Жилиэндарóжниç батальjón... **Ф** Манжúриä нашицú батал'jón на направý ускукuleин жил'áэин пат. Тоз жилáэин пат гу **упслúжваши** нашта рóта. Аэ бих три м'áсица тилифунйст при стáнциáта...

Двацáтого маjа **рабутíхми** на пузýциáта. Имáхми пирхóт (...) Ц'áла нош ни спáхми. Аэ меnи ма тýрнаа днивáл'ныj. Ас стуjáх ут'дéвитчáса ду дéвит утrá... (В армию ходил в девятьсот первом году...) У меня были трехлетние военные права. Я служил два года и девять месяцев... В девятьсот третьем году я уволился со службы. Пришел домой... В девятьсот четырнадцатом году был мобилизован. Попал в Бендеры... Там по ошибке попал в саперы... Когда приехали на позицию, работали по саперному делу. В военное время саперы в бой не ходили. Мы в бой не ходили, наблюдали издалека... В революции не участвовали. Сеяли землю, сколько было... В девятьсот четвертом году была мобилизация... Уехали в Барановичи. Я попал в железнодорожный батальон... В Манчжурии наш батальон построил узкоколейную железную дорогу. Эту железную дорогу обслуживала (тогда) наша рота. Я был три месяца телефонистом при станции...

Двадцатого мая мы работали на позиции. У нас был переход... Всю ночь не спали. Меня назначили дневальным. Я стоял с девяти часов до девяти утра...).

К. Илекчиев последовательно употребляет для обозначения прошедшего действия, представляемого как совершившийся факт, аорист: **ф** áрмиäа удíх **ф** дивицóт пárвата гудýна; кату утýдахми на пузýциá, **рабутíхми** на сап'óрнуту д'áлу; **двацáтого маjа рабутíхми** на пузýциáта. Для обозначения прошедшего длительного действия, огра-

ниченного во времени, он также использует формы аориста: **служи́х дв'я гуди́ни и дёвит м'ясица; ү́йла ноши спáхми.** Формами имперфекта он передает: а) прошедшее длительное действие, фиксируемое в один из моментов совершения: **тоз жилéзин пат гу упслúжваши нашта рóта;** б) прошедшее действие как „обобщенный факт“: **фав вујéнту вр'áми сап'óрити ф боi ни бдиа.**

При переводах с русского К. Илекчиев тоже никогда не сбивался и всегда последовательно переводил одновременное прошедшее действие формами имперфекта. Например: *Гáту утáдих ф Смайл срёшнах моi другáрин.* (Когда я ехал в Измаил, встретил моего приятеля).

Постоянно повторявшееся прошедшее действие он также в соответствии с установленным разграничением переводил формами имперфекта. Например: *Ут нашту сёлу юмаши идýн чул'áк кóйтu вс'áку и(д)но вр'áми бдиши сас калпák.* (Из нашего села был один человек, который всегда ходил в шапке).

§ 47. А. Г. Ненова (63 года), рассказывая о том, как укради часы ее зятя, очень последовательно различала с помощью форм аориста и перфекта действия реальные и предполагаемые. Приведем небольшой отрывок из этого рассказа: *Кóлку гуди́ни Фéд'a ги нусý т'áа часý! И кату зéða да óдат на рабута ф кáру и тоi си ги закачý ф кáшти. И млóгу на-рóд дувáд'aa у нас да нуштúват и т'áа часý се си сидáт там закачéни. И идна нид'áл'a дудé Ивáница да и пíши Máша писмо на мажó. И т'a ѹ напíса писмо и сид'áа ф кáшти и приказвáа и плакá т'a за мажó си. И Фéд'u си дудé сас инó мумчé энакóму у нас и кáэва на Máша: „Máшо, служí да идём с тва мумчé!“ И нíða тугýва утýдахми там ф кáшти, сас т'áх вмéсти сид'áхми. Пак тáа Ивáница устáна ф тáа кўфн'a и ги зéла. Зéла часýти и ги тýрнала ф джóбу си. И нíða за т'áа часý ни ни ёе рóмна нам да ги путрásим...*

...На тóо ден фаф сáбута на мрáквани вал'á даш. И т'a вичиртá ги дунéла и ги пуснáла ф армáн'u. Там юмахми прáчка и т'a там ги тýрнала. И нíða сутринтá

утідахми там ф армáн'у и дратио ги вид'á. И тугýва тої начéна да кришти: „Мáшо, бўл'o, нашти часý си душлý!“ И тугýва... ги глéдат да ни са спóртини часýти. Т'a какту ги зéла таj ги дунéла. Н'амат нýштичку часýти. (Сколько лет Федя носил эти часы! Когда стали ходить на работу в поле, он их повесил в доме. И много народа к нам заходило ночевать, а часы все висят там. В одно воскресенье пришла Иванница, чтобы Маша написала ей письмо мужу. Она написала ей письмо. Они сидели в комнате и разговаривали, и она плакала о своем муже. Федя пришел с одним знакомым парнем к нам и сказал Маше: „Маша, накрой нам поесть!“ И мы тогда ушли туда в дом, с ними вместе сидели. А эта Иванница осталась в комнате и взяла их — часы. Взяла часы и сунула их себе в карман. А нам и ни к чему их искать...

... В этот день в субботу под вечер шел дождь. И она вечером их принесла и бросила их в огороде. Там у нас стоял кол, и она там их положила. Утром мы пошли в огород, и дедушка их увидел. Он начал кричать: „Маша, наши часы нашлись!“ Потом они их посмотрели, не испортились ли часы. Она как их взяла, так и принесла. Ничего плохого в них нет).

Нетрудно заметить, что все действия, характеризующие поступки женщины, взявшей часы, Ненова А. Г. неизменно передает формами перфекта, поскольку это такие действия, о которых она может только предполагать.

III. СМЕШЕНИЕ ФОРМ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН

§ 48. Задача данного раздела состоит в том, чтобы раскрыть сущность процесса смешения форм прошедших времен, наблюдавшегося в суворовском говоре.

Напомним, что первая экспедиция, работавшая в селе в 1951 г., отметив частое употребление форм аориста и сравнительно редкое употребление форм имперфекта, высказала предположение относительно вытеснения форм имперфекта формами аориста.

Статистические данные, касающиеся частоты употребления форм прошедших времен в целом, как будто бы действительно указывают на преобладание в записанных текстах форм аориста, на долю которых приходится $\frac{2}{3}$ всех примеров. Заметим прежде всего, что такое резкое преобладание идет за счет форм аориста совершенного вида. $\frac{11}{12}$ примеров на формы прошедшего времени, образованные от глагольных основ совершенного вида, приходится на аорист. Меньше всего примеров на имперфект (3) и на плюсквамперфект (13). Формы перфекта от глаголов совершенного вида зафиксированы 89 раз.

Иначе распределяются примеры, записанные на употребление форм прошедших времен, образованных от глагольных основ несовершенного вида. В нашей картотеке имеется 455 примеров на употребление этих форм. Самыми редкими являются формы плюсквамперфекта: только пять примеров. Редкими являются и формы перфекта. Из оставшихся 450 примеров на их долю приходится лишь $\frac{1}{5}$ часть, остальные $\frac{4}{5}$ части почти поровну распределяются между имперфектом и аористом с незначительным преобладанием последнего (разница в 10 примерах).

Таким образом, даже чисто статистические данные об употребительности форм прошедших времен не могут свидетельствовать о „наступательном“ характере аориста в отношении форм других прошедших времен, в частности имперфекта, по крайней мере в области форм несовершенного вида.

§ 49. Сущность процесса смешения форм прошедших времен помогает раскрыть анализ самих случаев неправильного употребления.

В имеющихся в нашем распоряжении текстах мы нашли 150 случаев неправильного употребления форм прошедших времен. Самый общий анализ этих случаев обнаружил весьма существенные факты для понимания происходящего в говоре процесса.

Во-первых, неправильным употреблением охватываются в говоре все формы прошедших времен, а не только формы

аориста. Это явствует из того, что, с одной стороны, формы аориста могут употребляться не только вместо форм имперфекта, но и вместо форм перфекта и даже плюсквамперфекта, с другой — формы перфекта и имперфекта могут, в свою очередь, заменять формы аориста.

Таким образом, уже из этого совершенно очевидно, что речь должна идти не о вытеснении форм имперфекта, а о каком-то ином процессе.

Возможность взаимной замены форм прошедших времен, то есть то обстоятельство, что, например, не только формы аориста могут употребляться вместо форм имперфекта, но и, наоборот, формы имперфекта могут употребляться вместо форм аориста, свидетельствует не о вытеснении одних форм другими, а о функциональном неразличении этих форм.

Во-вторых, смешиваться между собой могут лишь различные формы тождественного вида, то есть аорист совершенного вида могут употребить только вместо перфекта совершенного вида, перфект несовершенного вида могут употребить и вместо аориста и вместо имперфекта, но тоже только в тех случаях, где по установленным выше требованиям должна стоять форма несовершенного вида, и т. д. Этот факт указывает на ту существенную роль, которую играют видовые различия в наблюдаемом процессе смешения временных форм. Ввиду этого дальнейшее рассмотрение материала и строится по видовому признаку.

Предлагаемый ниже анализ функциональных возможностей зафиксированных нами взаимных замен форм прошедших времен показывает, что смешение форм прошедших времен, наблюдавшееся в говоре, связано с усилением роли видовых различий, носителем которых является глагольная основа.

1. Смешение форм прошедших времен, образованных от глагольных основ совершенного вида

§ 50. Следует заметить, что употребляемый нами термин „замена“ является условным. Правильнее было бы говорить не о „замене“, что косвенно напоминает „вытеснение“, кото-

рое ни в коей мере не передает сущности происходящего процесса, а о равноправном употреблении форм. Об этом, как мы уже говорили, свидетельствует возможность употребления в одной и той же функции не двух каких-либо форм прошедших времен, а всех трех.

а. Возможные замены форм имперфекта

§ 51. Имперфект во всех своих функциях может заменяться формами аориста. На замену его формами перфекта нет лишь примеров с постоянно повторяющимся действием. Рассмотрим возможные замены имперфекта по функциям.

а) Замены имперфекта при обозначении прошедшего длящегося действия, зафиксированного в один из моментов его совершения

§ 52. На замену имперфекта в этой функции формами аориста имеется четыре примера, причем один из них получен путем перевода. Приведем два из них:

Мáма как рас пулúчила ут калхóзу сýринту и правý ругувáчки. (Мама как раз получила из колхоза брынзу и пекла пирожки).

Как *рас* относится к моменту возвращения домой девочки, рассказывавшей об этом. Совершенно очевидно, что форма аориста *правý* здесь употреблена вместо имперфекта. Еще пример, полученный путем перевода: *Гáту аз иэл'áнах ут кáшти тамáн вал'á даш.* (Когда я вышла из дома, как раз шел дождь).

Лишь один раз удалось наблюдать замену имперфекта перфектом: *Рáн'ши жýдим ф кáру д'áду и бáба. Кату са вárним н'áма ни л'äп, ни пíли. Ино́ту мумýчинци на пáт'у спáлу, дрúгу на полу спи.* (Раньше пойдем мы в поле — дед и бабка. Как вернемся, нет ни хлеба, ни цыпленка. Одна девочка на дороге спит, другая спит на полу — из сказки).

Здесь в одной и той же функции в первом случае вместо имперфекта стоит перфект, во втором — форма настоящего времени.

б) Замены имперфекта при обозначении одновременного действия

§ 53. В этой функции имперфект чаще заменяется формами аориста. Аорист может заменять имперфект при обозначении и параллельного и сопутствующего одновременных действий. Например: а) параллельное действие: *Tōj жув'ā ф Пукрофка и са учí тук.* (Он жил в Покровке и учился тут, то есть в Суворове); б) сопутствующее действие: *Жéн'a врхв'ā и са убрáка.* (Женя шла и заблудилась).

В приведенных примерах аорист выступает в функции имперфекта одновременного действия в простом распространном предложении с двумя сказуемыми. Аналогичную замену находим и при сложно-подчиненных конструкциях. Например: а) параллельное действие: *Гáту нӣц врхв'āхми нушт'ā у нас насрéшту врхв'ā друг по́ист.* (Когда мы ночью ехали — имеется в виду „на поезде“, — нам навстречу шел другой поезд); б) сопутствующее действие. *Какту́ ризá зéлиту ч си́ удр'āза прáсту.* (Как резала капусту, так и отрезала себе палец).

В дополнительных придаточных предложениях при главном со сказуемым, выраженным глаголами *видя*, *зная*, *чуя* и им подобными, в говоре употребляется настоящее время для обозначения прошедшего действия, одновременного с действием главного. Например: *T'ýia чуа чи́ иди́лаф.* (Они услыхали, что идет лев).

Лишь один раз в этом случае зафиксировано не настоящее время, а имперфект: *Удí ф ни́д'áла, вид'ā чи́ имаши на пазár'у карпýзи.* (Ходил в воскресенье и видел, что на базаре есть дыни).

Формы аориста в дополнительных придаточных предложениях не отмечены ни разу.

В нескольких случаях для обозначения прошедшего одновременного действия употребляется перфект. Например: *Ку́гáту сне билé млади шко́ла нимáлу.* (Когда мы были молодыми, школ не было).

в) Замены имперфекта при обозначении прошедшего постоянно повторявшегося действия

§ 54. Формы перфекта в этой функции не зафиксированы. Случай замены формами аориста немногочисленны — всего четыре примера, причем только один зафиксирован при непосредственной записи, остальные три получены искусственным путем с помощью перевода. Например: *Г'а жув'ালа млóгу ѿбуу пак ас се плакáх, се плакáх, учíчки ми ни вийдат сигá.* (Она — имеется в виду дочь рассказчицы — жила очень хорошо, но я все плакала и плакала, глаза мои теперь не видят. — Дочь жила не с ней, а на Украине, и мать скучала без нее).

Следующий пример получен путем перевода: *Лáни кáта ден удíхми на школата.* (Прошлый год мы каждый день ходили в школу).

г) Замены имперфекта при обозначении обобщенного действия

§ 55. В этом случае возможны замены и формами аориста, и формами перфекта. При непосредственной записи текстов было зафиксировано три случая употребления аориста и семь случаев употребления перфекта в этой функции. Путем перевода было получено еще 14 примеров употребления аориста. Форма перфекта при переводах встретилась лишь один раз.

1. Аорист может заменять имперфект и в значении признака предмета, и в значении „обобщенного факта“. Например: *Јáди жíрну и са разбул'á.* (Ела жирное и заболела).

Здесь форма *јáди* обозначает такое прошедшее действие, которое вследствие его постоянной повторяемости вошло в привычку и в дальнейшем могло стать своего рода признаком. Вернее было бы перевести эту форму словами „любила есть жирное“. Ср. примеры, приводившиеся на употребление имперфекта (§ 27).

2. *Рáн'ши рабутíхми се таї кату бих млáда.* (Раньше мы все так работали, когда я была молодая). Здесь форма аориста *рабутíхми* обозначает такое прошедшее постоянно

повторявшееся действие, с помощью которого возможно характеризовать тот период, когда рассказчица была молода. Таким образом, здесь аорист употреблен вместо имперфекта „обобщенного факта“.

Употребление форм перфекта вместо имперфекта зафиксировано только при обозначении „обобщенного факта“. Например: *Ора прόсту жув'áли. Самý са прéли памýк...* (Люди плохо жили. Сами пряли хлопок...). Эти фразы взяты из воспоминаний старой женщины о прошлом. Формами перфекта она обозначила здесь действия, характерные для этого прошлого, то есть действия как „обобщенные факты“ прошлого.

§ 56. Подведем итог. Возможности замены имперфекта другими формами времени шире и чаще при обозначении „длящегося“ и „одновременного“ действий. Здесь наблюдается употребление форм и аориста, и перфекта. Однако формы перфекта встречаются в этих случаях реже. При этом формы аориста предпочтитаются при обозначении „одновременного“ действия, за исключением придаточных дополнительных предложений, а формы настоящего времени — при обозначении „длящегося“ действия, фиксируемого в один из моментов его совершения.

Труднее как будто бы, на первый взгляд, производятся замены имперфекта „обобщенного“ действия. Напомним, что подавляющее большинство примеров на замену аористом было получено искусственно. Однако здесь следует иметь в виду следующее обстоятельство. Формы имперфекта „обобщенного факта“ обычно встречаются в текстах, посвященных описанию жизни прошлого. Естественно, что дети, совсем не заставшие этой жизни, знают о ней по рассказам взрослых и обычно мало касаются этих тем, а если и касаются, то в рассказе о ней употребляют так называемые „пересказанные формы“. Молодежь также избегает рассказывать о прошлом, которое помнит и знает плохо. Отыскать другие темы, при изложении которых можно было бы услышать частое употребление имперфекта „обобщенного факта“ или его замен, не удалось. Ввиду этого и пришлось прибегнуть к пере-

водам, которые также подтвердили возможность замены имперфекта и в этом случае.

§ 57. Чаще всего неправильное употребление форм наблюдается у детей, реже — у взрослых в возрасте до 50 лет и совсем редко у стариков. Так, например, у детей до 16 лет неправильное употребление при обозначении „одновременного“ действия зафиксировано в 16 случаях, а у стариков — только в двух.

§ 58. Таким образом, нет такой функции, в которой имперфект не мог быть заменен другими, возможными формами прошедших времен. И тем не менее, есть такие случаи, когда имперфект необычайно устойчив. Однако эти случаи определяются не функционированием имперфекта; они обусловливаются лексическими возможностями ряда глаголов и некоторыми синтаксическими конструкциями.

Со стороны лексической устойчивое употребление имперфекта связывается с теми глаголами, которые по существу обозначают не действие, а свойство, качество, представленное в виде действия.

Так, глаголы *убичам*, *эная*, *мясам*, *струвам* обозначают не действие, а свойство, но свойство, так сказать, в действии, поэтому при них могут стоять обстоятельства времени, указывающие на длительность действия. Благодаря такой двойственности они могут в одних случаях указывать на действие, а в других на свойство предмета. Ср., например, следующие фразы:

1. *Знајáх ам сигá забраих.* (Знала, но теперь забыла).

2. *Кату ни знајши какту са плúва са пусна ваф Дунава и чут' ни са удáви.* (Не умея плавать, он спустился в Дунай и чуть не утонул).

Во втором примере глагол *эная* употребляется в значении русского глагола *уметь*, то есть указывает на наличие у данного лица способности, качества и т. п.

Именно в таком употреблении имперфект от такого рода глаголов очень редко заменяется другими формами прошедших времен.

Так, например, никогда не заменяют формы имперфекта от глаголов *мясам* и *струвам*. Аорист от этих глаголов не зафиксирован ни разу ни при наблюдениях непосредственной речи, ни при переводах с русского. Всегда скажут: *То^к м'́дсаши на ме́ни.* (Он был похож на меня). От глагола *зная* лишь трижды встретились формы аориста при переводе с русского у девочки 10 лет — К. Смоковой. Примеры (четыре), записанные при фиксации непосредственной речи, все представляют этот глагол в форме имперфекта, причем один из них записан от мальчика 13 лет.

Очень последовательно и в речи старшего, и в речи младшего поколения употребляется имперфект в разных безличных конструкциях. Так, например, конструкции типа *ни^кса^к вийдаши* (не было видно) или типа *тр'́да да имаши* (должно быть, был) всегда употребляются только с формами имперфекта.

Безличные конструкции типа *ни^кми^кса^к сп'́аши* (мне не спалось) взрослыми всех возрастов никогда не употребляются с аористом. Лишь при переводе от девочек 9—10 лет были и в этих конструкциях зафиксированы формы аориста.

Так, К. Смокова безличные конструкции первого типа последовательно переводила в формах имперфекта. Например: *Ут ни^кди ни^кса^к вийдаши.* (Ниоткуда не видно). При переводе безличной конструкции типа *ни^кми^кса^к сп'́аши она* употребила аорист: *Фчёра б'́аши млóгу дúшну и ас ни^кми^кса^к спá.* (Вчера было очень душно и мне не спалось).

6. Возможные замены форм аориста

§ 59. Примеров замены аориста гораздо меньше, чем замены имперфекта: всего 27, из них на замену формами имперфекта приходится 13, формами перфекта — 14.

Формы аориста могут заменяться формами и имперфекта, и перфекта во всех функциях. Правда, на замену аориста в функции конкретного повторявшегося действия имеется лишь три примера. Приведем один из них:

Они́ю пέтак вал'á даш фаф Трујáн... три пáти вал'áлу, а тук се н'áма. (Прошлую пятницу шел дождь в Трояне — имеется в виду село Старый Троян — три раза шел, а здесь все нет).

Рассмотрим возможные замены аориста в других функциях.

а) Замены аориста при обозначении прошедшего законаченного действия, представляемого говорящим как свершившийся факт

§ 60. Нам встретилось семь примеров замены аориста в этой функции имперфектом и семь примеров замены перфектом. Например:

Нӣ ф Русýа са рудéни. Ф Русýа удíх на школа...
Кату б'áхми пу млáди ф Смайл бдихми. (Мы в России родились. В России ходила в школу... Когда мы были помоложе, то ездили в Измайл).

Этот отрывок взят из автобиографии женщины 57 лет, которая в своем рассказе не пыталась изложить отдельный эпизод или ряд эпизодов из своей жизни, а просто перечисляла отдельные факты своей биографии, не пытаясь связать их между собой. Обычно, как мы уже указывали, в таких случаях употребляется аорист несовершенного вида. Здесь же вместо форм аориста в одном случае употребляется имперфект — *бдихми* (см. § 8).

В аналогичном контексте встретилась нам и форма перфекта. Одна 55-летняя женщина, показывая старый болгарский костюм, сшитый из домотканной материи, говорила о том, что и она в молодости ткала такую материю:

Кату бих мумá, тугíва такáла. (Когда я была девушкой, тогда ткала).

Здесь сообщается отдельный конкретный факт, но в самом общем виде, потому что говорящей важно не столько, как и в какое точно время она это делала, сколько то, что в свое время она это делала, а сейчас не делает, в данном случае — не ткет.

6) Замены аориста при обозначении прошедшего длительного действия, ограниченного во времени

§ 61. Встретилось пять случаев замены аориста имперфектом (причем один из них — перевод) и два случая замены аориста перфектом. Например:

Тўка начёнаами да тёглим на бабақити. Тигл'ामи и утйдаами вёчи на сирдата г'бу. Там начёнаами да са кáпим. Сх кáпаами, са качами и дудёми чак дутүк. (Здесь начали мы двигаться на веслах. Ехали и выехали уже на середину лимана. Там мы стали купаться. Купались, потом сели опять в лодку и доехали прямо до этого места).

Здесь форма *са кáпаами* (имперфект) обозначает длительное действие, границы которого определяют стоящие рядом формы аориста совершенного вида *начёнаами да са кáпим* и *са качами*.

Замена аориста возможна и в тех случаях, когда длительность действия определяется соответствующими обстоятельствами времени. Например: *Тоғ три үдйни пас'аши уфцёти*. (Он три года пас овец). Здесь вместо аориста употребляется имперфект. В следующем примере находим в той же функции форму перфекта. Одна женщина, рассказывая о каком-то несчастье, говорила про себя: *Млóгу вр'ами прика́рала, пла́кала*. (Долгое время я переживала, плакала).

§ 62. Таким образом, анализ возможных замен форм аориста показывает, что большую устойчивость эта форма обнаруживает в тех случаях, когда она употребляется для обозначения конкретного прошедшего действия, повторявшегося определенное число раз.

Характерен в этом отношении тот факт, что в приведенном выше примере на замену аориста, обозначающего конкретное повторявшееся действие, употребляется не имперфект, а перфект. Напомним, что перфект вообще может употребляться для обозначения такого действия, но в том случае, когда говорящий приблизительно, общо передает эту повторяемость.

Видимо, по аналогии с таким употреблением и в результате обобщения такого употребления возникло употребление перфекта и при точном обозначении повторяемости действия, которое мы и наблюдали в нашем примере.

Значительно свободнее, повидимому, происходит замена аориста в функции „совершившегося факта“. Больше всего примеров именно на этот случай.

§ 63. Неправильное употребление форм аориста наблюдается у лиц различных возрастных групп: от стариков 60—70 лет до десятилетних детей. Малочисленность примеров не позволяет сделать каких-либо более точных наблюдений. Например: *Кусíхми на срáпуви. Жув'áхми, гул'áхми...* *Имáлу вýну. Сx збýрали на гул'áнки. Mash и жинá, маш и жинá сa эбрáли: п'áсни, танцúват. И таi билó: óдим, кóсим, вращáм...* *На млáдити тва ўба(в)у клуп, пак рáн'ши ни бдихми ф клуп...* (Косили серпами. Жили, гуляли... Было вино. Собирались на гулянки. Муж и жена, муж и жена собирались: поют, танцуют. Было и так: ходим — имеется в виду „на работу“ — косим, молотим... Молодых тянет в клуб, а мы раньше в клуб не ходили).

Этот отрывок взят из воспоминаний шестидесятилетней Е. Г. Смоковой. Здесь в функции „обобщенного факта“ зафиксированы все три формы прошедшего времени: и имперфект — *бдихми*, и аорист — *кусíхми*, и перфект — *са збýрали*.

Следующий отрывок также взят из рассказа старой женщины — А. Дамяновой (72 года): *Маi плоху жив'áх. Читирнáиси дицá имáх... Кугáту сне билé млáди школа нимáлу. Р'áтку óдна на школа. Умр'á каз'áину, тоi ут чуэда ракута умр'á. Работá на идýн чул'áк чи гу зе сквузнíк. Удýжми чак в Бóлграт. Пак работá. Главáта му були, то се раббóтиши.* (Очень плохо я жила. Четырнадцать детей у меня было. Когда мы были молодыми, школы не было. Редко кто ходил в школу. Хозяин умер, он на чужой работе умер. Он работал у одного человека, и его просквозило. Ездили мы даже в Болград. Опять стал работать. У него болела голова, а он все работал).

Здесь все три формы выступают в функции „одновременного“ действия: *сне билé, рабутí, рабóтиши*. Наряду с этим можно констатировать и правильное употребление имперфекта в функции „обобщенного“ действия — *óдия*.

Безразличное употребление форм наблюдается и в речи младшего поколения. Например:

*Ас са ўчих фав осмio клас... Тáа гудíна аэ б'áх пианéр-
важáтаiа... Сас т'áх ас прувудíх мльц пáти збóри эвинá
и утр'áда... На збóру эвинá чéтахми „Пианéрска прáв-
да... книги чéтахми... игрáхми на рáзни Ѵгri... На збóру
утр'áда имáхми тéма... На тоо збор утр'áда пианéрити
прáвии дуклáди. Сéтни пудíр дуклáди т'áа казвáа пуiэй...
Тáкжи правíхми збор эвинá, дéту галчáхми за гáлстук,
значóк, знáми.* (Я училась в восьмом классе... В этом году
я была пионервожатой... Я много раз проводила с ними —
имеются в виду пионеры — сборы звена и отряда... На сборе
звена мы читали „Пионерскую правду“, книги читали...
играли в разные игры. На сборе отряда у нас была тема...
На этом сборе пионеры делали доклады. Потом после до-
кладов они декламировали стихи. Устраивали мы также сбор
звена, на котором говорили о галстуке, значке и знамени).

Этот текст записан от А. Илекчиевой (15 лет). В нем
дважды имперфект употреблен вместо „аористах факта“: *са
ўчих и прáвии*, хотя в других случаях употребляется аорист.
Сравни формы: *чéтахми, игрáхми, правíхми*.

27-летняя Д. Н. Бичева, рассказывая о болезни матери,
правильно употребила форму аориста для обозначения конкретного длительного действия, ограниченного во времени:
Бул'á идýн м'áсиц и уmr'á. (Она болела один месяц и
умерла). Некоторое время спустя в том же рассказе она
обозначила такое же действие формой имперфекта: *Дв'a
гудíни рабóтихми ф сéлу...* (Два года мы работали в селе...).

Поразительные результаты дала проверка материала путем переводов. Для переводов использовались фразы, взятые из текстов, сделанных при записи непосредственной речи. Обычно одну и ту же фразу одни переводили в форме ао-

риста, другие — в форме имперфекта. Например, в одном из приведенных выше текстов есть фраза: *Главáта му бу́лý то̄с рабóтиши*, которая по-русски звучит так: У него болела голова, а он все работал. Ясно, что здесь два одновременных, параллельно протекающих действия. Следовательно, и в том и другом случае следует ожидать имперфекта. Однако уже в самом оригинале, как видим, это нарушается: в первом случае „одновременное“ действие передается формой настоящего времени — *бу́лý*, во втором — формой имперфекта — *рабóтиши*.

При переводе этой фразы с русского были обнаружены еще два варианта, с помощью которых может быть передано „одновременное“ параллельное действие.

Ф. Балабан (13 лет) перевела эту фразу так: *Главáта му бул'áши пак то̄с рабутý*, то есть в первом случае она употребила имперфект, во втором — аорист. М. Смокова (45 лет) и А. Смокова (11 лет) перевели ее, не используя совершенно форм имперфекта, лишь при помощи форм аориста: *То̄с гу бул'á главáта и се рабутý*.

Вместе с тем при переводах наблюдалось и такое явление, когда одно и то же лицо аналогичные предложения в одном случае переводило формами аориста, а в другом — формами имперфекта. Например, та же Ф. Балабан предложение *В нашем классе была девочка, которая постоянно плакала* перевела, употребляя для обозначения постоянно повторявшегося действия форму аориста: *В на́шио клас имá мумýчинци дéту се плакá*, а предложение *У меня был маленький брат, который все время плакал* перевела, употребляя форму имперфекта: *У мéни юмаши манéничик брат кóјту сýчкуту вр'áми се плáчиши*.

При обозначении постоянно повторявшегося действия смешивает формы аориста и имперфекта К. Смокова. От нее были записаны следующие аналогичные фразы, в которых она тем не менее использовала разные формы:

1. *Лáни кáта ден удíхми на шкóлатат*. (В прошлом году мы каждый день ходили в школу).

2. *Ас лáни кáта ден бдик ф Смайл.* (Я в прошлом году каждый день ездила в Измаил).

Интересно, что переводила она эти фразы непосредственно одну за другой.

Разными формами переводила одновременное действие и Д. Д. Минова (52 года). Ср., например, следующие предложения, переведенные ею одно за другим:

1. *Ас кату[~]удíх, т'a сп'áши.* (Пока я ходила, она спала).

2. *Гáту бдик ис цéнтра срéшнах тáти.* (Когда я шел из центра, я встретил отца).

§ 64. При переводах мы обычно задавали переводчику вопрос о том, возможно ли употребление в переведенной им фразе другой формы прошедшего времени, не той, которую он употребил. Очень часто мы получали ответ: „можно и так, и так“.

Иногда переводившие сами указывали на возможность нескольких вариантов.

Потеря „языкового чутья“ является одним из фактов, косвенно свидетельствующих о неразличении форм прошедших времен.

§ 65. Как следствие безразличного употребления форм прошедших времен является тенденция употреблять для обозначения любого прошедшего действия формы лишь одного какого-либо времени.

В суворовском говоре эта тенденция, видимо, пока не получила широкого распространения.

Нам довелось наблюдать любопытное явление. Одна девочка 13 лет, узнав от членов экспедиции, какие формы прошедших времен как называются, могла по заказу рассказывать все то в имперфекте, то в аористе, то в перфекте. При этом навязывание явно несоответствующих форм никогда не вызывало у нее ни сопротивления, ни возмущения, как это обычно бывает, если функциональное разграничение различных форм в речи данного лица наличествует.

Такое предпочтение форм одного времени можно было наблюдать у нее и при непосредственной речи, что видно из следующего отрывка, в котором для обозначения действий, передаваемых глаголами несовершенного вида, она преимущественно употребляет имперфект:

Мо́й д'áду б'áши лут. То́й бдиши нас'áкади. Идён пат то́й б'áши у нас... На дрúгио ден д'áду по́ючи са разлуду́ва. Мáмини удíя да гу вárдат... сабáл'ам то́й станá и пу-б'áгна ваф мамúлити и эачéна да кришти. Тýя гу улов'aa му вразá рац'áти и кракáта. То́й си раздрá рýзата и дв'á нéд'áли ни я́диши ни ту пíjши вудá. (Мой дедушка был сумасшедшим. Он повсюду ходил. Один раз он был у нас... На другой день дедушка еще больше разбушевался. Мать с отцом ходили его стеречь... Утром он встал, побежал в кукурузу и начал кричать. Они—имеются в виду родственники—его поймали, связали ему руки и ноги. Он разорвал на себе рубашку и две недели ничего не ел, даже воды не пил).

На известное предпочтение перфекта указывает следующий отрывок, взятый из диалога: *Ас сáм бýла болна. Ас сáм лижáла фав булни́ца чéтири дéна. Нéска самстанáла... Кáзват óра чи аз имáла мáдка, т'a умр'á гáту б'áх на дв'á гудини.* (Я была больна. Четыре дня лежала в больнице. Сегодня встала... Люди говорят, что моя мать умерла, когда мне было два года).

Тенденция употреблять вместо трех форм прошедших времен одну в говоре, повидимому, пока еще не получила широкого распространения. Примеры, обнаруживающие эту тенденцию, весьма редки.

в. Возможные замены плюсквамперфекта

§ 66. Формы плюсквамперфекта несовершенного вида в говоре могут заменяться только формами перфекта несовершенного вида. Нами не зарегистрировано ни одного случая обратной замены перфекта формами плюсквамперфекта

и ни одного случая замены плюсквамперфекта формами других прошедших времен.

Замена форм наблюдается и в придаточных, и в самостоятельных предложениях. Например:

а) в придаточном: *И идін д'адушка көйтүу принимавал участии фаф сыйкити бойшта на крэсир „Аврора“ тоң ни рассказывала историца крэсир „Аврора“.* (И один дедушка, который принимал участие во всех боях крейсера „Аврора“, рассказывал нам о крейсере „Аврора“);

б) в самостоятельном: *Күгәту ниң са жинихми бাশы вуинá читирнаисита гудына... Прит нас се кусили сас срап...* (Когда мы поженились, была война четырнадцатого года... До нас все косили серпом...).

Формы перфекта могут выступать в различных функциях плюсквамперфекта: они могут заменять и плюсквамперфект „общего факта“, как в вышеприведенных примерах, и плюсквамперфект, обозначающий предпрошедшее длительное действие, ограниченное во времени, как, например, в следующем отрывке:

Тва мумчё ут фтöриðо ми маш. Б'ых дв'я гудыни дувыца, б'ых бéдна. Фтöриðо ми маш имаши пятнаиси дистанини зим'я, луз'я... Тоң тринаиси гудыни жув'ял саз дрýга жинá, нимáл дицá... На тринаисита гудына ф пулужёнии трагнáла. Дудé вр'ами, т'a рудý... т'a умр'я. Мажó ми устанá самýчак... (Этот мальчик — от моего второго мужа. Я была два года вдовой, была бедная. Мой второй муж имел пятнадцать десятин земли, виноградников... Он тринацать лет жил с другой женой, у него не было детей... На тринацатый год жена его забеременела. Пришло время, она родила... она умерла. Муж мой остался один...).

Здесь и в вышеприведенных примерах перфект выступает как бы вместо „предпрошедшего аориста“, то есть прошедшего конкретного действия, закончившегося до наступления одного из моментов прошлого, о котором ведет речь рассказчик. Формы перфекта могут употребляться также и для обозначения предпрошедшего результативного дейст-

вия. Например: *Си дудéх дóма. Márta какту́ ривáла и та́i заспáла.* (Я пришла домой. Марта как ревела, так и заснула).

2. Смешение форм прошедших времен, образованных от глагольных основ совершенного вида

а. Возможные замены форм перфекта

§ 67. Формы перфекта совершенного вида могут заменяться лишь формами аориста совершенного вида. При этом аорист может выступать вместо перфекта и при обозначении „реального“ действия, и при обозначении предполагаемого действия.

§ 68. Зафиксировано 20 примеров замены перфекта „реального“ действия.

Один человек так рассказывал о болезни своего сына: *Óшти имáх ино́ мумчé тóжи бólну. Б'áши шисná́си гу́дйни и гу забул'á ф кул'áнуту кракá... То́д сигá уздрав'á. Кракá му сx свíй мálку... амá вравí хúбаву бис пáти-рици. И сx ужéни и дитé ýма. И живéї ýбаву. Работи Загóтэирно ухráник.* (Еще был у меня сын, тоже больной. Когда ему было шестнадцать лет, у него заболели ноги в колене... Теперь он выздоровел. Ему немного свело ноги, но он ходил хорошо, без костылей. Он женился, и ребенок у него есть. Живет хорошо. Работает сторожем в Заготзерне).

Формой *забул'á* начинается длинный, не приведенный здесь, ряд аористов совершенного вида, с помощью которых рассказчик передавал цепь событий, связанных временем последовательностью. Это был рассказ о том, как сына возили от одного врача к другому, как потом положили в госпиталь и как его затем привезли из госпиталя уже здоровым. Все эти события происходили задолго до того момента, когда о них было рассказано, — во время войны. Затем рассказчик перешел к характеристике положения сына в настоящее время. Современное положение можно характеризовать как происходящими действиями, так и прошедшими

шими действиями, но лишь такими прошедшими действиями, результат которых сказывается в настоящем. Поэтому в этой части рассказа, естественно, следовало бы ожидать, что рассказчик в соответствии с нормами своего говора прошедшие действия, привлекаемые для характеристики настоящего положения сына, будет обозначать с помощью форм перфекта. Однако он и в этой части рассказа употребил формы аориста, не чувствуя их неуместности. Он свободно сочетал формы аориста с наречием *сигá*, чтó, как мы видели, совершенно несовместимо со старыми нормами говора: *сигá уэздрав'á*.

Наличие наречия *сигá* лишний раз подтверждает, что форма аориста *уэздрав'á* и следующие за ней формы *са свíй*, *са ужéни* употребляются в приведенном отрывке не в собственном значении, а в функции перфекта и обозначают здесь прошедшее действие, актуальное для момента высказывания. Актуальность действия здесь уже передается не глагольной формой, а наречием *сигá* и контекстом форм настоящего времени *вравíй*, *йма*, *живéй*, *рабóти*.

§ 69. На замену перфекта аористом при обозначении предполагаемого действия зафиксировано восемь примеров.

М. А. Данаков рассказал нам следующую историю:

Идýн шеф ут инá грýупа пулýчи млóгу парý за рабóчими. Нéгу гу узнáа двáма цýганина. Тé́я утýдаа нуш'á ду нéгу дом, фл'áнаа прис циклóту ф нéгуфту кóмнату. Ф нéгуф кóмнат вис'áла пúшка. Тé́я взéли пúшка и гу грáм-на(а). Сéтни зéа нóжу... Кату прискóбка прис циклóту ут идýнио цýганин ут джóбу пáдиалу идно писмо. Пу тва писмо... (Один бригадир одной группы получил зарплату для рабочих. Об этом узнали два цыганы. Они пошли ночью к его дому, влезли через окно. В его комнате висело ружье. Они взяли ружье и убили его. Потом взяли нож... Один из цыган, выскачивая из окна, обронил какое-то письмо. По этому письму... — далее рассказывается о том, как это письмо помогло найти преступников).

Совершенно очевидно, что о действиях преступников рассказчик мог только предполагать, так как не был их со-

участником. Предполагаемые действия в говоре передаются формами перфекта. Тем не менее в приведенном отрывке предполагаемые действия обозначаются и формами аориста — *утыдаа*, *фл'анаа*, *грымна(а)*, *прискокна*, — и формами перфекта — *вис'ала*, *пайдалу*.

Равноправное употребление этих форм свидетельствует о том, что М. А. Данаков не различает их и поэтому употребляет их как попало.

6. Возможные замены форм аориста

§ 70. Формы аориста совершенного вида могут заменяться только формами перфекта того же вида.

Наибольшее распространение аорист совершенного вида имеет при обозначении прошедших завершенных действий, поставленных в ряд и последовательно развивающихся во времени. Именно в этом значении и встречаются чаще всего случаи замены его формами перфекта. Например:

Нéгу нусéами на ráци два-три килумéтра. Тоj тугýа фл'áнал ф сéби си, пуглéнна кругом коj гу нóси и пак закрý учйти. (Мы несли его на руках два-три километра. Тогда он пришел в себя, посмотрел кругом, кто его несет, и опять закрыл глаза).

Здесь форма *фл'анал* выступает на равных правах с формами аориста *пуглённа* и *закрý*. Общий контекст и наречие *тугýа* определяют равнозначность этих форм. Приведенный отрывок взят из записи речи того же М. А. Данакова (40 лет), который, как мы уже видели, не различает этих форм и при обозначении предполагаемого действия.

Замену аориста перфектом можно наблюдать в следующем отрывке: ...*гу блáсна машýна, штиши да умрё дитéту. Гу занéсаа фáв булнýцата и тóка уздрав'á... И гу изликувáли н'áкулку дéна... И уздрав'á, забráвила кóлку дéна...* (...его ударила машина. Чуть не умер ребенок. Его отвезли в больницу, и тут же он поправился... Через несколько дней его вылечили. И он выздоровел, забыла, через сколько дней...).

В этом отрывке, взятом из речи 45-летней женщины, наблюдается равноправное употребление форм перфекта и аориста при обозначении прошедшего действия, актуального для момента высказывания. Ср. формы *уздрав'я* и *забрала*. Вместе с тем однозначно употребляются эти формы и при обозначении прошедшего действия, не связанного с моментом высказывания. Ср. формы *зан'ёса* и *изликували*. Та и другая формы обозначают конкретное прошедшее законченное действие. В первом случае это действие представлено в момент завершения, во втором — целиком как длительное прошедшее действие. На то, что форма *изликували* обозначает действие не актуальное, указывает, во-первых, наличие рядом стоящей формы *уздрав'я*, а во-вторых, то, что внимание говорящей при употреблении этой формы сосредоточивается на длительности действия, что подчеркивает она сама, говоря: *забрала кольку дёна*.

Следует заметить, что случаев замены аориста перфектом очень мало. Зафиксировано всего 13 примеров.

Среди них есть три примера на замену прошедшего повторяющегося действия.

§ 71. Анализ функциональных возможностей зафиксированных взаимных замен перфекта и аориста совершенного вида показывает, что эти взаимозамены возможны во всех функциях и аориста, и перфекта. Малочисленность примеров, однако, не позволяет сделать каких-либо определенных выводов относительно того, в каких функциях эти замены совершаются активнее.

§ 72. Наблюдения над возрастными отклонениями в употреблении форм аориста и перфекта совершенного вида показали, что неправильное употребление этих форм встречается преимущественно в речи младшего и среднего поколений.

в. Возможные замены форм плюсквамперфекта

§ 73. Так же как и в формах плюсквамперфекта несовершенного вида, замены форм плюсквамперфекта совершенного вида носят односторонний характер. Если вместо них

могут употребляться другие формы прошедших времен, то они на месте других форм не встречаются. В отличие от форм несовершенного вида формы плюсквамперфекта совершенного вида могут заменяться и формами перфекта, и формами аориста. Правда, имеется лишь два примера замены аористом.

Одна молодая женщина рассказывала о том, как однажды в половодье ей пришлось ехать с больным ребенком в больницу: *Кату утýдахми стýгнахми ду ино́ дирé, и вудáта вéчи залýва мустó. Ас ма бýши страх да мýна пак братчту нíгу́ і́ стрáх. Зе чи прика́ра приз мустó. На срида́ти мустó путáнаа кулилáта: са прубý мустó...* (Отправившись в путь, мы добрались до одной реки. Вода уже залила мост. Мне было страшно ехать, но братишко не боялся. Он взял и поехал через мост. На середине моста колеса потонули: мост пробило...).

Формы *залýва* и *са прубý* обозначают здесь действия, которые предшествовали прошедшим событиям, послужившим темой для рассказа. На это указывают и наречие *вéчи*, стоящее при форме *залýва*, и весь контекст.

§ 74. Замена плюсквамперфекта совершенного вида формами перфекта встретилась 10 раз. В восьми случаях перфектом обозначается реальное предпрошедшее действие. Например: *Минáхми пу пруспéкт Суворова. Цéминт са раступíл. Ас кату́ стáпнах на мёни на кракáта са залипí цéминт и смулá.* (Мы шли по проспекту Суворова. Асфальт растопился. Я как наступила, так мне к ногам прилипли асфальт и смола).

Совершенно ясно, что асфальт растопился до того, как рассказывавшая это девочка В. Гечева (13 лет) пошла по нему, поэтому здесь следовало бы ожидать формы плюсквамперфекта, но вместо нее стоит форма перфекта *са раступíл*.

В двух примерах перфектом заменяется плюсквамперфект в значении предполагаемого предпрошедшего действия. Например:

Идýнио чул'ák зел кóжа на кóн'a, удрál гу и из'áл мисó. Дудé баштá, вид'á чи кон удра́н. То́и паннá и умр'á. (Один

человек взял содрал кожу с коня, а мясо съел. Пришел отец, увидел, что конь ободран, упал и умер — из сказки).

Все действия, происходившие до прихода отца, следовало бы обозначить формами плюсквамперфекта. Между тем здесь они обозначаются формами перфекта: *зел*, *удра́л*, *из'а́л*.

§ 75. Четыре примера замены плюсквамперфекта записано от детей 11—13 лет, и только один раз замена отмечена в речи 72-летней А. Дамяновой.

* * *

§ 76. Анализ функциональных возможностей взаимных замен форм прошедших времен, зафиксированных в речи части носителей суворовского говора, показывает, что неправильное употребление встречается во всех формах, включая и плюсквамперфект.

Так, формы имперфекта несовершенного вида могут употребляться вместо форм аориста несовершенного вида; формы аориста несовершенного вида, в свою очередь, могут употребляться вместо форм имперфекта и перфекта того же вида, а формы аориста совершенного вида могут выступать вместо форм перфекта и плюсквамперфекта соответствующего вида, формы же перфекта могут замещать формы всех прочих прошедших времен, образованных от глагольных основ соответствующего вида.

Отсутствие примеров на замену перфекта несовершенного вида другими формами прошедших времен соответствующего вида, а также отсутствие примеров на замену перфекта и аориста совершенного вида соответствующими формами имперфекта, повидимому, связано с ограниченным объемом собранного материала, но не нарушает предложенной нами интерпретации наблюдаемого явления. Поскольку, с одной стороны, вместо форм одного времени, в частности имперфекта, могут выступать формы двух других времен, с другой — заменяемые формы сами могут выступать в качестве заместителей (в данном случае имперфект, который может заменять аорист), постольку не может быть речи о том, что формы одного

времени (аориста) взяли на себя функции форм других прошедших времен (имперфекта) и, таким образом, вытесняют последние, как это можно было предположить вначале.

Взаимная замена форм прошедших времен свидетельствует об ослаблении функциональной специфики форм всех прошедших времен, о том, что эти формы перестали различаться. Об ослаблении функциональной специфики можно говорить не только в отношении имперфекта, аориста и перфекта, но и в отношении форм плюсквамперфекта. Правда, употребление этих форм вместо других ни разу не было отмечено, но зато на месте форм плюсквамперфекта встретились формы аориста и перфекта. А это обстоятельство свидетельствует об ослаблении не только функциональной специфики форм аориста и перфекта, но и форм самого плюсквамперфекта.

§ 77. Взаимная замена форм прошедших времен наблюдается, как уже указывалось, только в пределах одного вида. Так, формы аориста несовершенного вида могут заменять формы имперфекта и перфекта только того же вида и никогда не заменяют, скажем, формы перфекта совершенного вида.

Этот факт свидетельствует о том, что те различные стороны прошедших времен, которые ранее передавались с помощью сочетания видовых и временных средств, теперь в речи части носителей говора могут передаваться с помощью видовых различий, носителем которых является глагольная основа. „Богатство“ временных форм восполняется иными грамматическими и лексическими средствами, которые и до этого использовались в языке.

Вспомним, что и теперь в речи носителей говора, различающих формы прошедших времен, формы аориста несовершенного вида, обозначающие длительное или повторяющееся действие, сопровождаются соответствующими обстоятельствами, конкретизирующими представление о повторяемости или длительности этого действия: *цял ден*, *три пъти* и т. п.

Особый характер прошедшего повторявшегося действия, передаваемого формами имперфекта, также обычно находит

себе дополнительное выражение, например, в соответствующих наречиях: *ката ден, се и т. д.*

При наличии двух рядов форм — аориста и имперфекта — центр тяжести при передаче различного в том и другом случае характера повторяемости прошедшего падал на временную форму, но постепенно он сместился на дополнительные средства выражения. Вместе с этим появилась возможность безболезненной замены одной формы другой (аориста имперфектом и наоборот), поскольку с временнай формой несовершенного вида, вернее — с глагольной основой несовершенного вида, стала связываться только повторяемость, а не различный ее характер. При этом роль временных форм была ограничена определением времени совершения действия по отношению к моменту высказывания.

Таким путем происходит, как нам представляется, функциональное обобщение форм различных прошедших времен. То общее, что можно усмотреть в формах имперфекта и аориста, — длительный характер действия, повторяемость действия — при равноправном употреблении этих форм начинает выражаться не формами времени в целом, аориста или имперфекта — безразлично, а лишь самой глагольной основой несовершенного вида; вместе с этим те различия, которые имеются в повторяемости прошедших действий или в характере их длительности, передаются уже только иными грамматическими и лексическими средствами.

Приведем еще пример из области форм прошедших времен совершенного вида. Мы уже обращали внимание на то, что между действиями, обозначаемыми формами аориста и перфекта, много общего. Если отбросить внешний момент, то действие, обозначаемое перфектом, по существу ничем не будет отличаться от действия, обозначаемого аористом. Это тоже прошедшее законченное действие. Формы перфекта несовершенного вида представляют его, как и формы аориста соответствующего вида, в целом, а формы перфекта совершенного вида, как и соответствующие формы аориста, фиксируют внимание на внутренней завершенности действия.

Разграничение форм аориста и перфекта опирается на чисто внешний фактор — актуальность или неактуальность прошедшего действия для момента высказывания.

Однако момент актуальности, лежащий в основе различия форм аориста и перфекта, может найти в речи и иное выражение.

Часто он раскрывается благодаря указанию на наличие результата прошедшего действия. При этом уже используются формы не перфекта, а настоящего времени. Кроме того, используются и различные лексические средства. Например: *Сáму гурéлка е вéта — прегур'áл*. (Только горелка — старая: прогорела — имеется в виду примус).

Результативный характер действия, обозначаемого формой *прегур'áл*, дополнительно раскрывается первой половиной фразы.

При отсутствии словесного выражения результата прошедшего действия актуальность действия, кроме самой формы перфекта, может выражаться более широким контекстом, в который эта форма входит как составной элемент.

Наконец, актуальность прошедшего действия может явствовать из общей ситуации, при которой упоминается это действие. Например: Стоит гурьба мальчишек, собравшихся поиграть в мяч. Один из них и говорит: *Tōl е спуснáл*. (Он — мяч — спустил). Естественно, что все присутствующие понимают, что речь идет о мяче, в который они собираются играть. Благодаря этой фразе всем ясно также, что мяч и сейчас не надут, иначе не следовало бы и упоминать о том, что он спустил.

Таким образом, актуальный характер действия может выражаться и другими способами, помимо формы перфекта, но при наличии двух рядов форм в говоре — аориста и перфекта — центр тяжести в передаче момента актуальности падал, конечно, на временную форму. Постепенно он смешался и в конце концов совсем переместился с форм перфекта на общий контекст и т. п. Вместе с тем утратилась возможность отличать формы перфекта от форм аориста.

§ 78. Рассмотрение распространенности случаев смешения в формах прошедших времен совершенного вида в сравнении с распространностью этого явления в соответствующих формах несовершенного вида дает возможность сделать предположение об истоках наблюдаемого процесса.

Дело в том, что примеров на смешение форм несовершенного вида гораздо больше, чем на смешение форм совершенного вида. Это отчасти объясняется тем, что применение метода перевода с русского при сборе материала по формам перфекта совершенного вида не дало результатов.

Однако, если учитывать только примеры, полученные при записях непосредственной речи, то и тогда случаев взаимной замены в формах несовершенного вида будет почти в два раза больше, чем в формах совершенного вида.

Этот факт свидетельствует о том, что процесс смешения прошедших времен идет интенсивнее в формах, образованных от глагольных основ несовершенного вида. А это дает возможность предположить, что наблюдаемый нами процесс функционального обобщения начался именно в этих формах и лишь постепенно охватывает и формы прошедших времен, образованных от глагольных основ совершенного вида.

§ 79. Как следствие процесса функционального обобщения форм прошедших времен можно рассматривать стремление говорящих пользоваться лишь формами одного из равноправно употребляемых прошедших времен.

Малочисленность примеров не позволяет сделать каких-либо определенных выводов относительно форм того прошедшего времени, которым будут заменены в будущем все формы остальных прошедших времен, но некоторые любопытные наблюдения в этом отношении могут быть знаменательны.

Чаще всего неправильное употребление форм связано с перфектом. Так, например, из 45 примеров на употребление форм перфекта в повествовательных предложениях 27, то есть больше половины, указывают на неправильное употребление этих форм.

Вместе с тем формы перфекта могут употребляться, как мы видели, вместо форм всех прочих прошедших времен: и аориста, и имперфекта, и плюсквамперфекта.

Заметим еще, что и при различении форм прошедших времен формы перфекта могут выступать в ряде случаев, в частности в вопросительных и отрицательных предложениях, на равных правах с формами аориста.

Все это свидетельствует о больших, так сказать, „объединительных“ возможностях форм перфекта по сравнению с формами других прошедших времен.

Ввиду этого весьма возможно, что при дальнейшей унификации формы перфекта окажутся господствующими и вытеснят все остальные, хотя пока они еще являются сравнительно с формами аориста малоупотребительными.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>E. B. Чешко.</i> Предлоги локального и временного значения в болгарском говоре села Суворова	3
<i>Д. С. Мухина.</i> Функции предлога <i>от</i> в суворовском говоре	44
<i>И. К. Бунина.</i> Значение и употребление прошедших времен в говоре села Суворова Измаильской области УССР	71

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии Наук СССР

Редактор издательства Г. А. Лескис

Технический редактор Т. В. Алексеева

Корректор Р. Ф. Астафьева

*РИСО АН СССР № 19-43В. Т-04062. Издат. № 461. Тип. заказ № 1074. Подп. к печ. 14/VI 1954 г. Формат бум. 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 4,25. Печ. л. 9,94. Уч.-издат. 7,20. Тираж 1700
Цена по прейскуранту 1952 г. 4 р. 30 к.*

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9-я лин., д. 12.

20546RU

4 руб. 30 коп.